

П. Н. КРАСНОВЪ

ДУША АРМИИ



КНИГОИЗДАТЕЛСТВО „СРЕДНИ БЪСМЛЕНЪ“

П. Н. КРАСНОВЪ

ДУША АРМІИ

ОЧЕРКИ ПО ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

проф. Генераль-Лейтенанта Н. Н. ГОЛОВИНА



ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЪДНЫЙ ВСАДНИКЪ“

Эта книга отпечатана въ
Берлинѣ, въ типографіи
Бр. Гиршбаумъ, въ декаб-
рѣ мѣсяцѣ 1927 года въ
количествѣ двухъ тысячъ
пятисотъ экземпляровъ
Всѣ права сохранены
за авторомъ



Copyright by the author

*ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
РОССІЙСКИХЪ АРМІЙ*

*ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ*

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

*ВСЕПРЕДАННѢЙШЕ ПОСВЯЩАЕТЪ
АВТОРЪ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя генерала Краснова извѣстно многимъ участникамъ войны. П. Н. Красновъ, какъ писатель, хорошо извѣстенъ многочисленному кругу читателей. Поэтому его имя говоритъ само за себя и всякій его трудъ въ предисловіи другихъ лицъ не нуждается.

Но я чувствую себя обязаннымъ исполнить желаніе П. Н. Краснова. Я его должникъ, ибо когда я обратился къ нему съ просьбой прочесть на учрежденныхъ мною Военно-Научныхъ Курсахъ нѣсколько лекцій по военной психологіи, генераль Красновъ отвѣтилъ мнѣ горячей готовностью внести свою лепту въ трудное дѣло возсозданія Русской Военной Науки.

Я обратился съ такой просьбой къ генералу Краснову, потому что я зналъ, что онъ, будучи Атаманомъ Войска Донскаго въ 1918 году, не только ввелъ въ программу преподаванія Новочеркасскаго Военнаго Училища курсъ Военной Психологіи, но и самъ пріѣзжалъ въ Училище читать этотъ курсъ.

Безспорно, что это нововведеніе, сдѣланное Атаманомъ Красновымъ, представляетъ собою фактъ громаднѣйшаго значенія въ исторіи Русской Военной Школы. Мнѣ хотѣлось поэтому связать чтеніе лекцій по Военной Психологіи на Военно-Научныхъ Курсахъ съ этимъ первымъ шагомъ и съ именемъ того, кому принадлежитъ честь этого шага.

То, что до сихъ поръ Военная Психологія почти нигдѣ не преподавалась, объясняется сложностью самого предмета изученія и трудностью его изслѣдованія. Тѣмъ больше заслуга тѣхъ, кто первыми проникаютъ въ эту не освѣщенную наукой область. Этихъ первыхъ изслѣдователей можно уподобить лю-

дямъ, дерзнувшимъ войти въ неизвѣданную обширѣйшую пещеру, несмотря на то, что въ ихъ рукахъ не могло быть тѣхъ могучихъ средствъ освѣщенія, созданныхъ трудами многочисленныхъ предшественниковъ, какъ это имѣеть мѣсто въ другихъ наукахъ.

Они оказываются въ положеніи изслѣдователя пещеры, вооруженнаго лишь коробкой спичекъ. Естественно, что многіе предметы ускользають отъ ихъ вниманія и у замѣченныхъ ими предметовъ они успѣвають разсмотрѣть только одну сторону. Вслѣдствіе этого, какъ бы талантливы ни были эти первые изслѣдователи, ихъ работы всегда будутъ носить характеръ односторонности и печать субъективности. Для того, чтобы создано было объективное и всестороннее изслѣдованіе, нужно, чтобы много лицъ повторило попытки первыхъ изслѣдователей. Но это вопросъ будущаго; это счастливый удѣлъ слѣдующихъ поколѣній.

Съ особою любовью обрисовываетъ генераль Красновъ красивыя и сильныя стороны нашей Старой Арміи. Знать ихъ, прочувствовать ихъ особенно полезно для поколѣній, вошедшихъ въ сознательную жизнь въ революціонную эпоху. Революція съ озлобленіемъ на старое слишкомъ рѣшительно отменяетъ его. А злоба плохой совѣтникъ. Будущая Россійская Армія несомнѣнно должна использовать все хорошее и свѣтлое изъ нашего Великаго Прошлаго. Она не можетъ отказаться отъ того духовнаго капитала, который завѣщанъ намъ Петромъ Великимъ и Суворовымъ. Только при соблюденіи этого условія она достигнетъ уровня дѣйствительно мощной боевой силы. Душа Арміи выковывается на протяженіи вѣковъ.

Вожди Французской Арміи, приведшіе къ побѣдѣ свой народъ въ только что минувшей величайшей войнѣ въ Исторіи, настаивали на томъ, чтобы на знаменахъ французскихъ полковъ красовались имена побѣдъ не только Республиканской и Наполеоновской армій, но и арміи Королевско-Бурбонской.

Чтеніе труда генерала П. Н. Краснова вызываетъ бодрую вѣру въ будущее Россіи. Поэтому я не сомнѣваюсь въ томъ, что, закрывая эту книгу, читатель испытаетъ чувство глубокой благодарности къ автору.

Будем надѣяться, что примѣръ генерала П. Н. Краснова вызоветъ рядъ повторныхъ попытокъ изслѣдованія духовной стороны войны. Неподнятыя еще поля въ этой области громадны.

По поводу тѣхъ проблемъ, которыя ожидаютъ отвѣтовъ со стороны послѣдующихъ изслѣдователей, мнѣ и хотѣлось бы поговорить въ этомъ предисловіи.

Но передъ этимъ я хочу сказать нѣсколько словъ о рамкахъ Военной Психологій, какъ науки.

Изученіе духовной стороны войны можно вести въ двухъ направленіяхъ:

Во - первыхъ можно изслѣдовать измѣненія въ дѣятельности и въ свойствахъ человѣка, которыя происходятъ въ немъ подъ вліяніемъ обстановки войны.

Во - вторыхъ можно изучать самыя явленія войны, взявъ каждое изъ этихъ явленій, какъ нѣчто органически цѣлое; напримѣръ, изслѣдованіе того внутренняго процесса, который пронеситъ въ бою въ каждой изъ дерущихся сторонъ.

Первый родъ изслѣдованій можно назвать индивидуальной военной психологіей, второй — коллективной военной психологіей.

Но подобное раздѣленіе должно почитаться условнымъ и лишь временно-принятымъ для удобства научнаго изслѣдованія. Дѣйствія бойцовъ слишкомъ тѣсно между собою психически связаны и слишкомъ властно другъ друга обуславливаютъ, чтобы можно было сдѣлать въ области индивидуальной военной психологій сколько-нибудь обобщающіе выводы, не считаясь съ законами коллективной военной психологій.

Поэтому индивидуальная военная психологія должна разсматриваться лишь, какъ вспомогательный отдѣлъ военной психологій, которая въ основной своей части не можетъ быть иной, какъ психологіей коллективной.

Только что указанная опасность односторонности, которая грозитъ индивидуальной психологій въ томъ случаѣ, когда она попытается приписать своимъ выводамъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ они этого заслуживаютъ, грозитъ также и всей военной психологій. Послѣдняя изслѣдуетъ, какъ мы выше говорили, духовную сторону явленій войны. Но эти явленія проте-

каютъ не только въ духовной, но и въ матеріальной обстановкѣ. При этомъ связь между духовной и матеріальной стороною каждаго явленія войны настолько тѣсна, что онѣ неразъединимы. Напримѣръ: наличіе лучшаго вооруженія повышаетъ духъ арміи, обладающей имъ, и понижаетъ духъ противоположной стороны; не меньшій моральный эффектъ производитъ и осознанное численное превосходство.

Часто приходится встрѣчать среди писателей, желающихъ выдѣлнить первостепенное значеніе духовнаго элемента на войнѣ, упущеніе этой тѣсной, неразъединимой, связи между духовной и матеріальной сторонами явленій войны. Не избѣгъ подобной ошибки даже такой крупный умъ, какъ М. П. Драгомировъ. Для доказательства главенствующаго значенія духовнаго элемента въ арміи онъ противопоставлялъ духовный элементъ матеріальному: храбраго съ менѣе совершеннымъ оружіемъ — трусу съ лучшимъ оружіемъ. Логическая ошибка такого противопоставленія заключалась въ томъ, что наличіе отличнаго вооруженія вовсе не обязательно должно совпадать съ трусостью. Наоборотъ, какъ мы только что говорили выше, наличіе лучшаго вооруженія не только ведетъ къ повышенію духа своихъ войскъ, но и къ пониженію такового у непріятели. Результатомъ подобнаго ошибочнаго разсужденія явился слѣдующій парадоксъ: мы, которые гораздо больше говорили до 1914 года о главенствующемъ значеніи духовнаго элемента въ войскахъ, чѣмъ нѣмцы, выступили на войну съ артиллерійскимъ вооруженіемъ въ два раза болѣе слабымъ, чѣмъ германское, и этимъ самымъ понизили духъ нашихъ войскъ и придали полную увѣренность въ своей силѣ нѣмцамъ при дѣйствіяхъ противъ насъ.

Вотъ почему, хотя военная психологія и изслѣдуетъ важнѣйшую сторону явленій войны, ея общіе выводы не могутъ почитаться окончательными. Таковые могутъ быть сдѣланы лишь тогда, когда духовная сторона явленій войны будетъ вновь воссоединена съ матеріальной стороною. Если принять выводы, сдѣланные военной психологіей за тезу, а выводы, полученные изъ изученія матеріальной стороны явленій войны, за антитезу, то окончательный выводъ можетъ быть только синтезомъ (обобщеніемъ), а не противопоставленіемъ.

Отсюда слѣдуетъ, что военная психологія является въ свою очередь лишь вспомогательной наукой для стратегіи и тактики,

въ особенности же по отношенію къ первой, которая является высшей синтетической (обобщающей) военной наукой.

Генераль П. Н. Красновъ начинаеть свой трудъ разсмотрѣніемъ вопросовъ индивидуальной военной психологій. Онъ указываетъ на существенныя психическія различія въ дѣятельности рядовыхъ бойцовъ, ихъ строевыхъ командировъ и руководящихъ крупными войсковыми соединеніями высшихъ начальниковъ.

Психологія бойца — это изученіе дѣятельности человѣка подъ угрозой опасности. Поэтому генераль Красновъ и выдѣляетъ на главенствующее мѣсто среди факторовъ, обуславливающихъ эту дѣятельность, чувство страха. Въ этомъ отношеніи онъ идетъ по пути, пробитому класическимъ трудомъ маіора Арданъ-дю-Пика, написанномъ еще въ 1867 году*). Но, кромѣ этого основного элемента въ психологій бойца, слѣдуетъ, мнѣ кажется, упомянуть еще объ одномъ факторѣ, являющемся, конечно, второстепеннымъ по сравненію съ чувствомъ страха, но все же имѣющемъ немаловажное значеніе въ работѣ рядового бойца. Я говорю про усталость. Какъ бы ни шло впередъ усовершенствованіе матеріальной части, все равно требованія, которыя будутъ предъявляться рядовымъ бойцамъ на войнѣ, превзойдутъ значительно тѣ требованія, которыя предъявляются даже при тяжелой работѣ въ условіяхъ мирнаго времени. А между тѣмъ, на что слѣдуетъ обратить особое вниманіе, физиологическое воздѣйствіе усталости на психику человѣка аналогично дѣйствію страха: она притупляетъ разсудочность и волю. Этотъ вопросъ очень хорошо разсмотрѣнъ только въ одной работѣ, а именно въ книгѣ моего большого друга генерала Де-Модюи «Тактика пѣхоты», написанной имъ въ 1910 году**).

Для того, чтобы обрисовать, насколько сложнѣе психическія условія дѣятельности строевыхъ командировъ по сравненію съ рядовыми бойцами, генераль Красновъ приводитъ очень красоч-

*) Ardant du Picq. „Le Combat“; въ свое время былъ изданъ русскій переводъ этой книги подъ редакціей ген. Пузыревскаго.

***) „La Tactique d'Infanterie“, Lt.-Colonel de Maud'Hui; передъ войной эта книга была издана и на русскомъ языкѣ.

ное описание поведения одного из командиров наших пехотных полков в мишувскую войну.

Когда же мы поднимаемся на самые верхи военного управления, то мы увидим еще большие различия. Личная опасность и физическая усталость во много раз уменьшаются; но за то в других отношениях условия работы чрезвычайно осложняются.

Прежде всего увеличивается та моральная ответственность, которая лежит на плечах начальника. И тяжесть этой ответственности по мере того, как мы будем подниматься по иерархической лестнице командования, достигает таких размеров, которые под силу только великим душам. Самый величайший из полководцев Наполеон, веномина на остров Св. Елены пережитое, говорил, что мало кто может составить себе представление о той силе духа, которая нужна полководцу, чтобы выиграть большое сражение.

И творить свое трудное дело крупный начальник должен в первой обстановке тыла. «Первость» тыла представляет собой очень своеобразное явление, замеченное во всех армиях.

Вот как описывает это явление один из современных военных писателей ген. Сериньи*).

«Падение духа начинается сзади. Мармон в своей книге «О духе военной организации» указывает, что еще в древние времена было замечено, что бегство всегда зарождалось в задних шеренгах фаланги. В сражениях мишувской большой войны это явление повторилось, и нашическое построение походило обыкновенно от псарей и всевозможного рода тыловых чиннов...»

«Во всяком случае падение духа поразительно растет по мере удаления от поля боя. Вследствие оптического обмана в тылу все преувеличивается, и успехи, и неудачи. Не видя вблизи того, что происходит, тыл создает себе представление об обстановке от раненых и бегенцев; душевное состояние и тех и других накладывает особую печать на их рассказы; преувеличение является законом. Вот почему можно с полным правом утверждать, что действительное положение вещей на войне не бывает ни таким хорошим, ни таким дурным, как это обрисовывается из первых сведений».

*) Général Serrigny, „Réflexions sur l'Art de la Guerre“: стр. 43-45.

«Отсюда слѣдуетъ, что руководитель крупнаго войскового соединенія можетъ быть потрясенъ событіями ранѣе, чѣмъ его войска. Въ теченіе войны можно было это увидѣть много разъ, какъ у насъ, такъ и у нашихъ союзниковъ и у нашихъ враговъ*). Тѣмъ болѣе достойно восхищенія поведеніе Маршала Жоффа 24 февраля 1916 года въ Шантильи при встрѣчѣ съ генераломъ Петеномъ, избраннымъ для командованія арміей въ Верденѣ. Въ то время, какъ въ Ставкѣ царя полная растерянность, Жоффъ сохранялъ удивительное спокойствіе. Потирая со своей доброй улыбкой руки, онъ сказалъ: «Итакъ, Петенъ, какъ вы знаете, дѣло совѣмъ не плохо» **).

«Подобное спокойствіе, такая увѣренность начальника въ трагическія минуты — это все. Если его духъ подавленъ и онъ это покажетъ, если онъ только проявитъ свое волненіе хотя бы въ нѣсколькихъ указаніяхъ, его сомнѣнія распространятся съ чрезвычайной быстротой; они удесятерятся въ силѣ въ каждой инстанціи командованія; приказанія стаиваются все болѣе и болѣе нервными и внизу іерархической лѣстницы возникаетъ безпорядокъ...»

Вышеуказанныя чувства ответственности и въ тоже время своеобразная «первность», присущая тылу, объясняютъ тѣ странныя, на первый взглядъ, случаи, которые приходилось наблюдать въ минувшую войну. Мнѣ лично пришлось знать начальниковъ штабовъ двухъ армій, которые такъ сильно «нервничали», что ихъ работа въ критическія минуты принимала совершенно сумбурный характеръ. Нервы одного изъ нихъ дошли до такого разстройства, что онъ не могъ сдерживаться отъ слезъ. Это не помѣшало тому, что, когда оба эти генерала были назначены начальниками пѣхотныхъ дивизій, они оказались доблестными и спокойными командирами.

Вышеизложенное отнюдь не должно быть понято, какъ уменьшеніе моральной красоты подвига, осуществляемаго строевыми начальниками. Вмѣстѣ съ генераломъ Красновымъ я считаю лишь нужнымъ подчеркнуть существенное различіе въ услові-

*) Такимъ яркимъ подтвержденіемъ можетъ служить команд. VIII Германск. Арміи ген. Притвицъ во время сраженія у Гумбинена 8/21 августа 1914 г. *(Примѣчаніе Н. Н. Г.)*

***) Не напоминаетъ ли это поведеніе кн. Багратіона подъ Шенграбенемъ, такъ художественно изображенное въ „Войнѣ и Мирѣ“ гр. Толстымъ?

яхъ работы войскъ и высшихъ военныхъ начальниковъ. Это различіе въ настоящую эпоху столь велико, что создаетъ какъ бы двѣ различныя психологіи: психологію дѣйствующихъ войскъ и психологію высшихъ штабовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это различіе не учтено, оно легко можетъ привести къ взаимному непониманію низовъ и верховъ арміи, то есть къ моральному разслоенію. Одной изъ важнѣйшихъ практическихъ проблемъ военной психологіи и является разрѣшеніе вопроса, какими приемами прочно связать эти двѣ психологіи, дабы даже самыя удаленныя отъ поля боя ячейки высшаго управленія чувствовали бы состояніе духа войскъ, безъ чего Высшее командованіе окажется оторваннымъ отъ реальной обстановки; оно все болѣе и болѣе будетъ жить въ воображаемой обстановкѣ, будетъ отдавать неосуществимыя приказанія или же будетъ упускать благоприятныя возможности. Это поведетъ къ паденію довѣрія войскъ къ высшему начальству и можетъ вызвать даже враждебное отношеніе. Слѣдуетъ признать, что въ минувшую войну въ этой области у насъ обстояло далеко не благополучно, особенно въ концѣ войны. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно только вспомнить «Юньское» наступленіе 1917 года, сыгравшее рѣшительную роль въ гибели нашей арміи.

Затрагивая вопросъ о томъ, какъ побороть въ себѣ страхъ смерти, генераль Красновъ указываетъ на то, что люди религіозные встрѣчаютъ большую моральную поддержку въ религіи. Старая пословица, говорящая, что «тотъ, кто на морѣ не бывалъ, Богу не малывался», часто перефразировывалась въ минувшую войну словами «тотъ, кто на войнѣ не бывалъ, Богу не малывался». Но, кромѣ моральной поддержки, которую даетъ религія бойцу при переживаемой имъ опасности, она играетъ еще и другую великую роль. Война, требующая отъ людей величайшаго самоотверженія и подвига, въ то же время разнуздываетъ и дурныя страсти; она пробуждаетъ въ людяхъ усыпленное культурой мирнаго времени варварство. Большевиизмъ, затопившій нашу Родину моремъ крови, могъ родиться только изъ извращеній психики войны. Несомнѣнно, что религія является задерживающимъ началомъ для роста этихъ извращеній.

Такимъ образомъ морализующая роль религіи для духа арміи осталась по прежнему большой. Но въ отдаленныя вре-

мена религія имѣла еще и другое значеніе: она фанатизировала бойца и толкала его на борьбу. Такъ проповѣдь Магомета подняла въ Аравіи племена Арабовъ, а затѣмъ повела цѣлый рядъ народовъ для «покоренія невѣрныхъ». Такъ въ отвѣтъ на это Католичество подняло Крестовые походы для освобожденія Гроба Господня. Въ XVII столѣтіи Центральная Европа опустошается въ тридцатилѣтней войнѣ, въ которой воинствующее католичество пытается удушить распространеніе протестантства. Но уже въ XVIII столѣтіи эпоха религиозныхъ войнъ кончается для Европы, и Фридрихъ II Прусскій, ведущій рядъ войнъ для созданія Великой Пруссіи, говоритъ по поводу религиозныхъ разногласій: «пусть каждый спасается на своей манеръ».

Духъ нашей Православной Церкви не является столь же воинствующимъ, какъ духъ Католичества. Это отразилось и на нашихъ войнахъ, которыя никогда не носили исключительно религиознаго характера. Еще въ XV вѣкѣ Царь Іоаннъ IV пишетъ по поводу покоренія Астрахани: «Какъ взяли мы Астрахань, то Астраханскимъ князьямъ свое жалованное слово молвили, чтобы они отъ насъ разводу и убійства не боялись. Такъ, чтобы въ другихъ земляхъ не стали говорить: вѣра вѣрѣ недругъ и для того христіанскій государь мусульманъ изводитъ. А у насъ въ книгахъ христіанскихъ писано: не велѣно силой приводить къ нашей вѣрѣ. Богъ судитъ въ будущемъ вѣкѣ, кто вѣруетъ право или неправо, а людямъ того судить не дано».

Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что наши многочисленныя войны съ Турками, хотя и диктовались всецѣло государственными интересами Россіи выйти къ берегу южнаго моря, въ глазахъ народныхъ массъ носили религиозный отпечатокъ. Въ этомъ можно убѣдиться, взглянувъ на купола южно-русскихъ церквей, на которыхъ часто можно увидѣть Крестъ, водруженный на полумѣсяцѣ.

Поэтому Суворовъ, проведеншій большую часть своей полководческой карьеры въ борьбѣ противъ Турокъ, пользовался религіей не только какъ морализующимъ началомъ, но также и какъ стимуломъ, толкающимъ на борьбу съ «басурманами». Когда въ концѣ своей жизни ему пришлось встрѣтиться въ Италіи съ Французами, послѣдніе ведутъ въ это время у себя на родинѣ борьбу съ католицизмомъ, насаждая религію Разума.

Суворовъ старается и въ этомъ случаѣ использовать религиозный мотивъ, привычный для Русскихъ войскъ того времени, и указываетъ на «безбожіе» противника.

Но въ современную эпоху войны между Европейскими народами совершенно утратили религиозный характеръ. Стоитъ лишь вспомнить мнувшую большую войну. Въ ней на обѣихъ сторонахъ были представители всеѣхъ вѣроисповѣданій. Поэтому, несмотря на то, что на всякаго рода пропаганду были затрачены громадныя усилія, религиозные мотивы въ ней отсутствуютъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ лишь Кайзеръ Вильгельмъ, взывавшій въ своихъ истерическихъ рѣчахъ къ «Старому Германскому Богу», а также въ своемъ озлобленіи противъ Великобританіи бросившій въ нѣмецкія народныя массы лозунгъ «Боже накажи Англію». Подобныя попытки использовать религиозное чувство болѣе не встрѣчались. Крайне характернымъ въ этомъ отношеніи является то, что въ Англиканскихъ Церквахъ въ теченіи всей войны шли молитвы о скорѣйшемъ окончаніи войны, но не произносилась молитва о дарованіи побѣды.

Въ войнахъ XIX вѣка главной двигательной силой борьбы является національное начало. Одинъ только бѣглый взглядъ на исторію XIX столѣтія показываетъ, какое громадное значеніе для приведенія въ движеніе народныхъ массъ получаетъ національный принципъ. Объединеніе Германіи, Италіи, освобожденіе Балканскихъ народовъ изъ-подъ власти Турокъ являются прямыми или скрытыми мотивами войнъ. Усиленное значеніе національнаго начала продолжается и въ теченіе XX-го вѣка. Мнувшая большая война, перекроившая всю карту Европы, наглядно это подтверждаетъ. Опытъ пережитой войны заставляетъ нынѣ все государство строить свою внѣшнюю защиту на воспитаніи въ подрастающемъ поколѣнніи чувства глубокаго патриотизма. Одно изъ характерныхъ проявленій этой тенденціи можно усмотрѣть въ культѣ «Неизвѣстнаго Воина», который созданъ во Франціи на нашихъ глазахъ. Въ основѣ этого культа лежитъ высокая идея. Условія современной войны таковы, что сотни тысячъ гражданъ ожидаютъ участіе принести свою жизнь на алтарь Отечества, оставшись въ полной неизвѣстности. Французская Армія насчитываетъ въ мнувшую войну 225 тысячъ такихъ героевъ. Напомнимъ, что для Русской Арміи это число достигаетъ 700 тысячъ. Создавая всена-

родное поклоненіе Неизвѣстному Герою, Франція воспитываетъ въ подростающемъ поколѣніи идеаль патріотизма, доведенный до высшей степени полного самоотреченія. И Великобританія, и Америка тоже воздвигли могилы своему Неизвѣстному Герою и чтутъ ихъ, какъ символъ проявленія высшаго патріотизма, который требуется современной войной.

Большевики, съ легкой руки Карла Маркса, выдвигаютъ на смѣну національному принципу борьбу классовъ. Они увѣрены, что классовое самосознаніе играетъ несравненно большую роль въ исторіи, нежели національное. Для того, чтобы «доказать» это, они подтасовываютъ со свойственной имъ беззащитностью всю исторію. Подробныя доказательства всей ошибочности подобныхъ утверждений завели бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ лишь одно: экономическій матеріализмъ, какъ всеобъемлющее толкованіе исторіи, положенный въ основу ученія Маркса, научно уже провалился; онъ принимаетъ часть происходящаго въ человѣческомъ обществѣ процесса за весь процессъ, исключивъ такимъ образомъ изъ своего поля зрѣнія обширныя области соціальной жизни; вслѣдствіе этого онъ оказывается несостоятельнымъ объяснить многія явленія современной жизни.

Несомнѣнно, что въ современную эпоху въ международныхъ отношеніяхъ капитализмъ играетъ роль интернационализирующую; въ тоже время въ соціальной жизни онъ выдвигаетъ на важное мѣсто борьбу классовъ. Но можно съ увѣренностью утверждать, что одного классоваго стимула недостаточно для того, чтобы подвинуть народныя массы на борьбу съ внѣшнимъ врагомъ. Сами большевики ярко демонстрировали эту несостоятельность уже въ 1920 году во время войны съ Польшей. Ленинъ долженъ былъ обратиться къ Патріарху Тихону и генералу Брусилову для того, чтобы придать этой борьбѣ національный характеръ.

Несомнѣнно также, что экономическіе интересы получаютъ во взаимоотношеніяхъ народовъ все большее значеніе. Тѣсная экономическая взаимная зависимость народовъ, ярко обнаруженная послѣдней большой войной, можетъ привести къ сглаживанію слишкомъ заостренныхъ эгонизмовъ народовъ. Но трудно ожидать, чтобы это интернационализирующее вліяніе экономики привело къ той объективной справедливости, наличіе которой является необходимымъ условіемъ пре-

кращенія войнъ. Укажемъ для примѣра хотя бы на вопросъ о выходахъ къ морю. Новообразовавшіяся государства на Балтійскомъ побережьѣ отрѣзали полутора-милліонное Россійское государство отъ моря. Можетъ ли помириться сильное и значительно болѣе многочисленное государство съ тѣми стѣсненіями въ его экономическомъ развитіи, которыя оказываютъ маленькіе народы, заслоняющіе его отъ моря и строящіе свое благосостояніе на эксплуатаціи труднаго положенія своего большого сосѣда? Разлагающее вліяніе большевицкой болѣзни Россіи, вызывающей внутри ея развитіе центробѣжныхъ силъ, при дальнѣйшемъ ея продолженіи неизбежно вызоветъ нарастаніе Украинскаго націонализма. Но возможно ли допустить, чтобы послѣ выздоровленія отъ этой болѣзни стомилліонное ядро Россіи примирилось съ прекращеніемъ единственнаго оставшагося свободнымъ доступа къ морю — къ морю Черному? Вѣдь подобное окруженіе равносильно экономическому удушенію.

Говоря выше раздѣльно про религіозныя, національныя и экономическія причины войнъ, я былъ бы неправильно понятъ, если бы вышесказанное было принято читателемъ въ томъ смыслѣ, что я отрицаю въ прежнихъ войнахъ роль экономическаго начала. Конечно, это начало вліяло во все времена. Его можно найти и въ Крестовыхъ походахъ и въ Тридцатилѣтней войнѣ, и въ другихъ войнахъ, которыя принято называть религіозными. Тоже самое можно сказать и про войны XIX столѣтія съ рѣзко выраженными національными идеями. Но и въ этихъ войнахъ экономическое начало не стоитъ на первомъ планѣ, какъ это было въ минувшую войну и въ еще большей степени будетъ имѣть мѣсто въ предстоящихъ войнахъ.

Однако, и при подобномъ возросшемъ значеніи экономическихъ причинъ въ современныхъ и въ будущихъ взаимоотношеніяхъ государствъ, «боевую» движущую силу идеи могутъ получить лишь тогда, когда онѣ воступятъ въ національное самосознаніе. Такимъ образомъ національный характеръ войнъ не утратится.

Здѣсь мы подходимъ къ той области, въ которой военная психологія тѣсно переплетается съ социологіей или, если выразиться точнѣе, съ той частью социологій, которую слѣдуетъ назвать «соціальной психологіей».

Эта область представляетъ еще совершенно дѣвственное поле. Обширность и глубина проблемъ, которыя предстоятъ здѣсь

для изученія, очень велики. Тотъ, кто вдумчиво изучаетъ обширѣйшую литературу, посвященную вопросу о возникновеніи только что миновавшей Европейской войны, не можетъ не быть пораженнымъ той ролью, которую играетъ въ этомъ возникновеніи стихійное начало. Такъ въ лѣтний душный день въ воздухѣ накапливается электричество и затѣмъ разражается гроза. Невольно вспоминаются двѣ замѣчательныя книги Метерлинка: «Жизнь пчелъ» и «Жизнь термитовъ». Этотъ поэтъ-философъ даетъ поражающія по своей яркости картины того роевого начала, которое, подчиняясь неизвѣстнымъ намъ законамъ, руководитъ коллективной жизнью этихъ насѣкомыхъ; въ опредѣленный день и часъ происходитъ одновременный вылетъ миллионъ летучихъ термитовъ, причемъ этотъ вылетъ требуетъ обширныхъ подготовительныхъ работъ; въ опредѣленный день происходитъ у пчелъ убійство всѣхъ ненужныхъ самцовъ и т. и.

Среди многочисленныхъ видовъ живыхъ существъ, населяющихъ землю, человѣкъ обладаетъ высшимъ сознаниемъ. Однако, не нужно преувеличивать свободу и независимость нашего индивидуальнаго сознания. Всѣ новѣйшія психологическія изслѣдованія при всемъ своемъ разнообразіи сходятся на одномъ: сознательная жизнь человѣка представляетъ собою лишь незначительную часть психической жизни человѣка; большая часть мотивовъ поступковъ человѣка лежитъ въ его подсознаніи и ему только кажется, что его рѣшенія свободны. Человѣкъ тоже подчиненъ дѣйствию «роевого начала», вліяніе котораго тѣмъ сильнѣе, что оно дѣйствуетъ главнымъ образомъ въ области подсознанія. Изучить процессъ, при посредствѣ котораго идеи какого бы то ни было характера — религіозныя, національныя, или экономическія — приобретаютъ въ глубинахъ человѣческаго подсознанія движущую, боевую силу, это та проблема, безъ разрѣшенія которой всѣ потуги Лиги Націй избавить человѣчество отъ новыхъ войнъ не приведутъ ни къ чему.

На войну нужно смотрѣть, какъ на своего рода социальный неврозъ. Современная наука борется съ неврозомъ индивидуума при посредствѣ психоанализа. Подобнаго же рода психоанализъ, но уже въ области социальной, а не индивидуальной, является одной изъ будущихъ задачъ военной психологін. И, можетъ быть, результатъ такой работы будетъ подобенъ достижениямъ психоанализа въ области индивидуальнаго невроза. Можетъ быть, человѣчеству удастся, наконецъ, приблизиться

къ разоруженію моральному, которое по справедливому заявленію французскаго министра иностранныхъ дѣлъ г. Бриана, сдѣланному на Вашингтонской Конференціи въ 1922 году, должно непременно предшествовать разоруженію матеріальному.

Мы говорили уже выше о томъ, что военная психологія есть прежде всего психологія коллективная. Однако, всѣ напечатанныя до сихъ поръ работы по военной психологіи ограничиваются только изученіемъ человѣка, какъ индивидуума толпы. Такъ былъ построенъ и мой трудъ «Изслѣдованіе дѣятельности и свойствъ человѣка, какъ бойца», вышедшій въ свѣтъ въ 1907 году. На этотъ трудъ часто ссылается ген. Красновъ.

Мнѣ приходится ввести сейчасъ большую поправку. Богатый опытъ миновавшей войны показалъ, что прежнее построеніе является слишкомъ ограниченнымъ и не могущимъ освѣтить многія изъ явленій современной войны.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ можетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ другихъ людей не только въ толпѣ. Последняя подразумѣваетъ коллективъ людей, собранныхъ въ одно и то же время въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Индивидъ толпы поэтому видитъ и слышитъ своихъ сосѣдей и часто даже соприкасается съ ними.

Но человѣческій коллективъ можетъ быть и другого рода. Напримѣръ: лица исповѣдующія одну и ту же религію, граждане, принадлежащіе къ одной и той же политической партіи, постоянные читатели одной и той же газеты, ученые, принадлежащіе къ одной и той же школѣ и т. п. Лица, входящія въ составъ каждой изъ вышеуказанныхъ группировокъ, могутъ не видѣть и не слышать другъ друга, даже совершенно не знать другъ друга, какъ, напримѣръ, читатели одной и той же газеты, и все-таки они образуютъ какое-то своеобразное духовное объединеніе. Какъ назвать такое объединеніе? Тардъ примѣнилъ для этого французское слово „public“. По русски слово «публика» отвѣчаетъ скорѣе понятію случайно собравшейся толпы (напр. театральная публика). Поэтому я считаю, что слово «общество» здѣсь болѣе примѣнимо.

Желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ различіемъ въ психологическомъ отношеніи между «толпой» и того рода объединеніемъ, которое мы только что обозначили словомъ «обще-

ство», я отсылаю къ работамъ Тарда. Здѣсь же ограничусь лишь указаніемъ на самыя рѣзкія черты различія.

Толпа, достигшая психическаго объединенія, крайне импульсивна и легко поддается возбужденію; ея настроеніе крайне измѣнчиво; разсудочное начало въ ней отсутствуетъ, она живетъ исключительно чувствами; послѣднія могутъ достигнуть въ индивидахъ толпы такого высокаго напряженія, на которое тотъ же индивидъ, взятый внѣ толпы, неспособенъ. Поэтому толпа способна и на величайшій героизмъ и на величайшее преступленіе. Атрофированіе въ толпѣ разсудочнаго начала приводитъ къ тому, что толпа, составленная изъ Ньютоновъ, Кантовъ, Менделѣевыхъ и имъ равныхъ, не будетъ отличаться отъ толпы сапожниковъ.

Толпу съ полнымъ правомъ можно сравнить съ неразумнымъ ребенкомъ.

Въ психически объединенномъ «обществѣ» нѣтъ такого же пониженія индивидуальности, какъ въ толпѣ. Разсудочная способность индивидуума тоже сохранена. Поэтому «общество», составленное изъ Ньютоновъ, Кантовъ и Менделѣевыхъ, сохраняетъ все свое превосходство надъ обществомъ сапожниковъ. Если толпа живетъ исключительно чувствами, то общество руководится по преимуществу идеями. Правда, тутъ нужно оговориться: для того, чтобы идея получила руководящую силу въ обществѣ, эта идея должна быть ему не только понятна, но и приемлема; это означаетъ то, что элементъ чувствъ не исключается изъ психики общества; однако, это не уменьшаетъ кореннаго различія между обществомъ и толпой. Если выше я уподобилъ толпу неразумному ребенку, то общество можно приравнять къ взрослому человѣку, сознающему свои поступки. Несравненно большая разсудочность общества дѣлаетъ его менѣе способнымъ къ проявленію высшаго героизма, чѣмъ толпа. Въсѣтъ съ этимъ общество не способно и на столь интенсивную вспышку гнѣва, какъ толпа. Но это не мѣшаетъ обществу быть болѣе упорнымъ въ своихъ добрыхъ и злыхъ намѣреніяхъ. Если толпа измѣнчива, то общество упорно въ своихъ настроеніяхъ.

Общество управляется общественнымъ мнѣніемъ и роль его руководителей не носитъ такого абсолютнаго характера, какъ роль вожака толпы.

Если мы внимательно взглянемъ въ ходъ всемірной исторіи, то мы легко убѣдимся, что появленіе формы человѣческаго коллектива въ видѣ «общества» соотвѣтствуетъ высшему развитію соціальной жизни. И въ древніе, и въ средніе вѣка мы найдемъ уже «общественныя» человѣческія объединенія. Но эти общества непременно создаются черезъ «толпу», такъ какъ только съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія стало возможно достаточно широкое общеніе между людьми безъ необходимости непосредственной близости. Полное же развитіе «общественныхъ» формъ человѣческаго объединенія стало возможнымъ лишь со времени великой французской революціи, вызвавшей чрезвычайное развитіе прессы. Развитіе техники, давшей при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, автомобилей, телеграфа, почты, а нынѣ и летательныхъ аппаратовъ, возможность быстрого и обширнѣйшаго общенія между людьми, дало въ XIX и XX вѣкахъ толчекъ къ интенсивному развитію «общественныхъ» объединеній рѣшительно во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни. Роль и проникновеніе этой формы человѣческаго объединенія въ культурныхъ государствахъ столь велики, что измѣняется и сама соціальная психика, которая все болѣе теряетъ черты психики «толпы» и пріобрѣтаетъ характеръ психики «общества».

Если мы обратимся теперь къ интересующей насъ непосредственно сферѣ войны, то нельзя не замѣтить полной аналогіи. Чрезвычайное развитіе огнестрѣльнаго оружія изгоняетъ съ поля боя «толпу». Развитіе авіаціи, совершающееся на нашихъ глазахъ, еще болѣе содѣйствуетъ «опустѣнію» полей сраженія.

Чтобы оцѣнить всю степень происшедшаго измѣненія въ вѣдшемъ видѣ боя, пужно только мысленно сопоставить батальныя картины, изображающія сраженія Наполеоновской эпохи, съ тѣмъ, что пришлось видѣть въ минувшую большую войну. Полотно современнаго художника баталлиста можетъ вмѣстить въ себѣ лишь изображеніе одного изъ небольшихъ очаговъ боя, на тысячи которыхъ разбивается современное сраженіе.

Вышеуказанное измѣненіе вѣдшей формы боя соотвѣтствуетъ и столь же радикальному измѣненію во внутреннемъ его строеніи, т. е. психологін боя.

Психическій процессъ прежняго боя не могъ протекать иначе, какъ слѣдуя законамъ психики толпы.

Въ современномъ сраженіи «толпы» не играютъ той же роли, какъ раньше. Если онѣ и образуются въ различныхъ очагахъ боя, то во-первыхъ эти «толпы» могутъ представлять собой лишь небольшія части войскъ, а во-вторыхъ эти очаги разрознены между собою во времени и пространствѣ. Такимъ образомъ не можетъ быть и рѣчи о прежней подавляющей роли толпы. Слѣдовательно, и законы, которымъ подчиняется психическій процессъ современнаго боя, не исчерпываются одними законами «психологической толпы».

Та же техника, которая дала современное огнестрѣльное оружіе, дала и богатые и мощныя средства связи. Раздѣленные между собою пространствомъ войсковыя части, разрозненные очаги, на которые разбилось современное сраженіе, даже распылившіеся по полю сраженія бойцы могутъ быть объединены между собою. Но это объединеніе не создается, какъ прежде, «видимостью» другъ друга, т. е. непосредственнымъ чувствомъ. Это объединеніе «умовое»; каждая, даже небольшая группа бойцовъ должна сознательно выполнять задачу, которая, какъ бы незначительна или мала она ни была, составляетъ логическое звено сложнаго плана дѣйствій, созданнаго умомъ старшихъ начальниковъ и разработаннаго ихъ штабами. Несомнѣнно, что и въ прежнихъ бояхъ, напримѣръ въ бояхъ Суворова, Наполеона, «умовое» руководство тоже было на лицо. Но въ виду главенствующаго значенія законовъ психологій толпы оно принимало несравненно болѣе ограниченный характеръ, нежели теперь. Центръ своего личнаго руководства боемъ и Суворовъ, и Наполеонъ должны были переносить въ область чувствъ тѣхъ массъ, которыя толпились на тогдашнихъ поляхъ битвъ. Несомнѣнно, что и въ нынѣшнее время такого рода управленіе будетъ также имѣть мѣсто, но это будетъ требоваться по преимуществу отъ строевыхъ командировъ. «Единство толпы», которое составляетъ характерную особенность маленькихъ полей сраженій прежнихъ эпохъ, теперь не существуетъ. Возможны только, какъ мы говорили выше, лишь небольшія столпленія войскъ въ отдѣльныхъ очагахъ боя. Поэтому психологическіе законы толпы могутъ вліять лишь на каждый изъ этихъ очаговъ боя въ отдѣльности, но теченіе всего сраженія, взятаго во всемъ его цѣломъ, должно подчиняться еще какимъ-то другимъ, болѣе сложнымъ законамъ. Дѣйствительно, если мы внимательно всмотримся во внутреннюю структуру боя, то мы увидимъ слѣ-

дующее различіе. Сраженія прежнихъ эпохъ рѣзко дѣлятся на два періода: подготовительный и рѣшительный. Въ первый періодъ войска въ массахъ сводятся и сблжаются для удара; этотъ періодъ измѣряется нѣсколькими часами и рѣдко захватываетъ два дня. Второй періодъ чрезвычайно быстротеченъ. Онъ представляетъ собой рѣзко очерченный моральный кризисъ для всего боя. Это тотъ періодъ, въ который, по словамъ Наполеона, происходитъ „*événement*.“

Въ современномъ сраженіи рѣзкаго психологическаго дѣленія между подготовительнымъ и рѣшительнымъ періодами сраженія нѣтъ. Если есть различіе между началомъ и концомъ сраженія, которое длится недѣлями, то лишь въ томъ, что кризисы въ отдѣльныхъ очагахъ боя учащаются, такъ какъ утомленные многодневной борьбой части войскъ изнашиваются. Это отсутствіе рѣзко обозначеннаго моральнаго кризиса и имѣетъ ближайшимъ слѣдствіемъ то, о чемъ мы говорили выше, а именно, что значеніе «умоваго» руководства высшаго начальника возросло по сравненію съ прежними эпохами. Правильно составленный планъ, внимательно проведенная подготовка и научное руководство не зависятъ въ такой мѣрѣ, какъ раньше, отъ эмоціальной стихіи толпы.

Отсутствіе рѣзко проявленнаго кризиса приводитъ къ важному слѣдствію въ области стратегіи. Въ современную эпоху одно сраженіе не можетъ рѣшать участь цѣлой компаніи, какъ это было во времена Суворова и Наполеона.

Если примѣнить любимое большевиками слово «ударность», то можно сказать, что «ударность» потеряла въ стратегіи современной большой войны свое прежнее исчерпывающее значеніе и выросло значеніе «изнашиванія» и «истощенія». Это вновь приводитъ насъ, но уже въ болѣе широкомъ масштабѣ, къ выводу, что роль расчета и разумности въ военныхъ дѣйствіяхъ возрастаетъ. Интересное подтвержденіе этого вывода можно найти въ слѣдующемъ фактѣ. Минувшая Европейская война выдвинула на высшіе полководческіе посты только людей пожилого возраста. Что это была не случайность, показываетъ и война 1870-71 г.г., которую можно разсматривать, какъ войну, стоящую на порогѣ современности. Вскорѣ послѣ этой войны, когда въ Германской Арміи вводился возрастной цензъ для высшихъ военныхъ должностей, одинъ наблюдательный писатель замѣтилъ, что если бы такой возрастной цензъ существовалъ въ Франко-Прусскую вой-

ну, то ни Мольтке, ни наиболее отличившиеся корпусные командиры в этой войне не были бы в рядах немецкой армии. Объяснение этому явлению я вижу в том, что ведение современной большой войны требует на высших командных постах*) прежде всего мудрости, обширной научной подготовки и глубокого житейского опыта. Молодость же, хотя и обладает сильной стороной, а именно повышенной энергией, но имеет и отрицательная — легковесность решений и склонность к авантюризму.

Причиной увеличившагося значения разума в явлениях современной большой войны является то, что высшие и обобщающие психические процессы протекают ныне, повинаясь законам «психологии общества».

Коренное изменение во внутреннем строении боя и войны должно было отразиться как на самом характере войны, так и на методах оперативного управления и крупных вопросах организации.

Изучение связи этих изменений с новыми психическими условиями войны между высококультурными государствами тоже представляет собою цѣлую серию интереснейших проблем для будущих военно-психологических изследований. Мы наметим здѣсь только нѣкоторыя из них для того, чтобы дать самый общій ихъ абрисъ.

Минувшая Европейская война обманула всеобщія ожидания. Подавляющее большинство военных писателей тогда съ увѣренностью предсказывали, что будущая война должна быть крайне быстротечной. Исходя изъ опыта прежнихъ войнъ, въ особенности же Наполеоновской эпохи, они не сомнѣвались въ томъ, что и въ будущей войнѣ стратегія сохранить характеръ «сокрушенія», который такъ ярко выраженъ въ войнахъ Наполеона. Но возросшее влияние въ социальной жизни передовыхъ народовъ Европы «психологическихъ законовъ общества» привело къ возрастанию упорства воюющихъ сторонъ, къ уменьше-

*) Главнокомандующіе и командующіе арміями.

нію импульсивности восприниманія событій, къ увеличенію сознательности участія массъ и т. п., а все это вмѣстѣ взятое привело къ значительному увеличенію психологическихъ возможностей болѣе длительного напряженія. Въ свою очередь это должно было въ связи съ факторами экономического характера привести къ коренному измѣненію самаго характера войны: война могла сдѣлаться значительно болѣе длительной, а «стратегія сокрушенія» Наполеоновскаго типа должна была замѣниться «стратегіей истощенія» (*guerre d'usure*).

Исторія развитія науки показываетъ намъ, что наиболѣе упорныя заблужденія имѣли всегда въ своей основѣ неправильно поставленныя исходныя точки. Такъ было и въ разсматриваемомъ нами случаѣ. Убѣжденіе въ скоротечности предстоящей войны было столь упорно, что даже такой авторитетный голосъ, какъ голосъ Мольтке, который самъ велъ лишь короткія войны Наполеоновскаго образца, остался не услышаннымъ. А между тѣмъ слова *), сказанныя 90-лѣтнимъ Фельдмаршаломъ въ засѣданіи Рейхстага 14 мая 1890 года, звучатъ пророчествомъ:

«Если война», говорилъ старый Мольтке, «которая уже свыше 10 лѣтъ, какъ Дамокловъ мечъ, виситъ надъ нашей головой, если эта война разразится, то никто не сможетъ предугадать ея продолжительность и ея конецъ. Въ борьбу другъ съ другомъ вступятъ величайшія государства, вооруженныя, какъ никогда. Ни одно изъ нихъ въ теченіе одной или двухъ кампаній не можетъ быть сокрушено такъ, чтобы оно признало себя побѣжденнымъ, чтобы оно вынуждено было заключить миръ на суровыхъ условіяхъ, чтобы оно не могло вновь подняться и хотя бы даже черезъ годичный срокъ вновь возобновить борьбу. Это, можетъ быть, будетъ семилѣтняя, а можетъ быть, и тридцатилѣтняя война».

На методахъ оперативнаго руководства измѣненія въ психологій войны привели къ слѣдующему. Разъ въ поведеніи «общества» разсудочный элементъ получаетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ въ дѣйствіяхъ «толпы», то, естественно, должна

*) *Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Grafen Helmuth von Moltke, T. VII; Seite 139.*

возрасти роль науки. Такимъ образомъ современная война стала болѣе научной, не только въ силу чрезвычайнаго развитія техники, но также и въ силу возможности большого управленія психической стороной событій. вмѣстѣ съ этимъ методы управленія крайне осложнились. Методы прежнихъ эпохъ сохраняютъ свою силу преимущественно въ рамкахъ уменьшившихся возможностей примѣненія «толпы». Надъ этими методами нужны въ современную эпоху еще новые, отвѣчающіе руководству «общественной психологіей». Для поясненія этой мысли обратимъ вниманіе на то усилившееся значеніе, которое получило въ боевой работѣ современной арміи единство военной доктрины. Военная доктрина представляетъ собою чисто практическое приложеніе выводовъ военной науки къ условіямъ определенной войны. Психологически военная доктрина есть своего рода «общественное мнѣніе». Последнее состоитъ изъ ряда идей, которыя нѣкоторые изъ социологовъ называютъ «живыми». Этимъ они хотятъ обозначить идеи, которыя усвоены и «живутъ» въ сознаніи коллектива людей. «Психологическое общество», какъ мы говорили выше, управляется при посредствѣ «общественнаго мнѣнія» или, иначе говоря, «живыми идеями». Военная доктрина, представляя собою рядъ «живыхъ идей», не можетъ быть создана однимъ только приказомъ или запрещеніемъ иначе мыслить; въ ея основѣ можетъ лежать лишь убѣжденіе. Вотъ почему веденіе современной большой войны требуетъ «вождей», способныхъ создавать и руководить «общественнымъ мнѣніемъ», а не только «вожаковъ», пригодныхъ лишь для командованія «толпой». Изъ этого небольшого примѣра видно, насколько осложнилась въ современную эпоху работа высшаго военнаго управленія.

Наконецъ измѣненія въ психической структурѣ войны заставляютъ произвести переоцѣнку во всѣхъ вопросахъ организациіи вооруженныхъ силъ. То, что теперь понятіе вооруженной силы современнаго культурнаго государства совпадаетъ съ понятіемъ вооруженнаго народа, хорошо всѣмъ видно. Но проведеніе этой идеи въ жизнь требуетъ иного подхода къ ней, чѣмъ это думалось до опыта минувшей Европейской войны.

Я кончаю мое предисловіе повтореніемъ пожеланія, чтобы примѣръ генерала П. Н. Краснова оказался заразительнымъ и чтобы онъ вызвалъ на обширное и малозвѣданное поле военной психологін новыхъ и новыхъ работниковъ.

Н. Н. Головинъ.

Парижъ.

2 октября 1927 г.

Душа Арміи.

Душа арміи — военная психологія — не изучалась до сего времени въ военныхъ училищахъ и академіяхъ. Курса военной психологіи, если не считать «Опыта военной психологіи» ген. Герасимова, изданнаго въ 1919 году въ Новочеркасскѣ, — нѣтъ. Были попытки передъ войной читать общую психологію въ Императорской Военной Академіи, но попытки эти успѣха не имѣли и курсъ былъ прекращенъ. О духовномъ (моральномъ) элементѣ въ бою въ разное время разными лицами было немало написано. Собрать все написанное по этому поводу и изучить въ эмиграціи оказалось дѣломъ невозможнымъ. Пришлось пользоваться пособіями случайными, извлекать примѣры изъ переживаній личныхъ, брать изъ опыта сорокалѣтней жизни съ войсками, тридцати-двухъ лѣтней службы въ строю и двухъ войнъ — Японской и Великой.

Въ основаніе работы мною былъ положенъ трудъ профессора генерала Н. Н. Головина «Изслѣдованіе боя», изданный въ 1907 году.

Военная психологія, какъ всякая наука о душѣ, не можетъ, по самому свойству изслѣдуемаго предмета, хрупкаго и не поддающагося непосредственному наблюденію, быть точною. Тѣмъ болѣе не можетъ она быть точно изложена въ очень краткомъ и популярномъ очеркѣ. Мой трудъ — только попытка проложить нѣкоторую тропинку въ темныя дебри таинственнаго, неяснаго, но неотразимо влекущаго.

Руководствуясь наставленіемъ: «правила учать — примѣры влекутъ», я старался дать возможно больше примѣровъ и искалъ ихъ въ описаніяхъ войнъ, пре-

имущественно послѣдней войны — 1914—1918 годовъ, въ художественныхъ произведеніяхъ крупныхъ мастеровъ слова, посвященныхъ войнѣ, и въ разсказахъ участниковъ. Изъ этихъ примѣровъ я дѣлалъ осторожные выводы.

Имѣя въ своемъ распоряженіи значительное количество французскихъ сочиненій не столько по психологій, сколько по воспитанію войскъ, — я, однако, мало ими пользовался, такъ какъ принципы, положенные въ основаніе воспитанія французскаго солдата, недостаточны и не отвѣчаютъ духу Русскаго народа.

Выпуская свой трудъ въ свѣтъ, я съ преданною благодарностью посвящаю его Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу, Верховному Главнокомандующему Россійскихъ Армій, ободрившему меня на эту работу.

Я приношу мою глубочайшую благодарность профессору, генералъ-лейтенанту Н. Н. Головину, помогшему мнѣ своими совѣтами и указаніемъ матерьяловъ и украсившему мой трудъ своимъ предисловіемъ, значительно расширившимъ рамки моей работы, открывающимъ новые, широкіе горизонты и дающимъ ей бѣольшую цѣнность.

I.

НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗУЧЕНІЯ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Какъ бы ни совершенствовались техническія орудія войны, какія бы скорострѣльные ружья и пулеметы, дальнобойныя и большекалиберныя орудія ни были придуманы и изобрѣтены, какіе бы летательные аппараты и газы: — убійственные, слезоточивые, дурманящіе, прививающіе болѣзни, ослѣпляющіе, ни появились на фронтѣ борьбы, какъ бы ни совершенствовались броневыя машины и танки и какіе бы ни выдумывались слѣплящіе фіолетовые лучи и зажигающіе людей огне-

меты, — главною силою, рѣшающею успѣхъ сраженія и дающею выигрышъ всей кампаніи, былъ, есть и будетъ **человѣкъ**, какъ воинъ и боець, **человѣкъ**, какъ совокуиность **человѣческихъ душъ — общество**, **человѣкъ**, какъ **нація**, съ ея душою и силою сопротивляемости.

Не странно-ли, что въ 1914—1915-ые годы Русская армія, слабая тяжелой артиллеріей, почти не имѣющая аэроплановъ, безъ снарядовъ и патроновъ, ибо были дни въ 1915-мъ году, на Днѣстрѣ и Прутѣ, когда я, на конно-горную батарею, входившую въ составъ Высочайше ввѣренной мнѣ 3-ей бригады Кавказской Туземной дивизіи, имѣлъ всего по семи выстрѣловъ на орудіе въ день, — наша армія, иногда не имѣвшая даже ружей на всѣхъ бойцовъ, — оборонила Варшаву, взяла Перемышль, пробилась черезъ Карпатскія горы въ Венгерскую долину, отражая иногда камнями, за неимѣніемъ патроновъ, австро-венгерскія атаки.

Однако, та же армія, вполне вооруженная, съ аэропланами, тяжелыми пушками и газами, засыпанная патронами и снарядами, неудержимо бѣжитъ въ 1917-мъ году, подъ Калущемъ, учиняя Тарнопольскій погромъ!

Не тѣ люди стали въ арміи.

Не та стала — душа арміи!

Нѣмцы говорятъ:—«anderes Pulver — andere Taktik» —«иной порохъ — иная тактика»... Не только, и даже не столько вооруженіе (порохъ) вліяетъ на измѣненіе тактики, сколько вліяетъ на нее качество людей — ихъ духъ.

Вербовочныя арміи XVII вѣка, составлявшіяся изъ подонковъ населенія, изъ бродягъ и пропойць, изъ того, что мы называли бы теперь «пролетаріатомъ», вербуемая недобросовѣстными вербовщиками, дававшая ежегодно 25% дезертировъ, требовали особой тактики.

Начальникъ всегда былъ подъ страхомъ, что «солдатъ убѣжитъ». Отсюда — расположеніе на отдыхъ исключительно биваками, окруженными парными часовыми, походное движеніе компактными массами, въ бою тяжелые колонные строи, исканіе для боя ровной

мѣстности, по которой можно было бы двигать этотъ сложный армейскій механизмъ, борьба на укрѣпленныхъ позиціяхъ, питаніе только изъ магазиновъ, ибо реквизиціи были недоступны. Маршалъ Вильяръ свидѣтельствуесть, что фуражировка у Нейбурга (1703 г.) ему стоила большаго числа людей бѣжавшими, чѣмъ проигранное имъ въ слѣдующемъ году Гохштедское сраженіе.

Когда появились арміи французской революціи, составленныя изъ конскриптовъ, призванныхъ защищать родину, когда ряды арміи наполнялись интеллигентной молодежью, стремившейся только быть полезной отечеству, измѣнилась въ этихъ революціонныхъ арміяхъ и самая тактика. Ненужно было опасаться, что солдатъ убѣжить, когда, какъ пишетъ Стендаль:—«всѣ наши помыслы и чувства сосредоточивались въ одномъ: — быть полезными отечеству. Все остальное: — одежда, пища, карьера — все это казалось эфемерными пу- стьяками».

Лучшей наградой конскрипта были слова: — «Vous avez mérité de la patrie!» *).

Въ 1800 году, въ Маренгскую операцію солдаты отказались отъ денежнаго вознагражденія, назначеннаго Первымъ Консуломъ за перевозку артиллеріи черезъ Альпы (по 1000 франковъ за орудіе).

Этотъ революціонный и вмѣстѣ съ тѣмъ національный пафосъ создалъ совсѣмъ особаго солдата. Правда, конскриптъ революціонной эпохи, по выраженію генерала Драгомирова, «былъ конь, на которомъ поѣхалъ бы не всякій».

Подъ Риволи (1796), генераль Бонапартъ, проѣзжая мимо одного полка, услышалъ отъ простаго солдата такое привѣтствіе:

— «Général, tu veux de la gloire? Et bien nous t'en foutons de la gloire» **).

*) «Вы заслужили отечество!»

***) «Генераль, ты хочешь славы? Ладно! Мы наработаемъ тебѣ славы!»

Массена на разность Наполеона за грабежи:
— «Vous êtes le plus grand brigand du monde».

Отвѣтилъ:

— «Après Vous, Sire». *)

Но эта армія уже не была механизмомъ. Она являла изъ себя живой организмъ и дала возможность Бонапарту создать новую тактику. Шли порознь, становились по квартирамъ, съ магазинами не были связаны, ибо реквизицій не боялись, дрались отдѣльно, не брезговали разсыпными строями. Оружіе за это время почти не измѣнилось. Порохъ былъ тотъ-же: — тактика стала другая, потому что сталъ другимъ человѣкъ.

Не тѣми же ли свойствами, не тѣмъ же ли горѣніемъ національнаго пафоса отличались и тѣ, кто шель впередъ одинъ на сто съ пѣсней:

Дружно мы въ бой пойдемъ
За Русь святую
И какъ одинъ прольемъ,
Кровь молодую!

Безсмертнымъ святымъ огнемъ любви къ Родинѣ горѣли добровольцы Алексѣева, Корнилова, Деникина и Врангеля, полки Маркова, Дроздовскаго, Нѣжинцева и Кутепова, донцы Гусельщикова, Абрамова, Мамонтова и Коновалова, кубанцы Улагая. Они тоже были конемъ, на которомъ не всякій поѣхалъ бы. Они создали свою ударную тактику съ пулеметами на тачанкахъ, съ сомкнутыми конными атаками, со штыковыми боями:

«Міръ», — говоритъ Рибо, — «создается преимущественно человѣкомъ».

Въ войнѣ человѣкъ обнажается.

«Война и только война», — говоритъ Драгомировъ въ разборѣ романа гр. Л. Н. Толстого «Война и миръ», — «вызываетъ то страшное и совмѣстное напряженіе всѣхъ духовныхъ сторонъ человѣка, въ особенности его воли, которое показываетъ всю мѣру его мощи и

*) «Вы самый большой разбойникъ на свѣтѣ... — Постѣ Васъ, Ваше Величество!»

которое не вызывается никакимъ другимъ родомъ дѣятельности.»

«Это свойство войны», — пишетъ профессоръ Головинъ въ своемъ «Изслѣдованіи боя», — «вызывать усиленную духовную дѣятельность, само по себѣ уже наталкиваетъ на мысль, что духовная сторона играетъ въ боевой дѣятельности человѣка большее значеніе, чѣмъ въ какой либо другой отрасли его дѣятельности».

Какъ же не изучать эту духовную дѣятельность человѣка на войнѣ? Какъ же не подойти къ вопросу о важности для всякаго военнаго начальника — военной психологіи?

Изучаемъ же мы артиллерію, баллистику, изслѣдуемъ свойства ручного и огнестрѣльнаго оружія, изучаемъ тактику. Но мы до сихъ поръ какъ-то проходили мимо, быть можетъ, самаго важнаго знанія: — человѣческой души на войнѣ.

Морицъ Саксонскій считалъ, что «человѣческое сердце есть отправная точка во всѣхъ военныхъ дѣлахъ. Чтобы ихъ знать, надо изучить его».

Суворовская «наука побѣждать» вся проникнута идеей значенія духовной стороны.

Наполеонъ считалъ, что во всякомъ военномъ предпріятіи успѣхъ на $\frac{3}{4}$ зависитъ отъ данныхъ моральнаго (духовнаго) порядка и только на $\frac{1}{4}$ отъ матерьяльныхъ силъ.

Почему же до сихъ поръ не изучали этой духовной стороны ни въ военныхъ училищахъ, ни въ Академіи Россіи? Почему и сейчасъ она не входитъ особымъ предметомъ въ программу французской военной школы въ Сень Сирѣ?

«Исторія развитія наукъ», — пишетъ профессоръ Головинъ, — «показываетъ, что оно идетъ въ порядкѣ степени возрастающей ихъ сложности. Явленія общественной жизни непосредственно связаны съ явленіями духовной жизни. Міръ-же духовныхъ явленій настолько сложенъ, что въ область этихъ явленій только едва начинаетъ проникать лучъ изслѣдованія. Общественныя науки, имѣющія дѣло съ коллективной психологіей, имѣютъ объектомъ изслѣдованія самый

сложный предмет, какимъ только можетъ заниматься человѣческой разумъ. Вотъ почему на послѣднемъ мѣстѣ среди наукъ по своему развитію стоятъ науки объ обществѣ... Каждая наука, находясь въ младенческомъ состояніи, представляла изъ себя не столько изслѣдованіе, сколько описаніе, а затѣмъ рядъ практическихъ правилъ и крайне условныхъ обобщеній и выводовъ»...*)

Этимъ путемъ придется пойти и намъ при изученіи новой, весьма интересной, волнующей и безусловно необходимой каждому военному начальнику, будь то младшій офицеръ, командиръ взвода, командиръ полка, или главнокомандующій, науки — военной психологіи.

Сначала придется дать описаніе явленій, затѣмъ, быть можетъ, удастся дать правила, какъ этими явлениями пользоваться, и, наконецъ, сдѣлать рядъ крайне условныхъ обобщеній и выводовъ...

II.

ЧУВСТВО СТРАХА ВЪ БОЮ У РЯДОВОГО БОЙЦА, КОМАНДИРА ПОЛКА И СТАРШАГО НАЧАЛЬНИКА.

Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, неразрывныхъ между собою и постоянно взаимодействующихъ.

Всѣ рѣшенія человѣка являются продуктомъ его разума. Воля выполняетъ велѣнія разума, заставляя человѣка, его тѣло, дѣйствовать. Это есть вопросы жизни тѣла, въ значительной степени вопросы физиологіи. Но вотъ въ велѣнія разума, въ волю человѣка врывается сила, не поддающаяся физиологическому изслѣдованію: — чувство, и рѣшенія разума оказываются отмѣненными, а воля или совершенно парализованной, или направленной на то, противъ чего разумъ возстаетъ всѣми силами.

*) Н. Н. Головинъ. «Изслѣдованіе боя», стр. 11.

Возмутившаяся плоть подъ вліяніемъ голода, жаж-ды или животной страсти, чувства любви или ненависти, гнѣва, радости, печали, стыда, мести, страха вдругъ обращаетъ разумную жизнь человѣка то въ страшную драму, то въ комедію. И какъ ни силится человѣкъ владѣть всѣми этими чувствами, какъ рѣдко ему удастся ими овладѣть! Сколько убійствъ, сколько страшныхъ, совершенно ненормальныхъ преступленій совершено людьми подъ вліяніемъ чувства, подъ вліяніемъ душевнаго движенія, не поддающагося никакому учету и изслѣдованію! Если чувство имѣетъ такую большую силу и занимаетъ такое важное мѣсто въ повседневной жизни человѣка, — то какое же громадное значеніе будетъ имѣть оно на войнѣ, про которую повторимъ слова Драгомирова: — «война и только война вызываетъ то страшное и совмѣстное напряженіе всѣхъ духовныхъ сторонъ человѣка, въ особенности его воли, которое показываетъ всю мѣру его мощи и которое не вызывается никакимъ другимъ родомъ дѣятельности»!..

Главное чувство, которое царитъ надъ всѣми помыслами на войнѣ, въ предвидѣннн боя и въ бою, — ибо война и есть бой, безъ боя войны не можетъ быть, — это чувство страха.

Къ нему примыкаетъ, усугубляя его, а иногда парализуя его, чувство физической и душевной усталости, ибо нигдѣ не напрягаются такъ всѣ силы человѣческія, какъ на войнѣ — въ походѣ и въ бою. Голодь, недостатокъ сна, усталость измотанныхъ мускуловъ, страданія отъ непогоды, отъ растертой обуви и снаряженіемъ кожи, все это часто доводитъ человѣка до полнаго безразличія, дѣлаетъ то, что ему становится все — все равно. Человѣкъ тупѣетъ и въ этомъ отупѣннн уже перестаетъ владѣть собою, не можетъ напрягать свое вниманіе на то, что надо, — отдается во власть страха.

Чувство страха весьма разнообразно и многогранно. Чувство страха рядового бойца отличается отъ чувства страха начальника, руководящаго боемъ. И страхъ начальника, лично руководящаго въ непосредственной близости отъ непріятели боемъ, отличается отъ страха

начальника, издали, часто внѣ сферы физической опасности, управляющаго боемъ.

Разная у нихъ и усталость. Если солдатъ, идущій пѣшкомъ съ тяжелой ранцевой ношей, устаетъ до полнаго изнеможенія физически, то начальникъ, ѣдущій верхомъ или въ экипажѣ, не испытывая такой физической усталости, устаетъ морально отъ страшнаго напряженія вниманія.

«Страхъ», — пишетъ Рибо въ «Психологiи чувствъ» — «есть одна изъ самыхъ сильныхъ эмоцiй; это чувство хронологически первымъ проявляется у живого существа».

Бэнъ въ своей «Психологiи» опредѣляетъ страхъ, какъ «особую форму страданія или несчастья, упадокъ активной энергiи и исключительное сосредоточенiе въ умѣ относящихся сюда идей. Если мы будемъ измѣрять это чувство прекращенiемъ удовольствiя, то увидимъ, что оно составляетъ одинъ изъ самыхъ страшныхъ видовъ человѣческаго страданiя»...

Даже храбрѣйшимъ приходится считаться съ этимъ мучительнымъ чувствомъ.

Скобелевъ, обожаемый войсками именно за свою храбрость, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ своихъ друзей сказалъ: — «Нѣтъ людей, которые не боялись бы смерти; а, если тебѣ кто скажетъ, что не боится, плюнь тому въ глаза; онъ лжетъ. И я точно такъ же не меньше другихъ боюсь смерти. Но есть люди, кои имѣютъ достаточно силы воли этого не показать, тогда какъ другiе не могутъ удержаться и бѣгутъ предъ страхомъ смерти. Я имѣю силу воли не показывать, что я боюсь; но за то внутренняя борьба страшная, и она ежеминутно отражается на сердцѣ».

Это чувство особенно сказывается въ первомъ бою. Походная колонна со всѣми мѣрами охраненія, съ дозорами, заставами, головнымъ отрядомъ прошла сторожевыя заставы, миновала высланные впередъ разѣзды, получила послѣднiя извѣстiя о противникѣ. И словно какая-то незримая завѣса легла между нами и тѣми дальями, которыя по прежнему сияютъ впереди въ солнечномъ блескѣ. Что тамъ, за этими холмами, покрыты-

ми колосающимися нивами, что тамъ, за дальнимъ лѣсомъ?

Тамъ неизвѣстность.

Тамъ раны, можетъ быть, — смерть... Тамъ подвигъ побѣды... Тамъ позоръ пораженія.

Веселые разговоры, обмѣнъ впечатлѣніями смолкаютъ. Уже не называютъ врага: «германъ», или «австріякъ», но говорятъ: — «онъ». Про себя говорятъ: «мы». И зрѣніе стало особое: — одни предметы видишь ярко, запоминаешь, другіе точно скользятъ мимо зрѣнія. Передніе дозоры идутъ все тише и тише... Вотъ остановились...

Что тамъ?

И голосъ со вздохомъ: — «Это... наши!.. Ну, конечно, наши... Копья блестятъ».

Пошли... Но пошли осторожно, крадучись. Каждый шагъ дается большою сердечною работою, большимъ напряженіемъ воли.

Что это? Это страхъ. Онъ невидимо заползаетъ въ души солдатъ боязнью смерти и раненія, онъ влѣзаетъ въ душу начальника страхомъ за часть. Какъ поведетъ она себя въ первомъ бою? Выдержитъ ли? Пойдетъ ли впередъ?.. Не побѣжитъ ли?

А завѣса все виситъ и виситъ незримо между «нами» и «имъ», пока не прорветъ ея пушечный выстрѣлъ, пока не застучатъ винтовки, пока не свистнутъ неожиданно пули, заставляя припасть къ землѣ съ единою мыслью укрыться, вросли въ эту землю.

Въ «Воспоминаніяхъ Кавказскаго гренадера», Константина Сергѣевича Попова мы находимъ слѣдующее искреннее, простое и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое описаніе переживаній молодого офицера, попавшаго первый разъ въ бой.

...«Чуть забрезжилъ разсвѣтъ, какъ раздалась команда ротнаго командира, князя Геловани: «Впередъ». Команда прозвучала, какъ эхо, и сразу все зашевелилось.

«Гренадеры, снимая фуражки, крестились и инстинктивно осматривали винтовки. Впереди всѣхъ шелъ князь Геловани. Его высокая и мощная фигура сильно

импонировала ротѣ. Мы, младшіе офицеры, заняли свои мѣста впереди своихъ взводовъ... Привыкнувъ слѣпо повиноваться, мы двинулись впередъ красивой длинной лентой, выравниваясь на ходу, какъ на парадѣ. Мѣстность впереди была ровной и сѣрой, по полю были разбросаны кучи камней, правильно сложенные въ пирамиды; вдали темнѣли контуры лѣса. Вотъ все, что бросилось въ первый моментъ въ глаза... Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ поручика Грузинскаго полка Зайцева, который со своими пулеметчиками тащилъ пулеметы и катилъ катушки за 10-й ротой. Тишина была мертвая. Нѣмцы не стрѣляли. Такъ прошли мы болѣе 200 шаговъ. Вдругъ гдѣ-то впереди защелкали винтовки—часто, часто. Къ нимъ присоединилось рѣдкое та-та-та нѣмецкихъ пулеметовъ. Пѣхота насъ замѣтила, но пули пока насъ не тревожатъ, очевидно плохо взять прицѣлъ. Но еще 50 шаговъ... и пули завизжали роємъ. Стало жутко, но мы идемъ. Вдругъ знакомый уже, гнетущій свистъ: вью - па, — прорѣзалъ воздухъ и надъ нами появилось бѣлое облачко первой шрапнели. За это время мы успѣли пройти отъ исходнаго положенія шаговъ пятьсотъ. По нашей цѣпи нѣмцы открыли бѣглый огонь и надъ ротой стало рваться одновременно по 8-ми снарядовъ.

«Рота не выдержала, безъ приказанія залегла и открыла огонь по невидимому противнику. Ясно было, что такой огонь безцѣленъ, и я попытался дать направленіе и прицѣлъ. Но изъ моей затѣи ничего не вышло, такъ какъ я самъ не слышалъ своего голоса. Пришлось обойти первое отдѣленіе и возбудить вниманіе каждаго пинкомъ ноги. Заниматься этимъ дѣломъ страшно не хотѣлось, ибо никогда въ жизни я не испытывалъ такого желанія лечь на землю, какъ въ этотъ моментъ, ибо пули свистѣли и рыли землю и уже лилась кровь. Но нужно было подать примѣръ и я, насколько могъ, это дѣлалъ. Я опустил на колѣно и въ Цейссовскій бинокль старался разсмотрѣть расположеніе нѣмцевъ. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось опредѣлить линію ихъ окоповъ, ибо въ утреннемъ туманѣ все сливалось. Подавъ знакъ ближайшему отдѣленію слѣдовать за

мною, я побѣжалъ впередъ. Пробѣжавъ шаговъ пятьдесятъ, я легъ. Около меня опустилось всего нѣсколько человѣкъ изъ тѣхъ, кто былъ ко мнѣ поближе. Продавъ моментъ, я почувствовалъ, что не всякіе примѣры бываютъ заразительны, ибо никто не собирался подниматься. Пришлось бѣжать назадъ и поднимать гранадеръ вновь. Послѣ отчаянныхъ усилій мнѣ удалось продвинуть свой взводъ шаговъ на сто. Оставалось еще четыреста, но для меня уже было ясно, что порывъ нашъ убитъ и сегодня его не воскресить. Огонь ни на минуту не ослабѣвалъ. Влѣво, туда, гдѣ залегли 10, 11 роты и Грузинцы, неслись десятки тяжелыхъ снарядовъ, взметая тучи земли, мы же обстрѣливались обыкновенными гранатами. Гранаты со страшнымъ визгомъ ложились около нашей цѣпи и оглушительно рвались, не нанося намъ серьезнаго вреда. Потери въ ротѣ уже были, такъ какъ по цѣпи передавали: — «ваше благородіе... Вах-ра-мѣ-ева... чижало... ранило въ животъ... Прикажете... вынести...» Вправо какой-то гранадеръ примостился за кучей камней и усердно въ кого-то выцѣливаетъ, вдругъ винтовка выпадаетъ у него изъ рукъ, онъ вскакиваетъ и бѣжитъ назадъ, но по дорогѣ падаетъ и остается лежать неподвижно...

...«Такъ пролежали мы до 4-хъ часовъ вечера. Начиная все больше и больше давать знать о себѣ сырость. Вдругъ гдѣ-то справа усиленно стали бить пулеметы. Я оглянулся назадъ и только тогда замѣтилъ, что далеко сзади идутъ наши отступающія цѣпи. По цѣпи-же кричатъ: «ваше благородіе, приказано отходить». Нѣмцы, увидя, что у насъ опять задвигались, усилили свой огонь по отходящимъ. А мнѣ казалось, что они вотъ-вотъ бросятся преслѣдовать и первое, на кого напорются, это на меня съ десяткомъ людей. Медлить было опасно и я приказалъ по одному отходить, дабы не привлечь сильнаго сосредоточеннаго огня. Но и изъ этого ничего не вышло. Первые два-три человѣка исполнили мое приказаніе буквально, а остальные не выдержали, сорвались всѣ сразу и побѣжали назадъ. Послѣднимъ поднялся я и тоже попытался бѣжать. Но только я сдѣлалъ шагъ, какъ упалъ, ибо не рассчиталъ,

что отси́дѣлъ себѣ поги. Нѣмцы открыли по насѣ бѣглый огонь, пулеметы пронзительно затахтѣли. Собравъ всѣ силы, я поднялся вновь и развилъ наибольшую скорость, на которую былъ способенъ... Подъ огнемъ нѣмецкой артиллеріи прошли мы еще версты двѣ и, наконецъ, остановились, чтобы перевести духъ. Трудно описать подавленность моего душевнаго состоянія въ этотъ моментъ. Нѣмцы миѣ показались непобѣдимыми, война затянувшейся до безконечности, позоръ нашъ несмываемымъ и я былъ въ отчаяніи»...*)).

Переживанія въ бою старшихъ начальниковъ много сложнѣе. У молодого офицера карьера впереди. Храбрость даетъ ему случай выдвинуться, честолюбіе его играетъ, но стоимость жизни часто кажется дороже того, что онъ получитъ. У старшаго начальника карьера позади. Это длинный, тридцатилѣтній путь, приведшій къ командованію полкомъ. Страхъ потерять все то честное, что нажито такимъ долгимъ трудомъ, такую упорную службу, часто бываетъ сильнѣе страха смерти и раненія. Навыки командованія выработаны многолѣтними ученіями и маневрами, личное строевое самолюбіе поднимаетъ душу и заставляетъ забывать вѣднія тѣла. Многообразныя заботы командованія притупляютъ сознаніе и старшій начальникъ меньше реагируетъ на пули и снаряды, временами не замѣчаетъ ихъ.

Я приведу примѣръ душевныхъ переживаній командира пѣхотнаго полка изъ романа Н. Бѣлогорскаго «Марсова маска», потому, что дѣйствія Восточно-Сибирскихъ стрѣлковъ въ этомъ романѣ описаны съ удивительною и точною правдою: —

... «Адъютантъ хотѣлъ что-то сказать, но, поглядѣвъ на командира, раздумалъ и пошелъ сзади, поеживаясь. Пули свистѣли, какъ бѣшенныя, и Лопатинъ (командиръ полка) очень хорошо слышалъ ихъ. Въ его головѣ все время гвоздила мысль: вдругъ хватить!

*) К. Поповъ. Воспоминанія Кавказскаго гренадера 1914—1920 г. Стр. 22—25.

«Но привычнымъ, давно выработаннымъ усиленіемъ воли онъ заставлялъ себя идти прямо, не наклоняясь и не задерживаясь. Зналъ, что за него цѣпляются адъютантъ съ ординарцами, а сзади смотритъ въ тысячу глазъ весь первый батальонъ.

«По дорогѣ лежали и ползли червяками раненые. Лопатинъ напряженно глядѣлъ на нихъ и, самъ себя не признаваясь, боялся увидѣть здоровыхъ и цѣлыхъ. Зорко вглядывался въ каждаго и спрашивалъ: тебя куда?

«Слава Богу, всѣ были дѣйствительно раненые, и не было такихъ, которые показали бы палець.

«За это онъ успокоился. Теперь смотрѣлъ только впередъ, на цѣпи, на костель и на огороды Богухвалы, до которыхъ оставалось не болѣе полуверсты и откуда дулъ вѣтеръ пулемета. Тамъ пожарище разгоралось, и все сгущался дымъ Русскихъ разрывовъ.

«Вдругъ онъ увидѣлъ что-то неладное. Тѣ, что ближе передъ нимъ, идутъ, но дальше, въ самой головѣ, легли и не поднимаются. Вотъ все легло. Можетъ быть, встанутъ... Нѣтъ, — лежать окаянные!..

— «Опять 3-ій полкъ подвель! — вскрикнулъ Лопатинъ, ни къ кому не обращаясь.

«Но адъютантъ отвѣтилъ:

— «Никакъ нѣтъ, Николай Егорычъ, наши это.

«Лопатинъ и самъ зналъ это лучше адъютанта. А когда услышалъ, махнулъ рукой ординарцу:

— «Бѣги, и скажи командиру батальона, чтобы вставали, а то отсюда огонь открою въ спины!

«Ординарецъ побѣждалъ, а шаговъ черезъ сотню свалился. Богъ его знаетъ, можетъ, нарочно, можетъ, убить.

«Николай Егорычъ почувствовалъ, что лицо у него горитъ стыдомъ и гнѣвомъ. Бросилъ назадъ повелительно:

— 1-му батальону въ атаку! — и не видѣлъ, какъ адъютантъ кинулся передавать. Вообще онъ не видѣлъ ничего, кромѣ лежащихъ цѣпей, и шелъ къ нимъ впередъ быстрыми большими шагами. И ничего не слы-

шаль теперь, ни пуль, ни вѣтра своихъ и чужихъ снарядовъ.

«Вотъ онъ среди лежащихъ и склеившихся вмѣстѣ линій 2-го батальона.

— «Штабсь - капитанъ Емельяновъ, — голосъ его былъ рѣзкій, сухой, непохожій на всегдашній. — Восьмая встать!

«Ударилъ кого-то по загривку ножнами шашки. Люди приподымались нерѣшительно. Близкіе, въ двухстахъ шагахъ, огороды казались недосыгаемыми. Тамъ, у нѣмцевъ, отдѣльныя сѣрыя фигуры уже направлялись назадъ.

«Сзади зарокотало ура перваго батальона. И Лопатинъ такъ же, какъ всѣ, почувствовалъ, что теперь возьмутъ. Его, точно молодого, охватилъ восторгъ, и раскатисто, во весь голосъ онъ, крикнулъ:

— «Помните Государево имя!

(Полкъ былъ: — «Его Величества стрѣлковый»).

«Рядомъ съ нимъ и обгоняя его, бѣжали съ громкимъ ура люди разныхъ ротъ.

«Лопатинъ съ трудомъ поспѣвалъ за стрѣлками и такъ же, какъ всѣ, перескочилъ канаву, которой былъ окопанъ огородъ. Впереди были видны убѣгающіе нѣмцы. Другіе стрѣляли изъ-за строеній.

«Наши на ходу вскидывали винтовки и били, не останавливаясь. Ударилъ чей-то, свой или чужой снарядъ и ослѣпилъ на минуту... Затѣмъ Лопатинъ увидѣлъ себя уже въ улицѣ деревни, у выхода на площадь къ костелу. Всюду было полно стрѣлковъ съ красными остервенѣлыми лицами. Изъ дворовъ выволакивали отдѣльныхъ германскихъ солдатъ. Изъ одного дома стрѣляли, и туда, выбивая прикладами дверь, ломились стрѣлки.

«Николай Егорычъ еще разъ, но теперь радостно, крикнулъ ура и почувствовалъ, какъ его что-то ударило. Въ глазахъ потемнѣло, и онъ какъ-то странно упалъ на бокъ.

«Къ нему бросились помочь, но, несмотря на боль гдѣ-то внутри, онъ поднялся самъ и выговорилъ тихо, съ усиленіемъ:

— «Кажется, меня ранило...

«И снова упалъ. Глаза закрылись. Двое стрѣлковъ перенесли его подъ крылечко хаты. Крови почти не было, только на нижней части живота, съ правой стороны немного сочилось. Ординарецъ, ефрейторъ Умановскій, еврейчикъ, про котораго самъ Лопатинъ говорилъ, что, хоть жидокъ, а изъ первыхъ солдатъ въ полку, не своимъ голосомъ сталъ звать фельдшера, разрывая дрожащими руками свой индивидуальный пакетъ.

«Подбѣжалъ фельдшеръ. Поддерживая за плечи, начали накладывать перевязку, снявъ амуницию и разстегнувъ штаны. Лопатинъ не стоналъ и не жаловался. Только спросилъ:

— «Выходное отверстіе есть?»

«Умановскій дернулъ за рукавъ фельдшера, но тотъ уже отвѣтилъ смущеннымъ голосомъ: — Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе.

— «Значить, умру... — тихо проговорилъ Лопатинъ. Онъ издалъ глухой стонъ, одинъ единственный. Полежалъ и снова заговорилъ:

— «Переверните меня на животъ, говорятъ, такъ лучше...

«Его положили, какъ онъ просилъ.

— «Вынести-бы... — совѣщались стрѣлки съ фельдшеромъ.

«Лопатинъ услышалъ:

— «Подождать! Полковника Вологодцева, замѣстителя, позовите!

«Побѣжали искать. Лопатинъ лежалъ, молча. Только когда фельдшеръ участливо нагнулся и спросилъ:

— «Болишь, ваше высокоблагородіе? — Онъ отозвался сквозь зубы: — Больно, сильно...

«За Вологодцевымъ ходили минутъ двадцать, и Лопатинъ издали узналъ его голосъ.

— «Переверните, — сказалъ онъ.

«Потомъ спросилъ прерывающимся отъ боли голосомъ: —

— «Взяли? Пусть наступаютъ дальше. Полкъ сдаю тебѣ.

«Закрывъ глаза и сказалъ тихо:

— «Теперь пусть несутъ... на носилкахъ».

«Носилки тоже отыскались не сразу, Лопатинъ все лежалъ и не жаловался, только стискивалъ зубы».

«Наконецъ, понесли... Впереди колыхались раскаты новаго ура новой атаки»... *)».

Въ этомъ блестящемъ примѣрѣ, а такихъ примѣровъ мы знаемъ въ исторіи Россійской Арміи тысячи, мы видимъ образецъ командирской доблести и тѣхъ сложныхъ душевныхъ переживаній страха, не личного, но страха за свою часть, за свою карьеру, которыя достаются на долю полковыхъ командировъ въ бою.

Еще сложнѣе, еще мучительнѣе переживанія старшихъ начальниковъ. У младшихъ, тамъ, впереди, эти переживанія перебиваются явной тѣлесной опасностью. Врагъ видимъ. Его снаряды рвутся надъ головою, мучительныя заботы отвлекаютъ страхъ; рѣшеніе, выходъ — тутъ-же, подъ руками. Идти самому впереди, заставить идти впереди людей. Побѣдить, или умереть. И за смертью недалеко ходить.

Иныя переживанія старшихъ, крупныхъ начальниковъ. Непосредственная опасность для жизни далеко. Неприятеля не видно. Слышна, — и то не всегда и не вполне, — только грозная музыка боя, раскаты орудійныхъ залповъ и очередей, клокотаніе ружейнаго огня, пулеметное стрекотаніе. Въ самомъ штабѣ тишина. Суетливое перебираніе бумагъ. Доклады начальника штаба, генераль-квартирмейстера, пріѣзжихъ съ позицій офицеровъ генеральнаго штаба. Стояніе у аппарата на прямомъ проводѣ и длинная узкая лента Юза, выбивающая то страшныя, то оскорбительныя слова. Сдѣланная карьера длинной жизни еще сложнѣе, еще чувствительнѣе. Малѣйшее замѣчаніе уже звучитъ тяжкимъ оскорбленіемъ. Отрѣшеніе отъ должности — позорнѣе смерти.

Снизу — донесенія о невозможности продвигаться впереди. Въ бою на Стоходѣ одинъ командиръ пѣхот-

*) Бѣлогорскій. Марсова маска. Изд. «Мѣдный Всадникъ». Стр. 182—185.

ной бригады мнѣ говорилъ: — «легче везти по песку возъ, нагруженный камнями, чѣмъ продвигать цѣпи подь огнемъ». Снизу: — донесенія о чрезвычайныхъ потеряхъ, о гибели начальниковъ, о неимѣннн снарядовъ, объ утомленіи войскъ.

Сверху: — требованія идти во что бы то ни стало впередъ. Напоминаніе объ отвѣтственности... Упреки... Напоминанія о долгѣ. При малѣйшей безтактности:— насмѣшка... оскорбленіе.

На душу грозною тяжестью ложится смерть многихъ людей, часто близкихъ, дорогихъ, съ которыми связанъ долгою совмѣстною службою, которыхъ любилъ. И та же душа трепещетъ за исходъ боя. Неудача, поражение, отходъ, крушеніе лягутъ тягчайшимъ позоромъ на все прошлое, смоютъ труды, старанія и подвиги долгихъ лѣтъ.

Драма старшаго начальника съ душою чуткою, не эгоистичною — необычайно глубока.

Внизу, «на фронтѣ» — душевныя переживанія при-туплены усталостью тѣла, голодомъ, плохими ночлегами, непогодю, видомъ раненыхъ и убитыхъ. Человѣкъ работаетъ въ неполномъ сознаніи, часто не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ.

Наверху, «въ штабахъ» — извѣстный комфортъ домовъ, наблюдательныхъ пунктовъ съ блиндажами, налаженная жизнь, сытная, во время ѣды, постель и крыша, — но все это не только не ослабляетъ, но усиливаетъ по сравненію съ войсками душевныя переживанія начальника. И нужна большая работа надъ собою, большое пониманіе души строя, чтобы «сытый понялъ голоднаго» и въ свои распоряженія внесъ нужную поправку. Поправку — на усталость. Это такое зыбкое основаніе, тутъ такъ легко, — или перетянуть силы войскъ и потребовать невозможнаго, или, напротивъ, не дотянуть, не использовать всего напряженія войскъ, сдѣлать послабленіе. Чѣмъ ближе начальникъ къ войскамъ, чѣмъ больше онъ ихъ понимаетъ (потому что самъ это переживалъ на маневрахъ и въ бояхъ), тѣмъ легче ему отличить дѣйствительно серьезное положеніе,

угрожающее успѣху, отъ такъ называемаго «паническаго» настроенія.

Конечно, лучшимъ критеріемъ является личное посѣщеніе фронта, личный рискъ и личныя лишенія, всегда поднимающія духъ войскъ, да и духъ самого начальника. Но, если это возможно для начальника дивизіи, то для высшихъ начальниковъ это сопряжено съ оставленіемъ команднаго поста и всей сложной системы управленія, что не только не полезно, но часто вредно и потому невозможно.

Что переживалъ въ августовскіе дни 1914 года, дни Сольдаускихъ боевъ въ восточной Пруссіи командующій 2-й арміей генераль-адъютантъ Самсоновъ?

Какія страшныя муки колебаній, сомнѣній, недоувѣрія, отчаянія довели его до безумнаго рѣшенія самому, лично броситься въ боевую линію, туда, гдѣ погибали, и тамъ, не желая испытать позора плѣна, застрѣлиться?

По книгѣ генерала Головина «Изъ исторіи кампаніи 1914 года на Русскомъ фронтѣ» — мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ весь этотъ скорбный душевный путь генерала Самсонова въ эти ужасные дни.

12-го августа начальникъ штаба Самсоновской арміи генераль Постовскій докладывалъ по прямому проводу штабу Западнаго фронта:

... «При всемъ сознаніи необходимости безостановочнаго энергичнаго движенія въ направленіи Алленштейнъ—Остероде и далѣе вслѣдъ за противникомъ, Командующій арміей вынужденъ сдѣлать остановку. Армія слѣдуетъ безостановочно 8 дней съ исходнаго положенія»...

Генераль Постовскій очертилъ состояніе довольствія корпусовъ арміи вслѣдствіе такой форсировки силъ частей, выступившихъ на войну, не закончивъ мобилизаціи. Отсутствіе хлѣбопекаренъ и невозможность подвоза съ тыла при скверныхъ песчаныхъ дорогахъ заставили прибѣгнуть къ сухарному запасу, который былъ на исходѣ.

... «Основывать продовольствіе на мѣстныхъ средствахъ», — докладывалъ далѣе Постовскій, — «оказалось ненадежнымъ, такъ какъ съ одной стороны,—за-

пасы въ странѣ ничтожны, а съ другой, нѣкоторые войсковые интенданты оказались совсѣмъ неподготовленными.

«Признавая остановку для арміи совершенно необходимой, Командующій арміей прикажетъ, разумѣется, частямъ наступать во что бы то ни стало, если по общей обстановкѣ, Главнокомандующій считаетъ такое наступленіе все таки необходимымъ.

«Командующій арміей проситъ доложить Главнокомандующему сдѣланный лично докладъ по телефону о дневкѣ съ добавленіемъ, что всѣ корпусные командиры усиленно о ней просятъ, въ особенности Мартосъ (XV корпусъ) и Клюевъ (XIII корпусъ)» *).

Генераль Самсоновъ надѣялся на чуткость въ штабѣ фронта. Главнокомандующій фронтомъ генераль Жилинскій былъ человекъ, далекій отъ войскъ.

Генераль Самсоновъ этой чуткости въ Жилинскомъ не нашель.

Генераль Жилинскій не могъ отличить дѣйствительной надобности отъ «паническаго» настроенія.

Выѣхать на фронтъ онъ не могъ.

Генераль Самсоновъ зналъ, что за восемь дней съ 4 по 12 августа корпуса его арміи прошли: VI корпусъ около 200 верстъ, XIII корпусъ — около 130 верстъ, XV корпусъ около 120 верстъ съ боемъ, XXIII корпусъ — около 190 верстъ. Генераль Самсоновъ видѣлъ движеніе своихъ войскъ. Жара стояла чрезвычайная... «Грунтъ большинства дорогъ былъ сыпучій, песчаный, что чрезвычайно затрудняло движеніе обозовъ. Я самъ видѣлъ обозъ», — говоритъ очевидецъ, — «который продвигался такъ: половина повозокъ отпрягалась, лошади припрягались къ другимъ повозкамъ, которыя и продвигались на версту впередъ; потомъ всѣ лошади возвращались за оставшимися повозками, и такъ въ теченіе всего перехода. Войска своихъ обозовъ не видѣли. Дневокъ не давалось, что особенно разстраивало XIII корпусъ, совершившій 9 маршей безъ обозовъ,

*) Ген. Головинъ. «Изъ исторіи кампаніи 1914 года на Русскомъ фронтѣ. Стр. 211—212.

безъ хлѣба. Невтянутые въ походъ запасные разбалтывались^{*)}). Строевые начальники умоляли генерала Самсонова о неторопливомъ наступленіи. Ему доносили, что дивизіи XIII армейскаго корпуса во время походнаго движенія не имѣли вида строевыхъ частей, а напоминали скорѣе шествіе богомольцевъ. Генераль Ключевъ писалъ о солдатахъ своего корпуса: — «У нижнихъ чиновъ хорошія Русскія лица, но это лишь переодѣтые мужики, котрыхъ нужно учить»^{**}). Самсоновъ и самъ это зналъ отлично. Но сверху, изъ штаба фронта, отъ генерала Жилинскаго, шли требованія идти впередъ, окружать германскую армію, донесеніямъ генерала Самсонова не вѣрили, ихъ считали преувеличенными, постоянно повторяющіяся донесенія объ утомленіи войскъ и неустройствѣ тыла раздражали генерала Жилинскаго, онъ указывалъ генералу Самсонову на нерѣшительность его дѣйствій. Наконецъ, въ бесѣдѣ съ генераломъ-квартирмейстеромъ 2-ой арміи генераломъ Филимоновымъ — генераль Жилинскій рѣзко сказалъ: — «Видѣть противника тамъ, гдѣ его нѣтъ — трусость, а трусить я не позволю генералу Самсонову и требую отъ него продолженія наступленія». «Для тѣхъ, кто знаетъ рыцарскій обликъ покойнаго генерала Самсонова», — пишетъ генераль Головинъ въ своемъ трудѣ, — «понятно, какъ должно было отразиться это на дальнѣйшихъ его дѣйствіяхъ»^{***}).

Генераломъ Самсоновымъ овладѣло самое опасное на войнѣ чувство страха, что его заподозрятъ въ страхѣ, въ трусости. Чѣмъ выше моральный обликъ чловека, тѣмъ сильнѣе можетъ овладѣть имъ это чувство и тѣмъ больше оно можетъ заставить сдѣлать непоправимыхъ ошибокъ. Вся жизнь генерала Самсонова — блестящая, кристально чистая, вся его служебная карьера встали передъ нимъ и заставили его забыть великія разума, подавили его волю. Дальше начинается рядъ

*) Ген. Головинъ. Изъ исторіи кампаніи 1914 года на Русскомъ фронтѣ. Стр. 190.

***) Тамъ - же. Стр. 177.

***) Ген. Головинъ. Стр. 213.

неправильныхъ рѣшеній, катастрофа арміи, окруженіе нѣмцами XV корпуса, къ которому выѣхалъ генераль Самсоновъ, и его самоубійство.

Не учтена была въ штабѣ фронта психологія начальника. Повторилась коренная ошибка нашего Генеральнаго Штаба, привыкшаго дѣлать оперативные расчеты, обосновывая ихъ на форсировкѣ. Вслѣдствіе схоластичности преподаванія въ Военной Академіи и бюрократичности высшихъ органовъ нашего Генеральнаго Штаба упустили изъ вида главное орудіе войны, главную ея машину — человѣка съ его тѣломъ и съ его душевными переживаніями.

Изслѣдованіе этихъ переживаній, какъ у непосредственныхъ бойцовъ, такъ и у начальниковъ всѣхъ степеней можетъ помочь разбираться въ обстановкѣ, какъ въ боевой линіи, такъ въ тылу и въ штабахъ. Оно научить считается съ личностью человѣка, съ его душою, и примѣнять въ каждомъ случаѣ тѣ мѣры воздѣйствія, какія нужно. Оно научить: — «Не угашать духа!»

III.

ПСИХИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА.

Попробуемъ разобратся и сдѣлать выводы изъ только что приведенныхъ описаній различнаго вида чувства страха.

Гренадеры подпоручика Попова и самъ Поповъ, попавъ первый разъ подъ сильный ружейный и артиллерійскій огонь, испытываютъ чувство страха. Это чувство заставляетъ ихъ залечь и открыть безтолковый огонь. Это чувство говоритъ и въ самомъ Поповѣ, но онъ сейчасъ же побѣждаетъ его. Встаетъ, приводитъ въ порядокъ свою цѣпь, налаживаетъ огонь, потомъ продвигаетъ цѣпь впередъ. Чувство страха въ немъ побѣждено чувствомъ долга и выучки и онъ рисуется своимъ гренадерамъ и намъ, какъ храбрый офицеръ. Храбрость побѣдила его страхъ.

Въ болѣе сложныхъ переживаніяхъ полкового командира, полковника Лопатина, — къ чувству долга присоединяется полковое самолюбіе и сознание отвѣтственности за полкъ; — чувство страха за себя быстро ослабѣваетъ, вытѣсненное заботами командованія. Лопатинъ живетъ полкомъ и, даже смертельно раненый, онъ думаетъ только о полкѣ и о своемъ долгѣ. — Мы видимъ въ немъ храбраго командира полка.

Еще глубже, больнѣе и ужаснѣе переживанія генерала Самсонова.

Гдѣ его долгъ? Безпрекословно повиноваться приказаніямъ своего Главнокомандующаго, идти впередъ во что бы то ни стало, презирая усталость людей, доведшую ихъ до потери боеспособности? Идти на пораженіе вмѣсто побѣды? Весь его большой строевой опытъ, знаніе маневра и войны, какъ доблестнаго участника Японской кампаніи, говорятъ ему, что этого нельзя дѣлать. Что правы не верхи, а низы и онъ долженъ отстоять ихъ требованія... Но, если общая обстановка такова, что все равно: — пусть гибнетъ его армія, пусть гибнетъ онъ самъ, но ихъ гибель — общая побѣда. Теперь мы знаемъ, что наше тягчайшее пораженіе въ эту войну было тою платою, которою мы заплатили за выигрышъ всей кампаніи, ибо неудача Сольдау спасла Марну и Парижъ. И самая блестящая побѣда генерала Гинденбурга подъ Танненбергомъ (Сольдау) явилась началомъ германской катастрофы. Но генераль Самсоновъ тогда знать этого не могъ. Ему сказали, что его долгъ — погибнуть съ его арміей и онъ взошелъ на Голгоѳу этой гибели. Въ этомъ онъ жертвенно исполнилъ свой долгъ.

Итакъ, что же такое храбрость?

Храбрость есть высшее исполненіе долга, доведенное до полнаго самопожертвованія.

Это очень сложное чувство. Ибо храбрость не уничтожаетъ чувства страха, но она овладѣваетъ имъ. Чтобы вполне уяснить себѣ, какъ это происходитъ, попробуемъ рассмотреть психическія явленія въ жизни человека.

Различаютъ три вида психическихъ явленій.

1. Явленія **познанія**, доставляемая силою ума. Умъ даетъ намъ представленія о мірѣ путемъ внѣшнихъ ощущеній: зрительныхъ, слуховыхъ, обонятельныхъ и осязательныхъ. Познаніе — создаетъ воображеніе, оно вызываетъ воспоминанія, даетъ намъ представленіе о предметѣ, а послѣ его изученія и понятіе о немъ.

2. Явленія **воли**. Это наши стремленія, желанія, влеченія. Отъ нихъ является рѣшеніе дѣйствовать и происходитъ самое дѣйствіе.

3. Явленія **чувства**. Характернымъ признакомъ ихъ является или удовольствіе, испытываемое нами, или страданіе. Отсюда два основныхъ чувства: радость побѣды надъ собою и чувство страха за себя.

Человѣкъ непрерывно познаетъ, чувствуетъ и совершаетъ какое-то дѣйствіе: — это и есть жизнь.

Умственная дѣятельность человѣка заключается въ непрерывномъ мышленіи. Этой работой ума внѣшнія впечатлѣнія обрабатываются, складываются, понимаются, приводятся въ систему. Сюда же относится игра воображенія, фантазія, дающая новое, часто превратное представленіе о томъ, что подмѣчаютъ наши органы. Умъ — способность правильно мыслить въ боевой обстановкѣ — есть необходимое качество для военнаго начальника. «Умъ и воля», — говорилъ Наполеонъ — «должны составлять квадратъ въ головѣ военно-начальника — оба равноцѣнны». Уму помогаютъ: —

Память, — способность сохранять прежнія впечатлѣнія. Память драгоцѣннѣйшее качество начальника. Она помогаетъ разбираться въ обстановкѣ. Наполеонъ безъ справки, безъ указанія штаба, помнилъ, гдѣ и какія части у него находятся и кто ими командуетъ. Память, основываясь на опытѣ прошлаго, помогаетъ раскидывать умомъ на будущее. Память помогаетъ намъ овладѣвать знаніемъ. Знаніе помогаетъ владѣть чувствами.

Увѣренность — свойство ума, основанное на прочномъ знаніи, вѣрѣ въ свои силы и свой умъ, вѣрѣ въ Промыслъ Божій, въ предопредѣленіе, въ свою звѣзду. Это свойство ума поднимаетъ энергію, усиливаетъ настойчивость, вызываетъ жажду успѣха, способ-

ствуешь побѣдѣ. Наполеонъ и Скобелевъ вѣрили въ свою звѣзду, въ свое счастье. Суворовъ вѣрилъ въ Промыслъ Божій и въ свой умъ. Въ минувшую войну Германцы вѣрили въ силу своего оружія и духа. Французы вѣрили въ силу своей націи и образованіе своихъ вождей. Русскіе... колебались и не вѣрили.

Отрицательными свойствами ума являются: неумѣніе предвидѣть, дѣйствія не по расчету, а по догадкѣ, заднимъ, прошлымъ умомъ, разсѣянность, безпамятство, растерянность...

Другое качество военного начальника, **воля** проявляется во: —

Вниманіи, — выжидательномъ состояніи ума, когда умъ не закончилъ своей работы и воля заставляетъ его сосредоточиться на одномъ предметѣ.

Энергіи, — напряженіи нервной системы для выполнения данной задачи.

Настойчивости, — рѣшеніи твердо идти къ намѣченной цѣли, несмотря на препятствія и неудачи. Это качество особенно цѣнно въ военномъ дѣлѣ, гдѣ часто побѣда стоитъ на грани пораженія, гдѣ одно последнее усиліе рѣшаетъ все въ нашу пользу и отсутствіе этого усилія даетъ побѣду врагу. Твердый волею человѣкъ долженъ стремиться *per aspera ad astra* — черезъ тысячи пропастей къ высокимъ яснымъ звѣздамъ...

Самообладаніи, — умѣніи не показывать наружу владѣющія нами чувства: — подавлять гнѣвъ, волненіе, страхъ. Самообладаніе есть воспитаніе воли, дисциплина духа и только человѣкъ, вполне владѣющій собою, можетъ быть хорошимъ военнымъ. Самообладаніе предохраняетъ человѣка отъ величайшаго порока военного — распущенности.

Къ области воли относятся еще и качества человѣка, такъ сказать, второго сорта, могущія, однако, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, замѣнить энергію и настойчивость, — это: упрямство, терпѣніе, исполнительность и аккуратность.

Отрицательными свойствами воли, наиболѣе вредными для военного дѣла, будутъ: — слабоволіе, нерѣшительность, родная сестра трусости, и самая трусость.

Чувства можно раздѣлить на физическія или нисшія, и духовныя, — высшія, — эмоціи.

Духовныя чувства вызываються отвлеченными представленіями. Каждое чувство или даетъ пріятное ощущеніе, возбуждаетъ, воодушевляетъ, поднимаетъ духъ, заставляя всѣ органы тѣла повышенно работать... «Онъ отъ радости не чуялъ ногъ подъ собою»... «Въ воодушевленіи работы онъ не видѣлъ времени»... Или, наоборотъ, угнетаетъ. Тѣло становится тяжелымъ, ноги обмякають, слухъ и зрѣніе притупляются. «Душа уходитъ въ пятки». «Небо кажется съ овчинку».

Къ высокимъ чувствамъ отнесемъ: —

— Религіозное чувство,

— Чувство патріотизма, ту любовь къ отечеству и народную гордость, о которой такъ краснорѣчиво взывалъ сто лѣтъ тому назадъ къ Русскому обществу Николай Михайловичъ Карамзинъ,

— Чувство солидарности (мундира), локтя, стремени,

— Увѣренность въ своихъ силахъ, обученіи, подготовкѣ, вооруженіи, вѣру въ начальника, спокойную увѣренность въ своихъ людяхъ, что они не выдадутъ,

— Моральное чувство долга, совѣсти, какъ результатъ воспитанія въ семьѣ, школѣ и воинской части.

Этимъ чувствомъ противоборствуютъ, ихъ побѣждая иногда, отрицательныя чувства: матеріализмъ, выливающейся въ крайній эгоизмъ, шкурничество, чувство самосохраненія и страха, пораженчество и — трусость.

Для исполненія своего долга во что бы то ни стало, то есть для того, чтобы быть храбрымъ, важнѣе всего — воля.

Воля заключается въ сосредоточеніи своего вниманія на томъ, что отвлекаетъ отъ мысли о смерти, о раненіи, о всемъ, что парализуетъ храбрость. Воля заставляетъ думать о своей обязанности — цѣлить, стрѣлять, идти впередъ, окапываться, занимаетъ умъ и разсѣиваетъ мысли. Воля заставляетъ начальника сосредоточить свое вниманіе на своемъ боевомъ участкѣ, ко-

мандовать, управлять, ободрять ослабѣвшихъ духомъ. Воля заставляетъ высшаго начальника думать о главномъ, отбѣгая мелочи, стремиться къ побѣдѣ, минуя препятствія. Чѣмъ выше военное образованіе начальника, чѣмъ больше онъ понимаетъ обстановку, тѣмъ яснѣе работаютъ его мысли и тѣмъ легче ему направить ихъ къ побѣдѣ. Въ этомъ великое значеніе воли, ея развитія въ себѣ, ибо воля рождаетъ храбрость. Волею чловѣкъ легче будетъ храбрымъ.

IV.

ХРАБРОСТЬ.

Храбрость, по большей части, является, какъ совокупность работы ума, воли и чувства, или въ полномъ ихъ объемѣ, или частично. Храбрость является иногда, какъ слѣдствіе умственного расчета, иногда, какъ слѣдствіе сознательной выучки, иногда, какъ слѣдствіе высокаго подъема благородныхъ чувствъ, вызывающихъ презрѣніе къ опасности и смерти.

Какъ трусость, такъ и храбрость бываютъ разнообразны и многогранны. Бываетъ храбрость разумная и храбрость безумная. Храбрость экстаза атаки, боя, влеченія, пьяная храбрость, и храбрость, основанная на точномъ расчетѣ и напряженіи всѣхъ умственныхъ и физическихъ силъ. Храбрость рядового бойца существенно отличается отъ храбрости старшаго начальника, и храбрость старшаго начальника, часто стоящаго далеко отъ физической опасности, должна выливаться въ гражданское мужество взять на себя отвѣтственность за жертвы и за пролитую кровь, а, въ случаѣ неудачи, за позоръ пораженія. Качество, къ сожалѣнію такое рѣдкое среди высшихъ начальниковъ, болѣе рѣдкое, чѣмъ рядовая храбрость.

Бываетъ храбрость отчаянія, храбрость вызванная страхомъ смерти или раненія, или страхомъ испытать позоръ неисполненнаго долга.

Въ бояхъ подь Краковомъ, у Скалы, въ ноябрѣ 1914 года я съ 10-мъ и 13-мъ Донскими полками задерживалъ наступленіе австрійцевъ, находясь на лѣвомъ флангѣ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Бой шель въ спѣшенномъ порядкѣ. Мы лежали въ большой близости отъ противника, поражаемые жестокимъ ружейнымъ огнемъ. Вдругъ сотня 13-го полка, есаула А. встала и безъ приказа, по личному почину, бросилась на ура, захвативъ участокъ позиціи и взявъ плѣнныхъ. Поступокъ А. меня удивилъ. Это былъ человекъ тихій, лѣнливый, не способный на порывъ, на рискъ, при томъ человекъ многосемейный. Когда я спросилъ его, какъ это вышло, — онъ отвѣтилъ: — «Мы такъ сблизились, что я увидѣлъ, что они меня сейчасъ атакуютъ. Уйти назадъ нельзя. Весь скатъ подь обстрѣломъ. Мнѣ стало такъ страшно, что я выхватилъ шашку и бросился съ крикомъ ура впередъ. Казаки меня поняли. Забросивъ ружья за плечи, они бросились въ шашки^{*)}. Должно быть, и австрійцамъ было такъ же страшно. Они сейчасъ же сдались. Сосѣднія сотни рванули за мною и австрійцы убѣжали»...

Это была храбрость отчаянія, подсказанная разумомъ и чувствомъ страха неизбежности смерти, если не дѣйствовать.

29-го мая 1915 года 2-й кавалерійскій корпусъ съ приданными ему частями Саратовскаго ополченія сдерживалъ наступленіе австрійцевъ, переправлявшихся у Залещиковъ и Жезавы черезъ Днѣстръ. Я съ утра занималъ спѣшенными всадниками 2-го Дагестанскаго, Ингушскаго и Чеченскаго полковъ и батальономъ Саратовскаго ополченія заранѣе приготовленные окопы, безъ проволочнаго загражденія около станціи Дзвинячъ. Сзади меня, верстахъ въ пяти, въ мѣстечкѣ Глусте-Място, находились штабы 2-го кавалерійскаго корпуса и Кавказской Туземной дивизіи, командиръ корпуса баронъ Раухъ и начальникъ Кавказской Туземной дивизіи Великій Князь Михаилъ Александровичъ. Берегъ Днѣстра у Залещиковъ охранялся Черкесскимъ

^{*)} Тогда казаки штыковъ еще не имѣли.

коннымъ полкомъ и ополченцами генерала Мунте. Весь день шелъ вялый артиллерійскій огонь, и туземцы и ополченцы держались. Подъ вечеръ, когда миѣ прислали конную бригаду Заамурской пограничной стражи (8 сотенъ), которую я поставилъ въ резервъ въ балкѣ, за станціей Дзвинячъ, на шоссе въ Залещики,—бой, соевѣмъ затихъ. Вдругъ лѣвѣе меня, на участкѣ генерала Мунте начался сильный беспорядочный огонь. Вслѣдъ за тѣмъ ко миѣ прискакалъ прапорщикъ Заамурецъ, бывший въ разѣздѣ для связи, и доложилъ мнѣ, что черкесы подъ напоромъ австрійцевъ покинули Залещики. Австрійцы переправились черезъ Днѣстръ у Жезавы и Залещиковъ, сбили ополченцевъ и громадными силами наступаютъ вдоль шоссе на Тлусте. Они не болѣе, какъ въ двухъ верстахъ отъ Дзвиняча. Это было такъ грозно, такъ неожиданно и такъ ужасно, что я не повѣрилъ прапорщику.

Мѣстность между мною и Залещиками была ровная, покрытая полями съ только что зазеленѣвшими пшеницею и овсомъ. Она сначала очень полого поднималась, потомъ такъ же полого спускалась къ Днѣстру. Перегибъ скрывалъ отъ меня Залещики и то, что было передъ ними. Я вскочилъ на лошадь и въ сопровожденіи одного всадника, урядника Арцханова, поскакалъ къ Залещикамъ.

У меня было это драгоценное право начальника лично поѣхать на мѣсто боя и своими глазами убѣдиться въ размѣрѣ опасности.

Едва я вскочилъ на перегибъ, я увидѣлъ ужасное зрѣлище. Въ верстѣ отъ меня жидкою цѣпью, понуро шли ополченцы. За ними шестью цѣпями шли австрійцы. Все поле казалось было покрыто ими. Они шли, стрѣляя на ходу по ополченцамъ. Ихъ пули долетали до меня.

Напряженіемъ воли я заставилъ работать мысль для оцѣнки положенія. Это продолжалось нѣсколько секундъ. Стоять на лошади подъ пулями — дѣло непріятное. Ополченцевъ не остановить... Туземцевъ, если ихъ двинуть впередъ, на что рассчитывать нельзя, — слишкомъ мало. Мой лѣвый флангъ обнаженъ. До

Тлусте Място, гдѣ находятся Великій Кнкзь и Командиръ 2-го кавалерійскаго корпуса, пять версть—около часа хода. Если я пошлю туда донесеніе — тамъ будетъ спѣшная запряжка большихъ обозовъ, тамъ будетъ — паника. Слѣдовательно — позоръ неизбѣженъ. Единственное средство — противопоставить пѣшей наступающей части конную атаку — атаку бѣшеную, людьми, которые еще войны не знаютъ. Такіе люди у меня есть — Заамурская конная бригада, предводительствуемая моимъ старымъ другомъ, доблестнымъ генераломъ Черячукинымъ. Онъ не задумается атаковать, если будетъ знать обстановку, но рассказывать ему обстановку нѣтъ времени. Въ моемъ распоряженіи тѣ 20 минутъ, которыя нужны австрійцамъ, чтобы дойти до станціи Дзвинячъ — вотъ тотъ ураганъ мыслей, который примчалъ меня къ рѣшенію броситься въ конную атаку на неразстроенную побѣдоносную пѣхоту.

Повторяю: — это продолжалось нѣсколько секундъ. Я повернулъ свою чистокровную (Лазаревскую) «Одалиску» и, уже не думая объ Арцхановѣ, черезъ двѣ минуты былъ у станціи Дзвинячъ, гдѣ находился генералъ Черячукинъ.

Когда я скакалъ, въ моемъ мозгу молоточки отбивали: — идутъ... идутъ... идутъ...

Казалось, я слышалъ шаги австрійскихъ цѣпей.

Я не ошибся въ моемъ другѣ генералѣ Черячукинѣ. Ни разспросовъ, ни требованія ориентировки... Онъ меня понялъ сразу. Лицо его стало блѣднымъ. Вѣроятно, и я не былъ красенъ. Помню сердце отчаянно колотилось: — Идутъ... идутъ... идутъ...

— Садись на лошадь и скачемъ къ бригадѣ. Четырьмя сотнями атаковать.

Бригада стояла въ балкѣ за шоссе. Маленькія бѣлыя монголки точно снѣгомъ покрыли балку. Между ними стояли рослые молодцы Заамурцы въ свѣжихъ зеленоватыхъ рубахахъ, еще не тронутыхъ походомъ и войною.

Помню: — когда подошли командиры полковъ, еще пѣшіе, узнать въ чемъ дѣло, мелькнула мысль удлинить и поставить уступомъ сзади, четырьмя сотнями,

пѣшую цѣпь. Неосознанная, къ счастью, тогда и никому невысказанная мысль: — «а, если не удастся конная атака?».

Было назначено 2 сотни 3-го полка и 2 сотни 4-го полка. Наскоро была указана обстановка и показаны отъ рубежа до рубежа боевые участки.

Остальные: — по конямъ! садись!

Эта команда прозвучала уже увѣренно.

Такая знакомая, столько разъ въ мечтахъ повторенная команда.

Ряды колыхнулись. Звякнули пики о еще свободныя стремена. Зеленовато-сѣрые Заамурцы накрыли бѣлыхъ монголокъ. Снимали фуражки, крестились.

Знали: — атака!

Черячукинъ подавалъ команды и велъ сотни за мной.

— Строй взводы!

Какъ только взводы подтянулись, скомандовалъ:

— Въ резервную колонну! маршъ!

— Въ линію колоннъ! маршъ!

Шли рысью. Еще было тихо и впереди краснѣло небо. Закатное солнце опускалось за Днѣстръ. Сразу грозною канонадой ударилъ тамъ залпъ двѣнадцати орудій и, опережая звукъ залпа, заскрежетали высоко надъ головами двѣнадцать снарядовъ. Лопнули сзади. Высоко.

— По пыли, вѣрно, — вздохнулъ я и сказалъ генералу Черячукину: — двумя лавами на пѣхоту!

Мы еще не прошли перегиба и онъ скрывалъ насъ отъ непріятеля и непріятеля отъ насъ.

— Строй фронтъ. Маршъ!

Сзади былъ слышенъ галопъ подходящихъ взводовъ.

— Передняя шеренга въ лаву. Шашки къ бою, пики на бедро!

Какъ-то глухо раздавались вправо и влѣво голоса сотенныхъ командировъ. Широко раздвинулась первая шеренга.

— Задняя шеренга въ лаву на триста шаговъ. Эшелономъ...

На перегибѣ показалась наша ополченская пѣхота. Она остановилась.

Шедшая за нами лава какъ бы вздрогнула.

— Наши... Наши это... Наши!.. — шорохомъ пронеслось по ней.

Мы показали на перегибѣ. Теперь весь очень пологій скатъ къ Днѣстру и Залещикамъ, ровный, чуть подернутый пылью, былъ виденъ, какъ на ладони. Онъ весь былъ покрытъ голубовато сѣрыми австрійцами. Секунда замѣшательства. Стало видно, какъ одни ложились, другіе бѣжали въ кучки, третьи бѣжали назадъ. Суматоха... И сейчасъ же бѣшенный огонь пулеметовъ и ружей стегнулъ намъ въ лицо желѣзнымъ бичомъ. Ему въ отвѣтъ было ура и стремительный карьеръ бѣлыхъ монголокъ.

Огонь внезапно стихъ. Такъ быстро, такъ неожиданно, какъ погасаетъ задутое пламя свѣчи.

Рѣдкіе по полю всадники. Толпы плѣнныхъ, окруженные отдѣльными Замурцами. И страшная послѣ грохота пушекъ, скрежета снарядовъ, пальбы ружей и пулеметовъ, свиста пуль тишина. Наши — до самаго Днѣстра. Много убитыхъ. Много бѣлыхъ пятенъ на зеленыхъ нивахъ убитыхъ монгольскихъ лошадей.

Генераль Черячукинъ ѣхалъ ко мнѣ оттуда, отъ мѣста свѣчи. Все еще блѣденъ, взволнованъ, но уже свѣтъ побѣды на его лицѣ.

— Ну... поздравляю... Прикажи трубить сборъ...

Заиграла труба въ тихомъ мерцаніи лѣтнихъ горячихъ сумерекъ.

Наши потери были очень велики. Изъ 12 офицеровъ совершенно цѣлы только 2. — Восемь ранено и два убито. 50%, то есть около 200 пограничниковъ, было ранено и пало смертью храбрыхъ, но болѣе 600 австрійцевъ было зарублено и поколото и 200 взято въ плѣнъ. Побѣда была полная. Наступленіе остановилось. Даже батареи были оттянуты. Положеніе спасено блестящей атакой генерала Черячукина съ его Замурцами...

Я благодарилъ еще возбужденныхъ боемъ и схваткой солдатъ.

Изъ рядовъ раздался голоса.

Они звучали какъ-то особенно... Довѣрительно... Дружески... Братски... Спаянные общимъ дѣломъ.

— Не благодарите насъ, ваше превосходительство. Мы не причемъ. Мы, какъ его увидали, какъ стеганули по намъ его пули, повернуть хотѣли. Да лошади наши такъ заучены, какъ увидѣли непріятеля — пошли въ карьеръ — не свернешь, не удержишь. Ну, тутъ: — коли, да руби!..

Скромность солдатская... Русская, застѣнчивая, сама себя боящаяся храбрость!

Такъ вотъ она — храбрость!!

Сколько разъ я мечталъ о конной атакѣ, о побѣдѣ, о георгіевскомъ крестѣ. Я получилъ его за это дѣло. Въ мечтахъ это было иначе. Это было сознательно. Были въ мечтахъ и мысли о смерти, о раненіи, но все было прикрито поэтической дымкой красоты подвига. Въ дѣйствительности подвигъ не ощущался. О смерти, о ранахъ некогда было думать: — были — забота, безпокойство, боязнь отвѣтственности, страхъ позора — этотъ страхъ былъ сильнѣе всего — сильнѣе страха смерти. Было знаніе — пониманіе, что изъ такой бѣды выручить можетъ только конница. А потомъ было возбужденіе на всю ночь, пока насъ не смѣнила пѣхота. Ночь была тихая — стонали раненые, которыхъ убирали. Ни одного выстрѣла, никакого шума... Потомъ наступила апатія.

Душа восприняла все, какъ выполненіе долга. Тѣло исполнило велѣнія духа почти безсознательно.

У солдатъ Заамурцевъ дѣло обстояло еще проще. Военская дисциплина и выучка заставили ихъ исполнять команды, а, когда стала передъ ними грознымъ блѣднымъ ликомъ смерть, когда велѣнія тѣла готовы были заглушить и дисциплину и выучку, помогли справиться съ собою монгольскіе кони, не сознающіе опасности, но приученные на маневрахъ скакать на огонь.

Ура! — Коли и руби!..

Но я знаю и не конченныя, повернувшія назадъ атаки, когда тѣло побѣдило духъ...

Быть можетъ, много послѣ, переживая происшедшее, люди еще думаютъ о подвигѣ и рисуютъ его тѣми чертами, какими создавали его раньше въ мечтахъ. Но въ самый моментъ его свершенія помыслы и заботы о другомъ.

Мнѣ рассказывалъ подполковникъ 10-го Уланскаго Одесскаго полка Поповъ, участникъ знаменитой атаки 10-ой кавалерійской дивизіи графа Келлера на 4-ю венгерскую дивизію, у деревни Волчковце, какъ послѣ атаки возбужденный побѣдою онъ подѣхалъ къ своему командиру полка.

...«Я нашель его стоящимъ на полѣ съ двумя трубами. Въ восторгѣ, упоенный всѣмъ пережитымъ я подскочилъ къ нему и, забывъ субординацію, молодо и весело воскликнулъ:

— «Побѣда! Какая красота, какой восторгъ, господинъ полковникъ!»

«Онъ посмотрѣлъ на меня черезъ пенсне равнодушнымъ взглядомъ усталаго толстяка и протянулъ чуть въ носъ:

— «Вы находите? Что хорош-эго? Хаосъ, хаосъ! Одинъ хаосъ! Никакого порядка, никакого равенія! Все въ безпорядкѣ... Хаосъ!...

Неподалеку отъ насъ на зеленомъ осеннемъ клеверѣ лежалъ, раскинувшись, убитый венгерскій гусарь.

Его красивое выразительное лицо брюнета съ тонкими усами и черными изящно изогнутыми бровями было спокойно. Онъ будто спалъ на этой травѣ, картинно разметавшись руками и ногами. Синій ментикъ отлетѣлъ въ сторону, и синій доломанъ съ черными шнурами охватывалъ тонкую талію уже бездыханнаго тѣла. Онъ умеръ смертью храбрыхъ и покой на его лицѣ говорилъ о счастьи его души въ той новой жизни, куда онъ попалъ героемъ.

— «Посмотрите, господинъ полковникъ, — скажаль я, — какъ красивъ этотъ убитый. Съ него можно картину писать.»

— «Ну что хорошэго, — мертвецъ, какъ мертвецъ. Тяжело смотрѣть. Ничего красиваго. Хаосъ... Что

то графъ скажетъ! Эскадроны совѣмъ не равнялись въ атакѣ»...

Но графъ Келлеръ былъ доволенъ и всѣхъ благодарилъ...

Такъ по разному переживали впечатлѣнія только что совершеннаго подвига, храбрости, проявленной передъ свѣтомъ, молодой горячій офицеръ и пожилой командиръ полка, полный заботъ и страха ответственности передъ грознымъ графомъ Келлеромъ.

V.

УЖАСЫ ВОЙНЫ.

Война полна ужасовъ, отъ которыхъ стынетъ кровь и холодѣетъ мозгъ. Послѣ каждой войны ея участники говорятъ: — нѣтъ, того, что мы пережили, уже не въ силахъ будутъ пережить наши сыновья и внуки. Лермонтовъ, описывая Бородинское сраженіе, говорить:

... «Вамъ не видать такихъ сраженій,
Носилась знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ»...

Увы — сыновьямъ и внукамъ достаются ужасы еще большіе, ужасы неслыханные... Въ эту войну есть и страшные, какъ выходцы съ того свѣта «gueules cassées» — «разбитыя морды» — люди съ разбитыми снарядами и прикладами лицами, изуродованные до неузнаваемости, такіе, какіе ужасали въ прошлыя войны рукопашныхъ схватокъ, и есть отравленные газами.

Въ грядущей войнѣ нашихъ дѣтей ожидаютъ еще большіе ужасы. Въ прошлую войну мы только пробовали газы, только начинали воздушное единоборство, эту страшную дуэль, гдѣ нѣтъ раненій, а есть только смерть часто для обоихъ противниковъ. Въ грядущей войнѣ насъ ждетъ много новаго, ибо мысль человѣка,

гонимая чувством самосохраненія, заставляетъ изобрѣтать все новыя и новыя средства истребленія.

Противъ первобытнаго человѣка, вооруженнаго только кулаками, да зубами, вооружаются дубиною, палицею, ослиною челюстью, на человѣка съ дубиной идутъ съ пращою и камнемъ, изобрѣтають лукъ и стрѣлы, мечи и сабли, арбалеты, метательныя машины, ружья, пушки... И такъ до аэропланнхъ бомбъ, удушливыхъ газовъ и фіолетовыхъ лучей, — все для того, чтобы убрать отъ себя подальше противника.

Война становится все ужаснѣе. Точно въ насмѣшку надъ человѣкомъ, она требуетъ именно ег о участія въ бою, непосредственнаго, личнаго, и какъ бы ни сильна была военная техника, какъ бы ни умѣли войска наступать огнемъ, — люди должны быть воспитаны такъ, чтобы они были готовы къ рукопашному бою.

...«Въ эпоху Суворова, когда бои рѣшались исключительно шокомъ холоднаго оружія», — пишетъ генералъ Головинъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ «Мысли объ устройствѣ будущей Россійской вооруженной силы», — «подготовка нашего отличнаго матерьяла была очень проста: она ограничивалась обученіемъ колоть штыкомъ, пикой, рубить саблей. Нынѣ условія усложнились. Несомнѣнно, что подобное обученіе имѣетъ педагогическое значеніе, чтобы заставить бойца не бояться послѣдняго момента сближенія — рукопашной схватки».

То, что открывается за завѣсою боя, смущаетъ человѣческой духъ и нужно что-то необычайно высокое для того, чтобы человѣческая душа превозмогла страхъ передъ тѣмъ, что представится ея тѣлеснымъ очамъ.

Вотъ какъ описываетъ штабсъ-капитанъ Поповъ результаты артиллерійскаго огня нѣмцевъ 4-го іюля 1915 года у фольварка Заборце:

...«Къ 4-5-ти часамъ дня нѣмецкій артиллерійскій огонь началъ ослабѣвать. Я подошелъ къ командиру 2-го батальона, подполковнику Пильбергу, и мы съ

нимъ пошли въ окопы ротъ 3-го батальона ознакомиться съ разрушеніями и потерями.

«Картина, представившаяся намъ, была невиданно ужасна и леденила кровь. Въ окопахъ сидѣли уцѣлѣвшіе гранадеры. Всѣ они казались ненормальными. На вопросы или совѣтъ не отвѣчали, или отвѣчали невпопадъ. Козырьки частью были пробиты, частью обрушены, мѣстами былъ совѣтъ снесенъ брустверь и для того, чтобы пройти къ окопу, нужно было на минуту показаться совершенно на открытомъ мѣстѣ. Изъ-подъ обломковъ укрытій и обваливавшейся земли торчали руки, ноги, стѣны окоповъ залиты сплошь кровью и устѣяны милліонами собравшихся Богъ вѣсть откуда мухъ. Вотъ лежитъ гранадеръ, буквально изрѣшетенный безчисленнымъ количествомъ попавшихъ въ него пуль, но онъ еще живъ, а вынести его нельзя, — ходы сообщенія засыпаны. Поодаль лежитъ трупъ гранадера безъ головы. Выходитъ подпоручикъ Аборинъ, въ рукахъ у него дистанціонная трубка тяжелой нѣмецкой шрапнели, еще теплая. «Вотъ», говоритъ онъ, «пробила дверь моего блиндажа и чуть меня не убила». Состояніе духа у всѣхъ подавленное*»).

Переживанія бойцовъ въ гражданскую войну были еще болѣе ужасными. Нѣкій поручикъ подъ Майкопомъ рассказывалъ: — «Я три года провелъ на той, большой войнѣ и чувствовалъ себя все таки человѣкомъ. По крайней мѣрѣ ни разу не забылъ, что я человѣкъ. А тутъ забылъ... Иногда колешь штыкомъ, на минуту остановишься и задумаешься: человѣкъ я или звѣрюга? Образъ человѣческой теряемъ... Не судите насъ... На большой войнѣ мы штыковыя схватки наперечетъ помнимъ. Одна, двѣ, три и достаточно... Годы о нихъ рассказывать. Только и помнимъ ихъ, а остальное на той войнѣ было такое сѣрое, обыкновенное: сидимъ и пострѣливаемъ; убиваемъ или нѣтъ, — не знаемъ, не видимъ. А знаете, что здѣсь происходитъ? Здѣсь адъ. Здѣсь то, стъ чего можно умереть,

*) К. Поповъ. Воспоминанія кавказскаго гранадера. Страницы 142 и 143.

увидѣвши разъ. Мы не умираемъ, потому что привыкли и совершенно убили въ себѣ человѣка. Мы пять мѣсяцевъ подъ рядъ, ежедневно, ежечасно, идемъ штыковымъ боемъ. Только штыковымъ, ничего другого. Понимаете, — пять мѣсяцевъ видѣть, ежедневно, а то и два, три раза въ день, врага въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя стрѣляющимъ въ упоръ, самому въ припадкѣ изступленія закалывать нѣсколько человѣкъ, видѣть разорванные животы, развороченныя кишки, головы, отдѣленные отъ туловищъ, слышать предсмертные крики и стоны... Это непередаваемо, но это, поймите, такъ ужасно. А между тѣмъ, все это стало для насъ обыкновеннымъ. Я въ водѣ вижу постоянно кровь и все таки пью. Иду и замѣчаю, что пахнетъ кровью, или трупомъ, а мнѣ все равно. Когда я почувствую на своей груди штыкъ, я не испугаюсь. Это такъ для меня обычно. Я даже знаю, какія боли отъ штыка. Иногда, когда безумно устанешь, мыслей въ головѣ нѣтъ, а нервы дрожать, какъ струны, безумно хочется этого штыка или пули. Все равно вѣдь рано-ли, поздно-ли... Развѣ можно уцѣлѣть въ этой войнѣ?..»*)

Какое же средство помочь человѣку превозмочь всѣ эти ужасы войны и заставить его черезъ нихъ и, не взирая на нихъ, идти къ побѣдѣ?

Научить человѣка побѣдить смерть — самое лучшее средство сдѣлать его равнодушнымъ къ страху. Ибо выше всего именно страхъ смерти, страхъ неизвѣстности по ту сторону бытія. Человѣкъ цѣпляется за жизнь, потому что онъ не знаетъ смерти. Всего неизвѣстнаго человѣкъ боится. Но, если человѣкъ увѣруетъ въ то, что его мыслящее и чувствующее «я» со смертью не погибнетъ, — будетъ ли это загробная «жизнь безконечная» христіанства или Магометовъ рай, или Буддистское перевоплощеніе души въ новое существо для новой жизни, — все равно эта вѣра поддержитъ духъ въ минуты смертельной опасности и дастъ мужество смѣло умереть. Тогда чего же бояться на войнѣ, если я не боюсь смерти? Ранъ, увѣчья?

*) П. Калининъ. «Русская Вандея». Стр. 167—168.

Но все это преходящее, за всѣмъ этимъ не смерть, но новая жизнь.

Жизнь!.. Этимъ все сказано.

Такая вѣра даетъ утѣшеніе при видѣ гибели близкихъ, боевыхъ товарищей, тѣхъ, съ кѣмъ жилъ и служилъ и кого полюбилъ больше родныхъ.

Въ этомъ громадное значеніе всякаго религіознаго воспитанія и въ этомъ ужасное, разлагающее государство и его армію влияние атеизма и равнодушія къ религіи...

VI.

ПОДДЕРЖИВАЮЩАЯ И МОРАЛИЗИРУЮЩАЯ РОЛЬ РЕЛИГИИ.

Государство, которое отказывается отъ религіи и отъ воспитанія своей молодежи въ вѣрѣ въ Бога, готовитъ себѣ гибель въ матеріализмѣ и эгоизмѣ. Оно будетъ имѣть трусливыхъ солдатъ и нерѣшительныхъ начальниковъ. Въ день великой борьбы за свое существованіе оно будетъ побѣждено людьми, сознательно идущими на смерть, вѣрующими въ Бога и безсмертіе своей души.

Французское правительство отказалось отъ религіи. При министерствѣ Комба, сорокъ лѣтъ тому назадъ, оно по рѣзкому выраженію французовъ «выгнало Бога изъ Франціи». Но вѣра въ Бога осталась въ обществѣ. Богъ продолжалъ жить въ душахъ французовъ, и въ дни войны Франція точно проснулась отъ страшнаго, кошмарнаго сна невѣрія. Храмы наполнились молящимися, и кюрэ и аббаты, призванные въ армію рядовыми бойцами, молились вмѣстѣ съ ротами Богу, не признаваемому государствомъ, по почитаемому народомъ. Франція побѣдила. Побѣдитъ-ли она еще разъ, если ей удастся окончательно «выгнать Бога» и изъ народныхъ сердецъ?

Магометанскій фанатизмъ много способствовалъ успѣху завоеваній арабовъ. Магометанинъ чтитъ вѣч-

наго Бога смѣлѣе и откровеннѣе христіанина и въ бою онъ равнодушенъ къ смерти.

Въ 1915-мъ году я командовалъ 3-й бригадой Кавказской Туземной дивизіи, состоящей изъ магометанъ: — черкесовъ и ингушей.

Въ маѣ мы перешли черезъ р. Днѣстръ у Залещиковъ и направлялись къ р. Пруту. Утромъ мы вошли въ селеніе Серафинце. Впереди непріятель. Дальше движеніе съ огнемъ и боемъ. Я вызвалъ командировъ полковъ и далъ имъ боевую задачу. Старшій изъ нихъ, командиръ Ингускаго коннаго полка полковникъ Мерчуле, мой товарищъ по Офицерской Кавалерійской школѣ, сказалъ мнѣ:

— Разрѣши людямъ помолиться передъ боемъ.

— Непремѣнно.

На сельской площади полки стали въ резервныхъ колоннахъ. Передъ строй выѣхали полковые муллы. Они были одѣты такъ же, какъ и всадники: — въ черкесахъ и папахахъ.

Стали «смирно». Наступила благоговѣйная тишина. Потомъ раздались слова муллы. Бормотаніе строя. Опять сосредоточенная тишина. Сидѣли на коняхъ въ шапкахъ съ молитвенно сложенными руками. Заключительное слово муллы. Еще мгновеніе тишины.

Муллы подѣхали ко мнѣ.

— Можно вести! Люди готовы...

Люди были готовы на смерть и раны. Готовы на воинскій подвигъ.

Они его совершили, проведя двѣ недѣли въ непрерывныхъ бояхъ до Прута и за Прутъ и обратно въ грозномъ отходѣ за Днѣстръ къ Залещикамъ, Дзвинячу и Жезавѣ.

Сколько разъ приходилось мнѣ наблюдать, какъ Русскіе солдаты и казаки, получивъ приказаніе идти въ бой, особенно въ послѣдній эпизодъ его — атаку, снимали фуражки и крестились.

Кто былъ на войнѣ, тотъ знаетъ эту короткую, безсвязную, нѣмую молитву — «Господи помилуй», что гвоздитъ въ мозгу, когда уши оглохли отъ грохота лопающихся тяжелыхъ снарядовъ, отъ рвущихся шрап-

нелей, когда все безформенно, дико и такъ непохоже на жизнь и на землю. Кто не шепталъ эти два такихъ простыхъ и такихъ великихъ слова, что лучше ихъ ничего никогда не придумаешь, кто не имѣлъ ихъ въ своей, тогда пустой отъ другихъ мыслей головѣ?

Въ старой, православной, великой Россіи вѣра отцовъ трогательно говорила намъ о безсмертіи души, о ея жизни безконечной у Бога, тамъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали, ни воздыханія. Она говорила о Страшномъ Судѣ Господнемъ, о возмездіи, пускай даже о новыхъ мукахъ, которыя ожидаютъ насъ, но она всей полнотой своей говорила не о смерти, но о воскресеніи изъ мертвыхъ, о жизни. «Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь»—твердо заканчивается христіанскій Символь вѣры. Эта вѣра говорила воинамъ, что ихъ тамъ ожидаетъ «райскій вѣнецъ», свѣтъ несказанный, заступятся за нихъ тамъ святые угодники Русскіе — св. Николай Чудотворецъ, св. Сергій Радонежскій, св. Александръ Невскій, св. Митрополиты Московскіе Петръ, Іона и Филиппъ, св. Серафимъ Саровскій, радостнымъ сонмомъ выйдутъ на встрѣчу убиенному «за вѣру, царя и отечество» всѣ святые и сама Божія Матерь пречистыми руками своими возьметъ его за руки и поведетъ къ самому Господу Христу.

Не потому ли такъ благостно спокойны были лица убитыхъ? Не находила ли ихъ душа тамъ то высшее, что заставило забыть страхъ и муки тѣла?

Воинъ Христовъ не боится смерти. «Онъ чаеъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка». Онъ прозрѣваетъ дивную красоту этой вѣчной жизни, передъ которою такъ ничтожна жизнь земная.

Въ Евангеліи Господа Нашего Иисуса Христа, у трехъ евангелистовъ, Матѳея, Марка и Луки есть какъ бы намекъ о томъ, какія переживанія, какія встрѣчи ожидаютъ человѣка по ту сторону жизни. Въ главѣ 17-ой евангелія отъ Матѳея говорится:

— «По прошествіи дней шести, взялъ Иисусъ Петра, Іакова и Іоанна, брата его, и возвелъ ихъ на гору высокую однихъ, и преобразился предъ ними: и просіяло

лицо Его, какъ солнце, одежды же его сдѣлались бѣлыми, какъ свѣтъ. И вотъ, явились имъ Моисей и Илія, съ Нимъ бесѣдующіе. При семъ Петръ сказалъ Иисусу: Господи! Хорошо намъ здѣсь быть; если хочешь, сдѣлаемъ здѣсь три кущи! Тебѣ одну, и Моисею одну, и одну Иліи...» *).

«Господи! Хорошо намъ здѣсь быть!», — вотъ, что такое по понятію вѣрующаго, истиннаго христіанина загробная жизнь.

Вѣрующій — фаталистъ. Онъ вѣруетъ въ Промыслъ Божій, въ предопредѣленность судьбы своей и въ Божіе милосердіе. Кто не повторялъ въ часы боя, въ минуты трепетнаго волненія ожиданія смерти великолѣпный 90-й псаломъ Давидовъ?

«Живей въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога Небеснаго водворится, речеть Господеви: Заступникъ мой еси и приближище мое, Богъ мой и уповаю на Него. Яко Той избавитъ тя отъ сѣти ловчи и отъ словесе мятежна: плещма Своима осѣнитъ тя и подѣ крилѣ Его надѣшися: оружіемъ обыдетъ тя истина Его... Падетъ отъ страны твоя тысяща, и тѣма одесную тебѣ, къ тебѣ же не приблизится... Ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ. На рукахъ возьмутъ тя, да не когда протекнеши о камень ногу твою. На аспида и василиска наступиши, и попреша льва и змія»...

Великій полководецъ нашъ, Александръ Васильевичъ Суворовъ, начавшій обученіе свое псалтыремъ и часословомъ, не разставался въ походахъ съ священнымъ писаніемъ. 90-й псаломъ былъ его любимѣйшимъ псалмомъ и, когда хоронили Суворова, — пѣвчіе пѣли этотъ псаломъ въ неподобной музыкѣ Бортиянскаго.

Въ 1916 году, 29-го мая, я съ командуемой мною 2-ой Казачьей Сводной дивизіей и Верхне-Днѣпровскимъ полкомъ ночью атакою бралъ венгерскую позицію у Вульки-Галузійской. Потери были огромныя. На разсвѣтѣ, возвращаясь съ занятой нами передовой

*) Ев. Отъ Матѳея, Глава 17 ст. 1—4.

позиціи, я поднимался по песчаной, лѣсной дорогѣ. Вдоль нея лежали снесенные съ поля сраженія раненые. Я подошелъ къ одному изъ нихъ. Весь животъ его былъ развороченъ тяжелымъ осколкомъ. Свѣтлые глаза были устремлены къ блѣдному разсвѣтному небу. И я увидѣлъ, какъ его правая рука сложилась для крестнаго знаменія, потянулась ко лбу, да такъ и замерла на поль-дорогѣ. Онъ умеръ.

На лицѣ его, спокойномъ и тихомъ, я какъ бы прочелъ:

— Господи! Хорошо намъ здѣсь быть!

Очевидецъ, видѣвшій поле, усыпанное трупами солдатъ Л. Гв. Павловскаго полка послѣ атаки, веденной полкомъ, рассказываетъ, что у всѣхъ покойниковъ правыя руки были съ пальцами, сложенными для крестнаго знаменія.

Въ помощь религій идетъ убѣжденіе въ неизбежности смерти. «Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать». Въ книгѣ для ротнаго чтенія «стараго ротнаго командира», по которой мы учили читать нашихъ солдатъ и изъ которой дѣлали диктовку, есть такой рассказъ. Онъ всегда производилъ сильнѣйшее впечатлѣніе на солдатъ.

Нѣкто, бесѣдуя съ матросомъ и солдатомъ, спросилъ матроса: — гдѣ умеръ его отецъ? — «На морѣ», — отвѣчала матросъ. — Онъ тоже былъ морякомъ. — А дѣдъ? — И дѣдъ былъ матросомъ и умеръ на морѣ. — Тогда нѣкто обратился къ солдату и спросилъ его: — гдѣ умеръ его отецъ? — Погибъ въ честномъ бою, — отвѣчалъ солдатъ. — А дѣдъ? — И дѣдъ сподобился умереть тою же славною смертію. Нѣкто сказалъ имъ: — какъ же вы не боитесь ходить въ море и на войну, гдѣ погибли ваши отцы и ваши дѣды? — Тогда въ свою очередь матросъ спросилъ собесѣдника: — А гдѣ умеръ твой отецъ? — Въ постели, — отвѣчалъ тотъ. — А дѣдъ? — И дѣдъ и прадѣдъ и всѣ мои умерли въ постели. — Какъ же не боишься ты ложиться въ постель, гдѣ умерли всѣ твои предки?, — сказала тогда матросъ.

Этотъ простой, но глубокой по смыслу разсказъ часто вспоминался мнѣ въ часы смертельной опасности. Смерть все равно придетъ однажды и никто не знаетъ, какая смерть лучше: — въ бою отъ пули или меча, или въ постели отъ болѣзни.

Могучимъ помощникомъ религіи въ дѣлѣ преодоленія страха смерти является любовь къ Родинѣ — патріотизмъ. Такимъ патріотизмомъ горѣли войска Наполеона, такимъ патріотизмомъ въ пылу боя умѣлъ зажигать свои войска безсмертный Суворовъ.

— Съ нами Богъ и Екатерина! Кого изъ насъ убьютъ — царство небесное, живымъ — слава! слава! слава! Родство и свойство мое съ долгомъ моимъ: — Богъ, Государыня, Отечество! Горжусь, что я Русскій!.. — Молись Богу: отъ Него побѣда. Пресвятая Богородице спаси насъ, Святителю Отче Николае чудотворче, моли Бога о насъ. Безъ сей молитвы оружія не обнажай, ружья не заряжай, ничего не начинай. Все начинай съ благословенія Божія и до издыханія будь вѣренъ Государю и отечеству».

VII.

МЕХАНИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА ВОЗДѢЙСТВІЯ НА ДУШУ ЧЕЛОВѢКА.

Тѣмъ, которые слабы духомъ, должно придти на помощь Государство. Оно должно очистить душу солдата, готовящуюся предстать передъ Господомъ, отъ земныхъ заботъ.

Скорая и вѣрная помощь осиротѣвшей семьѣ солдата пенсіей и заботами общества и правительствъ, внимательное отношеніе къ тѣлу убитаго, торжественныя похороны въ гробахъ съ постановкою памятника, почитаніе памяти не неизвѣстнаго солдата, а именно такого-то, за отечество животь свой положившаго, такой-то роты, такого-то полка, такой-то деревни, волости, губерніи — примиряють съ мыслью о смерти, облегчаютъ подвигъ.

Кромѣ страха смерти въ бою, есть еще страхъ раненія. Стоитъ прислушаться въ бою къ пулямъ — и уже закрался страхъ. Уже провожаешь каждую пулю тревожною мыслью: — «Эта въ животъ... Эта въ ногу... Ой, какъ будетъ больно...» И уже обмякаетъ тѣло, а страхъ холодными струйками бѣжитъ по кожѣ.

Долгъ начальника и въ этомъ случаѣ придти на помощь солдату. Прежде всего нужно занять солдата въ бою. Сдѣлать такъ, чтобы у солдата пропала мысль объ опасности боя. Далѣе въ разговорахъ о войнѣ съ молодымъ солдатомъ надо помочь ему своимъ опытомъ. Внушить солдату, что переносимой боли не бываетъ. Что, какъ только боль становится нестерпимой, — является спасительное забытье. Объяснить, что зубная боль (а кто ее не испыталъ) — гораздо больнѣе, чѣмъ боль при раненіи. Разказать солдату, что та пуля, которая чмокнула въ землю или просвистала надъ ухомъ, тотъ снарядъ, который разорвался, уже не ранятъ. Они далеко. Имъ кланяться нечего. Снарядъ, который ранитъ, пуля, которая ударитъ — ихъ не услышишь. Разказать ощущенія раненія. Я былъ раненъ — какая боль? Ну, — точно внезапно палкой ударило — и все... Совсѣмъ не страшно. Объяснить солдату, что для того, чтобы его ранить или убить, надо потратить столько евинца, сколько вѣситъ его тѣло. Вездѣ, на стрѣльбищѣ, на ученіи показывать, какъ даже въ спокойномъ состояніи духа много пуль летитъ даромъ. А главное: — образцово организовать санитарную службу, чтобы раненый солдатъ зналъ, что онъ никогда не будетъ брошенъ и что есть люди, которымъ вмѣнено въ специальную обязанность помочь ему при раненіи, вынести его изъ боя и вылѣчить. Объ инвалидахъ позаботится государство — быть инвалидомъ почетно. Инвалидъ не въ тягость обществу, а въ славное напоминаніе подвига.

Солдата страшитъ въ бою неизвѣстность. Тутъ его смятенной душѣ должно придти на помощь мудрое Суворовское правило. — «всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ». Широкое освѣдомленіе солда-

та о томъ, что передъ нимъ и что по сторонамъ, хорошо поставленная служба охраненія и развѣдки — развѣдка агентурная, идущая навстрѣчу воздушной, воздушная, сообщающая добытыя свѣдѣнія конной, и конная, освѣщающая каждый кустъ, каждую складку мѣстности пѣшей развѣдкѣ, — все это даетъ ту увѣренность, которая прогонитъ страхъ передъ непріателемъ.

Забота о вооруженіи и снаряженіи солдата, о томъ, чтобы онъ вѣрилъ въ свое оружіе, зналъ, что непріатель ни въ чемъ его не превосходитъ, ничѣмъ его не можетъ огорошить, что на газы у него есть противогазъ, на свѣтовые лучи есть очки, отъ самолетовъ спастись свои боевые самолеты. Лопата охранитъ отъ артиллерійскаго и ружейнаго огня. Свои батареи дадутъ ему возможность дойти до штыка, а штыкомъ онъ такъ владѣетъ, что врагу не устоять. Сознаніе всего этого поможетъ солдату справиться съ собою и стать храбрымъ — Суворовскимъ «чудо-богатыремъ».

Вѣра въ превосходство своего вооруженія и своего обученія и еще того болѣе вѣра въ знанія, опытъ и удачливость (счастье) своего вождя-начальника есть великій моральный залогъ успѣха. Не совокупность ли этихъ трехъ вѣрованій дала 10-й кавалерійской дивизіи такой блестящій успѣхъ въ ея конной атакѣ у деревни Волчковце? Она сидѣла на прекрасныхъ лошадяхъ. Каждый ея солдатъ зналъ, что онъ обученъ колоть и рубить въ совершенствѣ. У нея были пики, которыхъ у противника не было. Полки вѣрили въ знанія и удачливость своего начальника графа Келлера? *).

Не вѣра-ли въ прекрасныя знанія и неподобныя качества своей артиллеріи — 35-й и 37-й артиллерійскихъ бригадъ, руководимыхъ генераломъ Гобято, сдѣлали то, что наша 35-ая дивизія такъ спокойно, можно сказать, весело, взяла сильно укрѣпленную позицію австрійцевъ на р. Нидѣ у посада Новаго Корчина въ декабрь 1914-го года?

*) Проф. П. И. Головинъ. Кавалерійское сраженіе у д. Волчковце.

Не громадная ли вѣра въ Верховнаго Главкома-
дующаго Великаго Князя Николая Николаевича двига-
ла наши войска отъ неудачъ Сольдау къ великой Вар-
шавской побѣдѣ и славной Галиційской битвѣ, гдѣ,
шутя, былъ взятъ оплотъ Австро-Венгерской имперіи
— Львовъ, Сенява и Перемышль?

И обратно; — не фатальная ли неудачливость импе-
ратора Николая II (Ходынская катастрофа въ день
коронаціи, Японская война, темные слухи, пускаемые
злонамѣренными людьми), пошатнула духъ арміи, ког-
да Государь Императоръ взялъ на себя командование
въ 1915-мъ году?

Государство и военное начальство должны много ду-
мать и многое взвѣшивать, никогда не забывая о душѣ
солдата.

На психику войскъ дѣйствуютъ ночь и непогода.
Ученіями и маневрами въ мирное время, по ночамъ и
не смотря ни на какую погоду, надо закалить тѣло и
душу солдата. Хорошая одежда, непромокаемое
платье, кожанья куртки, полушубки, горячая пища,
возможность обсушиться, ночная сигнализациа, прожек-
торъ, свѣтящія гранаты, — все это поможетъ солдату
не сдавать ни въ ночь, ни въ непогоду.

Такъ тѣсно связаны вопросы матеріальные, вопро-
сы знанія, военной науки, техники съ вопросами пси-
хологін, что ихъ не всегда можно отдѣлнить одни отъ
другихъ.

На войнѣ больше, чѣмъ въ казармѣ, солдата одолѣ-
ваетъ тоска по дому, по семьѣ. Группировка въ ротахъ
солдатъ односельчанъ, хотя-бы одной губерніи, а глав-
ное хорошо налаженная почта, письма и посылки изъ
дома, письма домой — помогутъ разогнать эту тоску.
И тутъ встаетъ сложный вопросъ здороваго воспита-
нія общества, ибо письма изъ дома должны быть
ободряющими, а не разлагающими.

Когда боевая обстановка позволяетъ — отпустить до-
мой, — на побывку, но никогда не разрѣшеніе женамъ и
вообще женщинамъ быть на фронтѣ. Женщины-добро-
вольцы, подобные легендарной кавалеристу-дѣвицѣ
Дуровой времянь Отечественной войны и Захарченко-

Шульць временъ Великой войны,—исключеніе. Правило-же: — женщина на фронтѣ вызываетъ зависть, ревность кругомъ, а у своихъ близкихъ усиленный страхъ не только за себя, ибо при ней и цѣнность своей жизни стала дороже, но и за неё.

Вдумчивое отношеніе, какъ одѣтъ солдата, и какъ его приодѣтъ тоже поможетъ сдѣлать солдата болѣе гордымъ своею частью и болѣе храбрымъ. Въ старину въ генеральное сраженіе шли въ орденахъ и эполетахъ, въ шапкахъ съ султанами, надѣвали чистое бѣлье — теперь, конечно, нуженъ защитный цвѣтъ. Но не слѣдуетъ забывать, что и при защитномъ цвѣтѣ чистое бѣлье не вредитъ, и что и въ защитномъ цвѣтѣ должны какъ-то сохраниться «разныя отлички — выпушки, погончики, петлички», которыя не понижаютъ солдата до кругомъ одинаковаго пушечнаго мяса, до «сѣрой скотинки», но даютъ ему свое лицо, говорятъ ему о его прошломъ, которымъ онъ можетъ гордиться, напоминаютъ ему отцовъ и дѣдовъ.

Все это входитъ въ ту громадную, неписанную науку, создаваемую самою жизнью солдата и составляющую сущность: —

— воинскаго воспитанія и обученія.

VIII.

ТОЛПА. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТОЛПА.

Человѣкъ шелъ по мосту черезъ рѣку, остановился, плюнулъ въ воду и смотритъ. Къ нему подошелъ другой, третій... Образовалась толпа.

На улицѣ продавецъ выхваляетъ новозобрѣтенныя запонки. Кругомъ стоитъ толпа народа, слушаетъ его и смотритъ на него.

Подъ словомъ «толпа» разумѣютъ собраніе личностей, какова бы ни была ихъ національность, профессія, полъ и каковы бы ни были причины ихъ собранія.

Толпа у театра, толпа на скачкахъ, толпа на вокзалѣ — это все будетъ толпа, но она получитъ совѣмъ

новое психологическое значеніе тогда, когда станетъ подчиняться особымъ законамъ. До этого — будетъ, такъ сказать, механическая толпа, простая людская пыль. Люди стоятъ вмѣстѣ, но ихъ души, ихъ мысли, ихъ чувства не сліяны. Каждый живетъ своими думами, своими заботами и толпа не одна. Постояла и разошлась.

Генераль Головинъ въ своемъ «Исслѣдованіи боя» пишетъ: — «всякое собраніе, будь оно импровизированное (случайное), или заранее организованное, можетъ обратиться въ психологическую толпу. Изыскивать средства для невозможности образованія психологической толпы бесполезно, потому что толпа можетъ образоваться вездѣ, необходимы только извѣстныя условія.

«Изученіе этихъ условій составляетъ важнѣйшую задачу коллективной психологін, которая еще мало разработана.

«Попробуемъ посылно установить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, природу этихъ условій.

«Во первыхъ, все, что уменьшаетъ разсудочныя и волевыя способности человѣка, вполнѣ понятно, является благопріятными условіями для объединенія индивидуумовъ въ толпу. Сознательная личность индивида исчезаетъ, исчезаетъ вмѣстѣ съ этимъ и его индивидуальность. Значеніе чувствъ увеличивается, а послѣднія и составляютъ спайку индивидовъ толпы.

«Во вторыхъ, все, что односторонне ориентируетъ мысли, въ особенности же чувства. Благодаря этому получается объединеніе, которое и составляетъ характерную черту психологической толпы.

«Въ третьихъ, все, что вліяетъ на усиленіе воспримчивости человѣка къ внушенію, такъ какъ внушеніе есть тотъ факторъ, который обуславливаетъ соединеніе людей въ толпу...» *).

«Въ такой психологической толпѣ «сознательная личность» теряется», — пишетъ далѣе генераль Головинъ, — «моральныя и умственныя особенности индиви-

*) Н. Н. Головинъ. «Исслѣдованіе боя», стр. 120—121.

дуума исчезаютъ, и онъ становится зависящей частицей одного цѣлаго — одухотворенной толпы» *).

«Есть двѣ стороны жизни въ каждомъ человѣкѣ», пишетъ гр. Л. Н. Толстой, — «жизнь личная, которая тѣмъ болѣе свободна, чѣмъ отвлеченнѣе ея интересы, и жизнь стихійная, роевая, гдѣ человѣкъ неизбѣжно исполняетъ предписанные ему законы» **).

По мѣрѣ образованія изъ толпы механической толпы психологической, личности, образующія толпу, теряютъ сначала разумъ, способность правильно разсуждать, потомъ теряютъ волю и отдаются исключительно чувству. Съ этого момента толпа становится воспріимчива ко внушенію, становится въ высшей степени подражательной, легковѣрной и импульсивной, т. е. возбудимой. Отъ словъ, она быстро переходитъ къ дѣлу, идетъ, бѣжитъ, кричитъ, и такъ же быстро утихаетъ, чтобы воспламениться снова. Она подобна сухимъ листьямъ, взметаемымъ вихремъ. Они летятъ, крутятся, падаютъ и снова вздымаются вѣтромъ.

Личность въ толпѣ стирается, исчезаетъ. Людью владѣютъ не разумъ и воля, которые различны у разныхъ людей, но чувства, инстинкты и страсти, а чувства, инстинкты и страсти у всѣхъ людей одинаковы.

Густавъ Лебонъ говоритъ, что между великимъ математикомъ и его сапожникомъ можетъ существовать цѣлая бездна съ умственной точки зрѣнія, но съ точки зрѣнія характера разница эта часто оказывается нулевой и ничтожной.

Максъ Нордау пишетъ: — «соедините 20 или 30 Гёте, Кантовъ, Шекспировъ, Ньютоновъ и предложите ихъ рѣшенію или сужденію практическіе вопросы минуты. Разсужденія ихъ, можетъ быть, будутъ различны отъ сужденій обыкновеннаго собранія, но, что касается выводовъ, они ни въ чемъ не будутъ отличаться отъ выводовъ обыкновеннаго собранія»...

*) П. П. Головинъ. «Исслѣдованіе боя», стр. 113.

***) Гр. Л. Н. Толстой. «Война и Миръ». Изд. Ладыжнкова. Томъ III, стр. 9.

Русскій народный разумъ еще ярче выразилъ ту же мысль въ поговоркѣ: — «мужикъ уменъ, да мѣръ дуракъ».

Въ толпѣ личность стирается. Ея поступки становятся подобны поступкамъ пьянаго. А пьяные профессора, ученые, офицеры такъ же способны бить зеркала въ ресторанахъ и дебоширить, какъ загулявшіе купчики и мастеровые.

Толпа — дикарь, или, еще скорѣе, толпа — дитя. Она переменчивая, жестокая и наивная, какъ дитя.

Образованію изъ толпы обыкновенной — толпы психологической способствуетъ все, что вліяетъ на усиленіе воспримчивости человѣка ко внушенію.

Религіозное чувство людей, собравшихся на общее моленіе, усиленное пѣніемъ, колокольнымъ звономъ, одинаковымъ настроеніемъ, создаетъ атмосферу, гдѣ единая личность теряется и является одухотворенная толпа, которою владѣетъ единое общее чувство. Эта толпа можетъ дойти до экстаза, до галлюцинацій. Эту толпу можно одинаково бросить и на подвигъ, и на преступленіе. Въ дни объявленія великой войны въ іюлѣ 1914-го года громадныя толпы народа, узнавъ, что Государь прѣхалъ въ Петербургъ, двинулись со всѣхъ сторонъ, не сговариваясь, съ крестными ходами, съ хоругвями и иконами, съ пѣніемъ гимна и «Спаси Господи люди твоя» къ Зимнему Дворцу. Въ этой толпѣ смѣшались люди всѣхъ сословій, состояній, вѣрованій и убѣжденій. Они объединились въ одномъ чувствѣ и создали психологическую толпу. Люди дошли до экстаза. Многіе становились на колѣни на камняхъ площади, клялись въ вѣрности Государю. Эта толпа немного спустя взметнулась, какъ листья въ порывѣ вѣтра, и кинулась громить зданіе германскаго посольства и стягивать тяжелыя каменныя фигуры съ его крыши. Она упивалась своею мощью и она была наивна и жестока, какъ дитя.

И та же толпа, ибо это были тѣ же Петербуржцы, три года спустя, бушевала подъ красными знаменами, требуя отреченія того самаго Государя, передъ кото-

рымъ она стояла на колѣняхъ на камняхъ Дворцовой площади.

Торжественныя патріотическія манифестаціи, парады, ожиданіе Государя способствуютъ образованію психологической толпы. Человѣкъ въ толпѣ становится невмѣняемъ, какъ и самая толпа всегда невмѣняема. Въ «Войнѣ и Мирѣ» гр. Толстого мы находимъ превосходное описаніе того, какъ толпа перерождаетъ благовоспитаннаго, скромнаго и тихаго мальчика Петю Ростова, какъ въ ней, подѣ влияніемъ колокольнаго звона и все нарастающаго чувства патріотизма, разумъ и воля покидаютъ Петю Ростова и имъ владѣетъ только чувство. Петя пошелъ въ Кремль посмотрѣть Государя Александра I, пріѣхавшаго въ Москву послѣ объявленія войны французамъ въ 1812-мъ году.

...«Только что Петя очутился на площади, онъ явственно услыхалъ наполнявшіе весь Кремль звуки колоколовъ и радостнаго народнаго говора.

«Одно время на площади было просторнѣе, но вдругъ всѣ головы открылись, все бросилось еще куда-то впередъ. Петю сдавили такъ, что онъ не могъ дышать, и все закричало: «Ура! ура! ура!...» Петя поднимался на цыпочки, толкался, щипался, но ничего не могъ видѣть, кромѣ народа вокругъ себя.

«На всѣхъ лицахъ было одно общее выраженіе умиленія и восторга. Одна купчиха, стоявшая подлѣ Пети, рыдала, и слезы текли у нея изъ глазъ.

— «Отецъ, ангелъ, батюшка! — приговаривала она, отирая пальцами слезы.

«Ура» — кричали со всѣхъ сторонъ.

«Съ минуту толпа простояла на одномъ мѣстѣ, но потомъ опять бросилась впередъ.

«Петя, самъ себя не помня, стиснувъ зубы и звѣрски выкативъ глаза, бросился впередъ, работая локтями и крича: «Ура!», какъ будто снѣ готовъ былъ и себя и всѣхъ убить въ эту минуту; но съ боковъ его

лѣзли точно такія-же звѣрскія лица съ такими же криками ура!»... *)).

Все, что односторонне ориентировало мысли и въ особенности чувства, способствуетъ образованію психологической толпы. Лѣтъ пять тому назадъ на заводахъ Парижа была забастовка. Толпы рабочихъ стояли на набережной Сены подлѣ заводскихъ корпусовъ. Ихъ мысли были одинаковы: — забастовка, борьба съ капиталомъ. Ихъ чувства были одинаковы: — ненависть къ фабриканту и месть всѣмъ тѣмъ, кто мѣшаетъ имъ въ борьбѣ. Толпа стояла мирно, но она уже была готова мыслью и чувствомъ, одинаково направленными, на взлеты, на невмѣняемые поступки.

Вдругъ изъ одного изъ заводскихъ корпусовъ вышелъ какой-то человекъ и побѣжалъ вдоль набережной Сены. Кто былъ этотъ человекъ?.. Зачѣмъ онъ побѣжалъ?.. Никто не зналъ.

Кто-то сказалъ: — «это штрейкбрехеръ».

И вся толпа съ крикомъ кинулась за нимъ. Люди хватали камни и кидали въ бѣгущаго. Его окружали. Въ отчаяніи онъ кинулся въ Сену и поплылъ. Толпа сгрудилась на берегу и кидала въ него камнями, пока не забила на смерть и онъ не утонулъ.

Человѣка убили. Но за что, никто не зналъ.

IX.

МОДА. ПРАВСТВЕННАЯ ЗАРАЗА.

Характерными признаками психологической толпы являются ея воспріимчивость, податливость ко внушенію и ея подражательность. Для того, чтобы жить и дѣйствовать подъ вліяніемъ внушенія, гипноза, не надо находиться въ гипнотическомъ снѣ, не надо быть подъ непосредственнымъ вліяніемъ гипнотизера. Современная культура даетъ возможность вліять на чувства лю-

*) Гр. Л. Н. Толстой. «Война и Миръ». Томъ III. Изд. Ладьяжниковъ, стр. 121.

дей безчисленнымъ множествомъ способовъ и средствъ. Письма, летучки, прокламаціи, газеты, книги, собранія, диспуты, театр, кинематографъ, беспроводный телеграфъ — все это расширило понятіе толпы и сдѣлало человѣческое общество до нѣкоторой степени подобнымъ толпѣ.

Челоевѣкъ теперь все болѣе живетъ стихійной, роевой жизнью, гдѣ неизбѣжно исполняетъ все то, что ему внушаютъ. Насколько человѣкъ легко въ этомъ отношеніи поддается внушенію и подражательности, показываютъ явленія моды.

Мода порабощаетъ человѣка. Мода заставляетъ его терять красоту, пренебрегать гигиеной, наживать болѣзни. Мода владѣетъ человѣчествомъ. Почти весь міръ одѣлся въ пиджакъ, въ неуклюжую, безобразную «тройку», повязалъ шею петлею висѣльника и забылъ красоту національнаго костюма. Въ Германіи, особенно въ Баваріи и Гессенѣ, правительство освобождаетъ отъ мѣстныхъ налоговъ тѣхъ, кто носитъ національный костюмъ, но охотниковъ носить таковой становится все меньше. Мода заставляетъ женщинъ въ зимнюю слякоть и стужу бѣгать въ легкихъ туфляхъ и короткихъ юбкахъ, почти босыми, наживая простуду, а въ лѣтнія жары, наоборотъ, таскать на плечахъ мѣха. Мода уродуетъ танцы, мода завладѣла театромъ, искусствомъ, мода становится болѣзнию вѣка.

Еще болѣе странное психическое явленіе, къ счастью, и болѣе рѣдкое, — нравственная зараза.

Нравственная зараза непостижимыми путями охватываетъ людей то той, то другой мѣстности. Особенно страшной является зараза самоубійствъ и убійствъ.

Какое-нибудь самоубійство вдругъ поразить умы общества и начнетъ повторяться съ необъяснимою точностью.

Въ 1772 году былъ случай, когда 15 инвалидовъ одной богадѣльни въ очень короткій срокъ повѣсились на одномъ и томъ же крюкѣ, находившемся въ темномъ проходѣ зданія богадѣльни.

Въ 1901 году, въ бытность мою въ Приморской области, я видѣлъ семь крестовъ на берегу Великаго Оке-

ана. Это могилы семи самоубійць офицеровъ, за два года покончившихъ съ собою на уединенномъ сторожевомъ посту «Адеми». Правительство сняло этотъ постъ.

Въ Петербургѣ былъ постъ, на которомъ періодически часовые кончали самоубійствомъ. Его пришлось упразднить.

Въ 1905-1906 году, въ связи съ броженіями въ Россіи и разнузданностью нѣкоторой части молодежи, у дѣвушекъ и юношей стала развиваться зараза самоубійствъ. Они «уходили изъ жизни» по самымъ пустымъ предлогамъ. Эта эпидемія самоубійствъ превосходно описана Арцыбашевымъ въ его романѣ «У послѣдней черты».

Иногда убійство, большею частью садическое, подробно описанное въ газетахъ, вдругъ вызывало въ разныхъ частяхъ свѣта подражанія и такія убійства повторялись одинаково до мелочныхъ подробностей.

Такъ чутко и воспріимчиво стало теперь общество и такъ стало оно уподобляться толпѣ, легковѣрной, жестокой и невмѣняемой.

Люди, желающіе стать вождями общества, имѣютъ могучія средства вліять на него и дѣлать его послушнымъ орудіемъ своихъ идей.

Государство въ свою очередь имѣетъ всѣ возможности заставить общество думать такъ, какъ оно желаетъ, внушить, привить ему тѣ идеи, какія найдетъ нужнымъ, и либо повести народъ по пути довольства, чести, славы и мирнаго процвѣтанія, либо ввергнуть его въ пучину несчастій, голода и непрерывныхъ войнъ.

Х.

ВОЙСКО, КАКЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТОЛПА.

Все, что уменьшаетъ разсудочныя и волевыя способности отдѣльнаго человѣка, является благоприятными условіями для объединенія индивидуумовъ въ толпу.

На войнѣ, подѣ вліяніемъ опасности и страха, разсудокъ и воля отказываются дѣйствовать. На войнѣ, особенно въ концѣ боя, когда части перемѣшаны, строй и порядокъ потеряны, когда въ одну кашу собьются люди разныхъ полковъ, войско обращается въ психологическую толпу. Чувства и мысли солдатъ въ эти минуты боя одинаковы. Они воспріимчивы ко внушенію и ихъ можно толкнуть на величайшій подвигъ и одинаково можно обратить въ паническое бѣгство.

Крикнетъ одинъ трусъ: — «обошли!» — и атакующая колонна повернетъ назадъ.

Селивачовъ, въ Японскую войну бывший командиромъ Петровскаго полка, описывая атаку Новгородской сопки 3 октября 1904 года, во время сраженія на рѣкѣ Шахѣ въ Манчжуріи говоритъ:

...«Подъемъ на сопку былъ очень труденъ.

«Если бы вы вздумали искать тутъ какихъ-нибудь цѣпей, поддержекъ или резервовъ, то ошиблись бы въ этомъ жестоко. Это была масса, «толпа во образѣ колонны», впереди и сзади которой были остатки офицеровъ. Сзади для того, чтобы удерживать людей отъ поворота. Четыре раза эта масса по крику одного — «японцы бьютъ» поворачивала кругомъ, скатывалась къ рѣкѣ и только благодаря офицерамъ и лучшимъ унтеръ-офицерамъ снова подымалась наверхъ.

«На офицеровъ легла тутъ тяжелая нравственная отвѣтственность.

«Нервы были взвинчены страшно. Я лично чувствовалъ, что, поверни эта масса еще разъ назадъ, и я инстинктивно подчинюсь ея вліянію.

Но, слава Богу, нравственная сила справилась, и мы стали подниматься на сопку...»*)

До окончательнаго волевого кризиса большая часть бойцовъ находится въ состояніи нерѣшительности, вниманіе ихъ разсѣяно, разумъ затуманенъ, — ихъ

*) Селивачовъ. «Петровцы на Путиловской сопкѣ», стр. 21.

охватило состояніе полной духовной пассивности. Состояніе ихъ подобно состоянію людей въ гипнозѣ.

Въ эти послѣднія, рѣшающія минуты боя во весь ростъ встаетъ значеніе вождя, начальника, значеніе офицера. Вся жизнь, все воспитаніе, вся работа надъ собою офицера сказывается въ эти великіе отвѣтственные моменты боя, когда офицеръ можетъ, обязанъ и долженъ овладѣть толпой и внушить ей безповоротное рѣшеніе идти впередъ и добыть во что бы то ни стало побѣду!

XI.

НАЧАЛЬНИКЪ ВЪ ПОСЛѢДНІЙ МОМЕНТЪ БОЯ.

Въ Л. Гв. Гренадерскомъ полку въ Великую войну 2-мъ батальономъ командовалъ полковникъ Моравскій. Скромный характеромъ и внѣшностью, блондинъ, небольшого роста, съ розовымъ овальнымъ лицомъ, съ синими глазами и вѣчнымъ пенсне, онъ мало подходилъ къ типу воина - вождя. Однако, всѣ знали его неустрашимость, когда онъ по ночамъ ходилъ въ передовые секреты не для того, чтобы разнести задремавшаго часового, а для того, чтобы ободрить и успокоить солдата въ его одиночествѣ передъ лицомъ врага. Солдаты его любили. Въ полку называли его, и офицеры и солдаты, между собою, — «дядя Саша».

Въ бою у деревни Волки на батальонъ полковника Моравскаго выпала доля въ лобъ атаковать опушку лѣса, мѣшкомъ входившую въ позицію и густо уставленную германскими пулеметами. Противъ Русскихъ лейбъ - гренадеръ Императрицы Екатерины II стоялъ лучший полкъ германской гвардіи, гренадеры Императора Александра I.

«Началась», — пишетъ участникъ этого боя К. Мандражи, — «подготовка атаки огнемъ нашихъ батарей. Вихрь снарядовъ проносился надъ головами залегшихъ гренадеръ»... «На опушкѣ лѣса, казалось, былъ адъ.

Падали сломанныя сосны, горѣли кусты, — вся она была въ дыму».

«Наступила вдругъ минута атаки, огонь артиллеріи перенесся дальше въ лѣсъ.

«Дядя Саша вскочилъ и выпрямился. Сотни глазъ его гренадеръ слѣдили за нимъ.

«— Гренадеры, впередъ. «Славься полкъ нашъ» — крикнулъ вдругъ дядя Саша высокимъ голосомъ*).

«Гренадеры, какъ будто, только и ждали этихъ словъ, вскочили ихъ густыя цѣпи и, съ винтовками на перевѣсъ, стремительно двинулись впередъ, пригибаясь къ землѣ. Вдругъ зарокотали, заглохшіе, было, пулеметы, и съ фронта, и съ боковъ проклятаго мѣшка понеслись массы поющихъ пуль. Не обращая вниманія на падающихъ, на стоны раненыхъ, цѣпи быстро двигались впередъ и впереди всѣхъ, рѣшительнымъ шагомъ, шелъ дядя Саша, какъ будто онъ стремился уйдти отъ кого-то, уйдти безвозвратно. Невидимыя нити тянулись къ нему отъ замороженныхъ его примѣромъ солдатъ.

«Вдругъ онъ упалъ. Къ нему подбѣжали ближайшіе. Цѣпи, какъ по командѣ, остановились, замялись, соединяющая съ дядей Сашей нить порвалась и гренадеры залегли на ровномъ, какъ билліардъ, полѣ въ пятистахъ шагахъ отъ опушки. Пули били по лежавшимъ, лихорадочно рывшимъ лопаткой кучку земли передъ собою, чтобы укрыть голову.

«Порывъ не терпитъ перерыва. Поднять гренадеръ не было возможности.

«Дядю Сашу, раненаго въ грудь, блѣднаго отъ потери крови, фельдшеръ и санитаръ перевязывали здѣсь же въ водомоинѣ; онъ былъ въ сознаніи, и понималъ, что все погибло и что черезъ нѣсколько минутъ все хлынетъ назадъ, понесся еще большія потери.

— На перевязочный, — шепнулъ фельдшеръ санитару и, поднявъ дядю Сашу, они быстро понесли его въ тылъ.

*) Первые слова полковой пѣсни — марша.

Дядя Саша увидѣлъ сотни глазъ, безнадежно смотрѣвшихъ на него.

— Стой! — захрипѣлъ онъ несшимъ его.

«Тѣ остановились и тотчасъ же упали—фельдшеръ былъ убитъ, санитаръ раненъ.

«Къ дядѣ Сашѣ, безпомощно лежавшему на землѣ, подскочили фельдфебель и горнистъ ближайшей роты. Дядя Саша ихъ узналъ.

— Иванчукъ, Сыровой — поднимите меня, чтобы меня видѣли мои гренадеры.

«Тѣ скрестили свои руки и подняли умирающаго. Его руки повисли на плечахъ Иванчука и Сырового:

— Кричи: гренадеры впередъ! Ура! — прошепталъ дядя Саша на ухо фельдфебелю Иванчуку.

«Неистовымъ голосомъ закричалъ Иванчукъ. Вско-чили ближайшіе, какъ будто, ихъ хлестнуло бичомъ, за ними другіе и всѣ увидали дядю Сашу на рукахъ Иванчука и Сырового, безпомощно склонившагося на плечо фельдфебеля. Сердца гренадеръ забились гордостью и дрогнули отъ умиленія при видѣ торжества духа надъ плотью.

— Ура! — заревѣли они, какъ сумасшедшіе, и, презирая страхъ смерти, неудержимо бросились впередъ. Они знали, что они дойдутъ.

«Роль дяди Саши была кончена. Цѣпи опередили своего умиравшаго командира, десятками падаютъ убитые, несуразно взмахивая руками и выпуская винтовки, но другіе бѣгутъ впередъ и, какъ волны, одна за другой, грозно подкатываются къ лѣсу. А тамъ уже смятеніе. Непрiятельскія пули летятъ черезъ голову бѣгущихъ впередъ гренадеръ. А сзади мѣрнымъ шагомъ Иванчукъ и Сыровой несутъ дядю Сашу и не замѣчаютъ, что онъ уже не дышетъ. Пуля попала ему въ голову и кровь заливаетъ лицо убитаго.

«Дружное торжествующее ура загремѣло на опушкѣ лѣса. Тамъ гренадеры безпощадно кололи нѣмецкихъ пулеметчиковъ. Четвертый батальонъ со знаменемъ и командиромъ полка, подходилъ къ лѣсу. Десятки непрiятельскихъ пулеметовъ, казалось, сконфуженно встрѣчали подходившихъ.

«Командиръ полка, безъ фуражки, со слезами на глазахъ, склонился надъ мертвымъ дядей Сашей.

— Накройте его знаменемъ, — скорбно сказалъ командиръ полка и голосъ его дрогнулъ. Офицеры и солдаты не пострадавшаго 4-го батальона сняли фуражки и запѣли стройными голосами:

«Славься полкъ Екатерины,
Полкъ могучихъ силъ.
Ты въ тяжелыя годины
Первымъ въ битвахъ былъ».

Величественные звуки марша и гордые его слова понесли къ лѣсу, гдѣ остатки геройскаго 2-го батальона, горсть ошалѣлыхъ гренадеръ, хриплыми голосами, но стройно подхватила: —

«Славься полкъ Екатерины,
Славься древній боевой,
Славься лаврами покрытый,
Славься полкъ родной» *).

Этимъ пониманіемъ психологіи толпы и ея способности ко внушенію отличались всѣ великіе полководцы, талантливые вожди вооруженныхъ массъ.

Скобелевъ, зная свое вліяніе на солдатъ, смотрѣлъ на себя, какъ на послѣдній резервъ, который, во время двинутый, долженъ рѣшить бой въ нашу пользу.

30-го августа 1877-го года, во время атаки Плевненскихъ укрѣпленій, батальоны, двинувшіеся съ 3-го гребня Зеленыхъ Горъ на турецкіе редуты, несмотря на поддержку Ревельскимъ полкомъ, остановились въ 400-500 шагахъ отъ непріятеля. Генералъ Скобелевъ приказалъ находившимся у него въ резервѣ Либавскому полку и 11-му и 12-му стрѣлковымъ батальонамъ поддержать атаку.

Эти пять батальоновъ подтолкнули боевую линію впередъ. Но это движеніе, сначала довольно энергичное и быстрое, пошло затѣмъ «все медленнѣе».

*) «Дядя Саша». К. Мандражи. Газета «Возрожденіе». 24-го апрѣля 1927 г.

Къ довершенію трагичности этого «все медленнѣе», въ эту критическую минуту свѣжія силы турокъ, вышедшія изъ Плевны въ пространствѣ между редутомъ Исса-ага и г. Плевной, перешли въ наступленіе. Это наступленіе, весьма энергичное, обрушилось на нашъ правый флангъ, вслѣдствіе близости обѣихъ борющихся сторонъ и въ силу закрытій, представляемыхъ городомъ и строеніями его окраины, — почти внезапно.

«Извѣстно, какъ поражаетъ всякая неожиданность», — пишетъ генераль Паренсовъ, — «тѣмъ болѣе страшная. Извѣстно также, какъ вліяетъ на войска ударъ во флангъ, въ обходъ и, если принять во вниманіе психическое состояніе, напряженность нервовъ, а, слѣдовательно, до высшей степени доведенную впечатлительность находившихся на этихъ страшныхъ скатахъ нашихъ войскъ, то станетъ понятно, что настала минута критическая. Настала та минута, когда, или все назадъ, самовольно, безъ команды, стихійно... или переворотъ, подобный тому, какой былъ при штурмѣ Гривицкихъ редутовъ, появленіе отдѣльныхъ героевъ, всѣхъ за собою увлекающихъ».

«Успѣхъ боя», — пишетъ объ этомъ моментѣ генераль Куропаткинъ, — «окончательно заколебался. Тогда генераль Скобелевъ рѣшилъ бросить на вѣсы военного счастья единственный оставшійся въ его распоряженіи резервъ, — самого себя. Неподвижно, не спуская глазъ съ редутовъ, стоялъ онъ верхомъ, спустившись съ третьяго гребня на половинѣ ската до ручья, окруженный штабомъ, съ конвоемъ и значкомъ. Скрывая волненіе, генераль Скобелевъ старался безстрастно, спокойно глядѣть, какъ полкъ за полкомъ исчезали въ пеклѣ боя. Градъ пуль уносилъ все новыя и новыя жертвы изъ конвоя, но ни на секунду не разсѣивалъ его вниманія. Всякая мысль лично о себѣ была далека въ эту минуту. Одна крупная забота объ успѣхѣ порученнаго ему боя всецѣло поглощала его. Если генераль Скобелевъ не бросился ранѣе съ передовыми войсками, какъ то подсказывала ему горячая кровь, то только потому, что онъ смотрѣлъ на себя, какъ на резервъ, которымъ заранѣе рѣшилъ пожер-

твовать безъ оглядки, какъ только наступить, по его мнѣнію, рѣшительная минута. Минута эта настала; генераль Скобелевъ пожертвовалъ собою и только чудомъ вышелъ живымъ изъ боя, въ который беззавѣтно окнулся.

«Давъ шпоры коню, генераль Скобелевъ быстро доскакалъ до оврага, спустился, или, вѣрнѣе, скатился къ ручью и началъ подниматься на противоположный скатъ, къ редуту № 1. Появленіе генерала было замѣчено даже въ тѣ минуты, — настолько Скобелевъ былъ уже популярень между войсками. Отступавшіе возвращались, лежавшіе вставали и шли за нимъ, на смерть. Его громкое: «впередъ ребята», придавало новые силы. Турки, занимавшіе ложементы передъ редутомъ № 1, не выдержали, оставили ихъ и бѣгомъ отступили въ редуты и траншею между ними.

«Видъ отступающихъ отъ ложементовъ турокъ одушевилъ еще болѣе нашихъ. «Ура», подхваченное тысячами грудей, грозно понеслось по линіи. Скользя, падая, вновь поднимаясь, теряя сотни убитыми и ранеными, запыхавшіяся, охрипшія отъ крика, наши войска за Скобелевымъ все лѣзли и лѣзли впередъ. Двигались нестройными, но дружными кучками различныхъ частей и одиночными людьми. Огонь турокъ точно ослабѣлъ, или дѣйствіе его, за захватившею всѣхъ рѣшимостью дойти до турокъ и все возраставшею увѣренностью въ успѣхѣ, стало менѣ замѣтнымъ. Казалось, въ рядахъ турокъ замѣчалось колебаніе. Еще нѣсколько тяжелыхъ мгновеній, и наши передовые ворвались съ остервененіемъ въ траншею и затѣмъ въ 4 часа 25 минутъ пополудни, въ редутъ № 1»... *).

Особенно сильно вліяло на толпы солдатъ и охватывало ихъ гипнозомъ появленіе вождя, извѣстнаго и страшнаго врагу. Оно гипнотизировало обѣ стороны. Одной внушало увѣренность въ успѣхѣ, въ побѣдѣ, поднимало ея духъ, вдохновляло и окрыляло ея, въ другой подрывало вѣру въ свои силы, зарождало страхъ въ предвидѣніи неминуемаго пораженія.

*) Н. Н. Головинъ. «Исслѣдованіе боя», стр. 145-146-147.

Въ эпоху Наполеонскихъ войнъ столкновение обыкновенно начиналось около пяти часовъ утра. Наполеонъ, избравъ себѣ недалеко отъ резерва мѣсто, съ котораго открывался большой кругозоръ на поле битвы, слѣдилъ за ея ходомъ, прогуливался, разговаривалъ съ приближенными, принималъ донесенія, посылалъ приказанія, а когда нужно, и выговоры, давалъ подкрѣпленія только тѣмъ, которые, онъ зналъ, даромъ не попросятъ; но чаще въ нихъ отказывалъ. Дѣло съ разными перипетіями тянулось такимъ образомъ до 4-хъ часовъ пополудни. Тогда онъ садился верхомъ, и всѣ знали, что это значитъ.

Готовился *сoup de collier*.

Онъ ѣхалъ къ резерву. Тамъ раздавались восторженные крики: *Vive l'Empereur!*..

Эти крики шли дальше, захватывали вторую линію бойцовъ, передавались въ передніе ряды.

И всѣ знали: сейчасъ — ударъ по всей линіи.

И тѣ, кто изнемогали въ бою, подымались духомъ, ихъ сердца оживали. Непрiятель, утомленный одиннадцатичасовымъ боемъ, перемѣшавшійся частями, лишившійся начальниковъ, обратившійся въ толпу, со всею ея психологіей, съ ея податливостью ко внушенію, зналъ тоже, что это значитъ. Крики «*Vive l'Empereur*» падали на него, какъ удары грома на растерявшагося путника въ степи. Въ рядахъ французовъ нарасталъ экстазъ, ширилась увѣренность въ побѣдѣ... Какъ часто, такимъ простымъ приѣмомъ, постоянно повторяемымъ, Наполеонъ прокладывалъ своимъ войскамъ путь къ побѣдѣ!

ХІІ.

П А Н И К А.

Какъ ни велика въ бою дѣйствительная опасность, опытный солдатъ съ нею справится. Гораздо страшнѣе, гораздо больше вліяетъ на него опасность воображаемая, опасность ему внушенная.

Когда части перемѣшались, когда онѣ обратились въ толпу, онѣ становятся импульсивны, податливы ко внушенію, къ навязчивой идеѣ, податливы до галлюцинацій. Глупый крикъ: — «нашихъ бьютъ...», или еще хуже — «обошли!». И части, еще державшіяся, еще шедшія впередъ, поворачиваютъ и бѣгутъ назадъ.

Начинается — паника.

Уже самое слово: «паника», дошедшее изъ эллинской старины, изъ тумана вѣковъ, показываетъ, какъ старо это явленіе. Изъ исторіи всякой войны можно привести десятки примѣровъ паники, охватывавшей войска то той, то другой стороны по самымъ глупымъ и страннымъ причинамъ. Военные историки не очень любятъ заниматься этимъ вопросомъ.

Паника возникаетъ въ войскахъ или въ самомъ началѣ боя, когда всѣ чувства бойцовъ приподняты и страхъ неизвѣстности владѣетъ ими, а въ обстановкѣ недостаточно разобрались и непріятель чудится вездѣ, или въ концѣ очень тяжелаго, кровопролитнаго, порою многодневнаго сраженія, когда части вырвались изъ рукъ начальниковъ, перемѣшались и обратились въ психологическую толпу. Особенно часто возникаетъ паника въ непогоду и ненастье.

Въ Японскую войну, подъ Тюренченомъ, Восточно-Сибирская стрѣлковая бригада генерала Кашталинскаго, послѣ страшнаго долгодневнаго нервнаго напряженія отъ ожиданія боя, приняла на себя ударъ всей арміи Куроки и мѣстами была окружена. 11-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ колонною, съ музыкантами впереди, со священникомъ съ крестомъ во главѣ полка штыками пробилъ себѣ путь отступленія.

Но послѣ этого наступила реакція. Путь отхода былъ одинъ. Горная дорога на Фынхуанченъ. Ближайшая помощь въ Ляоянѣ — въ трехстахъ верстахъ. Когда эти перемѣшавшіеся частями, измученные люди выходили изъ боя, въ сторонѣ показались скачущіе. Это были наши артиллеристы, бросившіе орудія и уходившіе на лошадяхъ.

Кто-то крикнулъ: — «японская кавалерія!..»

Началась сначала безцѣльная стрѣльба, а потомъ бѣгство нѣкѣмъ не преслѣдуемыхъ частей. Напряженіе солдатъ было такъ велико, что одиночные люди были къ вечеру того же дня въ Фын-Хуан-Ченѣ, въ восьмидесяти верстахъ отъ Тюренчена!

Паника рождается отъ пустяковъ и создаетъ иногда надолго тяжелую нравственную потрясенность войскъ, такъ называемое «паническое настроеніе». Это паническое настроеніе иногда бываетъ такъ сильно, что заставляетъ начальника перемѣнить всѣ планы.

Въ іюлѣ 1915 года наши арміи отступали къ Варшавѣ, преслѣдуемая германцами. У насъ было мало снарядовъ и патроновъ. Намъ необходимо было задерживаться арьергардами, чтобы убирать обозы и парки. Каждый день тишины на фронтѣ равнялся выигранному сраженію, ибо накапливались намъ патроны и снаряды.

22-го іюля XIV армейскій корпусъ генерала Войшинъ-Мурдасъ-Жиллинскаго велъ цѣлодневный бой у посада Савина на Влодавскомъ шоссе. Къ вечеру войска изнемогли и начали беспорядочно отступать. На нашемъ правомъ флангѣ еще держался Лохвицкій пѣхотный полкъ, на лѣвомъ отступленіе Брянскаго полка становилось похожимъ на бѣгство. Генераль Жиллинскій послалъ 2-ю казачью Сводную дивизию съ приказаніемъ остановить бѣгущихъ и во что бы то ни стало задержать нѣмцевъ на нашей позиціи до 1 часа ночи, когда онъ надѣялся отойти и устроиться на заранѣе подготовленной позиціи.

Наступала ясная лунная ночь. На Влодавской дорогѣ ярко горѣлъ цѣлый рядъ деревень и зарево пожаровъ далеко освѣщало поля.

Посланный для остановки Брянскаго пѣхотнаго полка 16-й Донской казачій полкъ ничего не могъ сдѣлать. Войсковой Старшина Ушаковъ былъ убитъ солдатами Брянцами. Тамъ уже была невмѣняемая толпа, объятая паникой.

Лохвицкій полкъ, какъ только его флангъ обнажился, сталъ отступать. Нѣмцы шли за нимъ. Начальникъ 2-й казачьей Сводной дивизиі приказалъ 1-му Волг-

скому казачьему полку атаковать лавами наступающих нѣмцевъ. Въ атаку пошли 2-ая и 6-ая сотни есауловъ Негоднова и Горячева.

Была уже ночь. Шель одиннадцатый часъ. Но ночь была свѣтлая, лунная, озаренная заревами пожаровъ. Волгцы смяли и порубили переднія цѣпи. Заднія сомкнулись въ батальонъ, но при видѣ несущихся на нихъ казаковъ бросили ружья и подняли руки вверхъ. Волгцы порубили и ихъ. Они дошли до болота и гати. За гатью былъ господскій домъ. Въ немъ помѣщался штабъ германской пѣхотной дивизіи.

Въ этомъ штабѣ началась паника. Двѣ сотни Волгцевъ и шедшій за ними, но не принявшій участія въ атакѣ 11-й Линейный полкъ показались прибѣжавшимъ нѣмцамъ цѣлой казачьей арміей, обрушившейся на нихъ. Наступленіе на всемъ фронтѣ приостановилось. Насталъ день, а нѣмцы были такъ нервно настроены, что не шли впередъ. Была вызвана кавалерія и поставлена въ резервной колоннѣ впереди цѣпей. День 23-го іюля прошелъ спокойно. Ночью на 24-е нашъ броневикъ «Илья Муромецъ» выѣхалъ на развѣдку по Влодавской дорогѣ и, увидѣвъ на полѣ густую колонну нѣмецкой кавалеріи, бросилъ въ нее два снаряда. Настроеніе нѣмцевъ было такое напряженное, что они бросились въ рассыпную назадъ. Пѣхота, въ темнотѣ, приняла ихъ за казаковъ и встрѣтила ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Эта новая паника была такъ сильна, что нѣмцамъ для успокоенія своихъ частей пришлось на пять дней отказаться отъ продолженія наступленія и сдѣлать перегруппировку частей.

Въ толпѣ, образованной людьми, которые разстроены предыдущими переживаниями: — ожиданіемъ боя, самимъ боемъ, паникой, только что бывшей,—воображеніе становится болѣзненно развитымъ и доходитъ иногда до массовыхъ галлюцинацій. Исторія рассказываетъ намъ о томъ, какъ одинъ изъ отрядовъ Князя Димитрія Донского передъ Куликовской битвой видѣлъ на небѣ небесную рать, сражающуюся за насъ. Крестonosцы, шедшіе къ Іерусалиму, видѣли блестящее войско, закованное въ латы и передъ нимъ святыхъ Георгія,

Димитрія и Θεодора. Во время штурма Іерусалима рыцари вдругъ увидали на Елеонской горѣ видѣніе свѣтлаго всадника, крестомъ въ рукѣ указывающаго путь. Костантинъ Великій и его свита передъ рѣшительной битвой видѣли свѣтлый крестъ на небѣ съ надписью «симъ побѣдиши». Во время великой Галиційской битвы въ августѣ 1914 года взятые нами подъ Комаровымъ въ плѣнъ австрійцы рассказывали, что они потому не могли одолѣть Русскихъ, что надъ Русскими цѣлями въ небѣ появлялась Божія Матерь, прикрывавшая ихъ своимъ омофоромъ...

XIII.

ОБРАБОТКА ОБЩЕСТВЕННОГО МНѢНІЯ ВЪ ПРЕДВИДѢНІИ ВОЙНЫ. РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ ЭПОХУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812—14 Г. Г.

Какъ скоро мы признаемъ, что въ каждомъ человѣкѣ есть двѣ стороны жизни — жизнь личная, свободная и жизнь стихійная, роевая, гдѣ человѣкъ неизбежно исполняетъ предписанные ему законы, у насъ явится вопросъ: — нельзя-ли вліять на эту стихійную жизнь человѣка, нельзя-ли сдѣлать такъ, чтобы законы, которымъ слѣдуетъ человѣческое общество, создавались государствомъ? Нельзя-ли направлять человѣческой рой, какъ направляетъ matka рой пчелиный?

Какія имѣются въ нашемъ распоряженіи средства, чтобы общество настроить на пользу государству и чтобы сдѣлать его послушнымъ орудіемъ государственной силы?

Мы не знаемъ никакихъ способовъ, чтобы помѣшать образованію толпы. А разъ толпа образовалась, она каждую минуту можетъ обратиться въ психологическую толпу со всѣми послѣдствіями такого обращенія.

Людское общество есть тоже толпа, уже образовавшаяся. Киньте въ него удачные, волнующіе лозунги, поставьте во главѣ его опытныхъ умѣлыхъ вождей и

общество въ силу законовъ подражанія и воспріимчивости станетъ поступать, какъ толпа, станетъ невмѣняемо, и тогда можетъ быть направлено къ хорошему или къ дурному.

Какое громадное значеніе во время войны имѣетъ общество, мы можемъ видѣть по сравненію Россіи начала XIX вѣка съ Россіею начала XX вѣка.

Россія сто лѣтъ тому назадъ, послѣ двухлѣтней войны побѣдоносно вошла въ Парижъ и водворила миръ въ Европѣ. Россія сегодняшняго дня послѣ трехлѣтней войны, погибла въ крови классовой борьбы, легла опозоренная, поверженная въ прахъ и поруганная. Невольно встаетъ вопросъ: — въ чемъ заключалась разница тогда и теперь? Почему тогдашнее общество выжило и съ честью вынесло все то ужасное, что выпало на его долю, а наше общество не устояло и погибло?

Вѣдь и тогда войнѣ предшествовали уныніе, неудачи и позоръ. Умеръ Суворовъ. Насильственной смертью, послѣ дворцоваго переворота, скончался странный, непонятый современниками Императоръ Павелъ. Наши войны съ Наполеономъ начались позоромъ Аустерлица и Фридланда, Тильзитскимъ вынужденнымъ миромъ и дружбою съ Наполеономъ, казавшимся большинству его Русскихъ современниковъ антихристомъ, исчадіемъ ада. Противъ Россіи крѣпла коалиція. Россія была одинока. Двадцать народовъ, ведомыхъ самимъ Наполеономъ, обрушились на Россію. И какъ началась война!! Отступленіями! Сдали Вильну, сдали Смоленскъ. Подошли къ Москвѣ. Сдача Москвы тогдашнему народному сознанію казалась невозможной. Она знаменовала гибель Россіи. Но послѣ Бородина былъ совѣтъ въ Филяхъ. Постановили сдать Москву... И Москву сдали, сожгли... Но войны все таки не кончили.

Помню, какъ въ только что минувшую великую войну говорили о возможности сдачи Кіева. Кругомъ былъ одинъ голосъ. Если Кіевъ сдадутъ — конецъ войнѣ. Война невозможна.

А вотъ тогда сдали Москву. Самоё Москву! Въ сердце Россіи вошелъ врагъ, а Русскій народъ не растерялся, не пришелъ въ уныніе, собралъ новыя ополченія

и погналъ француза. Черезъ Тарутино, Малоярославецъ и Березину онъ опять дошелъ до Вильны и тамъ не остановился. Люценъ и Бауценъ его не смутили и не испугали, а повели дальше къ Кульму и Лейпцигу, а потомъ и къ Парижу.

Въ чемъ же дѣло?

Воины были другіе? Нѣтъ, мы нашимъ дѣдамъ не уступимъ ни въ чемъ. Наша армія можетъ гордиться тѣмъ, съ какой честью выходила она изъ выпавшихъ на ея долю испытаній.

Не выдержало общество. Не выдержала та скрытая толпа, которая оказалась съ совершенно иною психологіей и иначе обработанной и воспитанной, чѣмъ была обработана и воспитана та же толпа начала XIX вѣка.

Тогда мѣры воздѣйствія на общество, по сравненію съ нынѣшнимъ временемъ, были ничтожны. Газеты не имѣли широкаго распространенія, ихъ было мало и онѣ политическими вопросами почти не занимались. Народъ освѣдомлялся манифестами, читаемыми священниками съ амвона, да тѣмъ, что скажетъ ему помѣщикъ, что донесетъ до него стоустая народная молва. Образованное общество было монолитно. Оно крѣпко было спаяно вѣковыми традиціями. Волноваться могло крестьянство, находившееся въ крѣпостномъ состояніи. Оно и волновалось недавно — при Екатеринѣ Великой, во время Пугачевского бунта, но оно сдерживалось дворянствомъ, жившимъ въ самой толцѣ крестьянъ, по своимъ помѣстьямъ и внушавшимъ крестьянамъ тѣ или другія идеи. Крестьяне, почти поголовно неграмотные, жили жизнью и интересами помѣщиковъ. Кромѣ помѣщиковъ, были служилые люди—за малымъ исключеніемъ то же дворянство, купцы и мѣщане-ремесленники. Если мы прибавимъ къ этому духовенство, то мы увидимъ, что, несмотря на незначительность средствъ воздѣйствія на общество, ихъ было совершенно достаточно, ибо всему тонъ задавало дворянство, глубоко проникшее въ народъ, и отъ его настроенія зависѣло настроеніе всего общества. Рабочихъ массъ не было.

Пролетаріата не было. Были нищіе; были убогіе; но всѣ эти люди не имѣли подь собою силы.

На дворянство оказывали вліяніе — непосредственная его близость ко двору и къ Государю, часто объѣзжавшему губерніи, литература, театр, но главное семейное воспитаніе и традиціи рода.

Семья въ ту пору была крѣпка. Дворянская семья тысячью узъ была связана съ деревней. Крѣпостные слуги, няни, выѣзды въ поле, на работы, игры съ крестьянскими дѣтьми,—все это соединяло барина съ мужикомъ. Дворяне и крестьяне могли быть в р а ж д е б н ы м и другъ другу, но они въ то время не были чужими другъ другу. Они постоянно сталкивались другъ съ другомъ. Въ церкви на праздникахъ, на семейныхъ торжествахъ, на охотахъ. Баринъ и мужикъ были вмѣстѣ.

Отношенія между ними были простыя. Въ безподобномъ описаніи псовой охоты Ростовыхъ въ «Войнѣ и Мирѣ» гр. Толстого мы читаемъ изъ жизни взятый случай, какъ неприличнымъ словомъ обложилъ своего барина, помѣщика, графа, старика Ростова его крѣпостной, доѣзжачій Данила, за то что графъ упустилъ, протравилъ волка.

...«На длинной спинѣ бурой, почернѣвшей отъ пота лошади комочкомъ, валясь впередъ, сидѣлъ Данила безъ шапки, съ сѣдыми встрепанными волосами надъ краснымъ, потнымъ лицомъ.

— «Улю-люлю, улюлю!.. кричалъ онъ. Когда онъ увидалъ графа, въ глазахъ его сверкнула молнія.

— «Ж...! — крикнулъ онъ, грозясь поднятымъ арапникомъ на графа.

— «Про... ли волка-то!.. Охотники! — и, какъ бы не достаивая сконфуженнаго, испуганнаго графа дальнѣйшимъ разговоромъ, онъ со всей злобой, приготовленной на графа, ударилъ по ввалившимся мокрымъ бокамъ бураго мерина и понесся за гончими. Графъ, какъ наказанный, стоялъ, оглядываясь и стараясь улыбкой вызвать въ Семенѣ сожалѣніе къ своему положенію»...

Послѣ охоты — «графъ Илья Андренчъ тоже подѣхалъ и потрогалъ волка.

— «О материщій какой, — сказали онъ. Матерый, а? — спросилъ онъ у Данилы, стоявшаго подлѣ него.

— «Матерый, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Данила, поспѣшно снимая шапку.

«Графъ вспомнилъ своего прозѣваннаго волка и свое столкновеніе съ Данилой.

— «Однако, братъ, ты сердить, — сказали графъ.

«Данила ничего не сказалъ и только застѣнчиво улыбнулся дѣтски кроткой и пріятной улыбкой...»*)

При такихъ отношеніяхъ было естественно, что въ трудныя времена жизни государства народъ искалъ со-вѣта у помѣщиковъ, бывшихъ при немъ, и народное мнѣніе являлось мнѣніемъ помѣщиковъ.

Помѣщикъ образованіе получалъ, за малымъ исключеніемъ, дома. Священникъ, дьячекъ или пріѣзжій на каникулы бурсакъ, — семинаристъ, философъ или богословъ, обученіе псалтырю и часослову, Россійской грамотѣ, потомъ для немногихъ пансіонъ или гимназія и очень рѣдко университетъ, вотъ образовательный цензъ тогдашняго дворянства. Въ наукахъ преобладалъ патріотизмъ. Въ близкомъ прошломъ былъ блестящій вѣкъ Екатерины — Суворовъ, Румянцевъ и Орловъ — побѣды и завоеванія. Въ болѣе глубокомъ прошломъ Елисавета и Петръ — побѣды и завоеванія. Было чѣмъ гордиться. Россія раздвигалась на западъ и востокъ, новыя невиданныя по красотѣ и богатству страны склонялись подъ власть короны Россійской. Андреевскій флагъ рѣялъ на корабляхъ Россійскихъ въ Средиземномъ морѣ, Атлантическомъ и Великомъ океанахъ.

Литература — творенія Карамзина и оды Державина — возвышала душу и украшала Россійское имя.

Театръ... Современникъ описываетъ, какъ въ ноябрѣ 1807 года, то есть сейчасъ послѣ Фридландской неудачи и Тильзитскаго мира на сценѣ Большого театра

*) Гр. Л. Н. Толстой. «Война и Миръ». Изд. Ладыжниковъ. Т. II, стр. 341 и 347.

въ Санктъ Петербургѣ шла первый разъ трагедія Озерова «Димитрій Донской». Она была полна тонкихъ намековъ на только что пережитую нами неудачу. И когда актеръ Яковлевъ, игравшій Димитрія, говорилъ монологъ, обращаясь къ князьямъ и боярамъ, онъ въ одномъ мѣстѣ повернулся лицомъ въ зрительный залъ и съ чувствомъ и подчеркнуто произнесъ:

«Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время».

Толпа зрительнаго зала въ этотъ мигъ обратилась въ психологическую толпу. Одна и та же мысль ею овладѣла:—пора отомстить Наполеону за униженіе Тильзита. Одно имя было у всѣхъ на устахъ:—Багратіонъ. Весь залъ поднялся съ мѣстъ. Стучали скамьями, креслами, тростями и саблями. Аплодировали не автору и не актеру, но той мысли, которая овладѣла всѣми: —

«Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ безчестный».

Послѣ побѣды Димитрія надъ Мамаемъ, когда Димитрій, израненный, становится на колѣни и, снявъ шлемъ, молится, Яковлевъ читалъ монологъ Димитрія особенно четко, какъ бы внушая толпѣ:

Но первый сердца долгъ Тебѣ, Царю царей.
Всѣ царства держатся десницею Твоей.
Прославь... и утверди... и возвеличь Россію,
Какъ прахъ земной, сотри враговъ кичливыхъ вѣю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать инноплеменный могъ:
Языки, вѣдайте: — Великъ Россійскій Богъ!..

Слова эти наэлектризовали публику и долгое время послѣ театрѣ не могъ успокоиться.

Такъ готовились наши дѣды къ мысли о необходимости войны, побѣды и расплаты.

Какое же было отношеніе общества къ арміи?

Мы можемъ его изобразить словами Грибоѣдовской комедіи «Горе отъ ума».

«Когда отъ гвардіи, шныю отъ двора,
Сюда на праздникъ пріѣзжали,
Кричали женщины ура
И въ воздухѣ чепчики бросали»...

Настроение было патриотическое. Оно ярко выразилось и словами модного в те дни «польского», которым открывались все тогдашние балы:

«Громъ побѣды раздавайся,
Веселися храбрый Россѣ,
Звучной славой украшайся,
Магомета ты потрясъ».

При таком настроении общества легко прошли и ужасная Фридландская неудача, и голодъ, и тифъ, и цынга въ армии въ 1807-мъ году, какъ результатъ отъ вратительно поставленнаго снабженія, и наше отступление къ Москвѣ въ 1812-мъ году. По гостинымъ и штабамъ могли шипѣть объ измѣнникахъ нѣмцахъ, о Пфулѣ, Барклаѣ де Толли, Вольцогенѣ, Армфельдтѣ и другихъ, окружавшихъ государя Александра I, могли упрекать Кутузова въ кунктаторствѣ, но это не было глубоко, это не могло сломить увѣренности въ Россійской армии, въ неизбѣжной будущей побѣдѣ, которая была внушена обществу работою въ семьѣ, деревнѣ, школѣ, литературѣ и театрѣ.

XIV.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ПЕРЕДЪ ВЕЛИКОЙ ВОЙНОЙ 1914-17 Г. Г.

Обратимся къ столь недавнему печальному нашему прошлому.

Русское общество...

Это уже не та компактная, монолитная, единая масса, прослоенная дворянствомъ, служилымъ и помѣстнымъ, какая была передъ Отечественной войной 1812 года.

Крестьяне были не одни. Подлѣ нихъ выросла громадная городская армія рабочихъ. Появилось цѣлое сословіе людей, не имѣющихъ ни собственности, ни опредѣленныхъ занятій — пролетаріатъ.

Крестьянство, рабочіе и пролетаріатъ получили всѣ обычные свойства психологической толпы, — подражательныя наклонности, способность ко внушенію и легкую возбудимость, импульсивность.

Крестьяне только что прошли черезъ искушеніе погромовъ, грабежей и убійствъ 1905-го года. Они еще не забыли объ этомъ и еще не успокоились. Такъ недавно были пожары усадебъ и карательныя экспедиціи съ разстрѣлами и порками. Молодежь выросла на этомъ и этого не забыла къ 1914-му году. Она была уже развращена.

Не въ лучшемъ положеніи были и рабочіе. Забастовки только что закончились. Рабочіе потрясли столицы и города, — они сознали себя силою.

Средствъ внушенія этой толпѣ какихъ угодно идей было много.

Газета широко проникла въ деревню и въ рабочіе кварталы. Для малограмотныхъ всегда находились толкователи и учителя изъ интеллигентной молодежи, устремившейся «просвѣщать» народъ.

Настроеніе этой молодежи и большинства самой интеллигенціи было анти-патріотическое. Слово «патріотъ» было оскорбительно. Къ нему постоянно приклеивали приставку «ура», либо присловье «квасной» — «ура-патріотъ», «квасной патріотъ». Любить Родину становилось неприличнымъ.

Одинъ весьма крупный писатель отозвался о Россіи: — «самая печальная страна въ мірѣ».

Или онъ не зналъ Россіи, или онъ ничего не видѣлъ, кромѣ Россіи.

Народъ съ одной стороны возвеличивали, съ другой затапывали въ грязь.

«Мы ни къ чему не годные люди. Кишка у насъ тонкая. Чуть пострѣляли — и въ кусты.»

Интеллигенція, шедшая «просвѣщать» народъ, не забывала и арміи. Въ разсказѣ М. Горькаго «Солдаты» описывается, какъ дѣвушка «просвѣщаетъ» солдатъ, поставленныхъ для охраны имѣнія. Какого рода мысли витали въ это время въ головахъ тогдашней молодежи, какъ она относилась къ Россіи и арміи, въ ка-

комъ духъ просвѣщала она народъ, что она готовила и къ чему стремилась, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Назанскаго, одного изъ героевъ Купринскаго «Поединка».

...«Да, настанетъ время, и оно уже у воротъ. Время великихъ разочарованій и страшной переоцѣнки. Помните, я говорилъ вамъ какъ-то, что существуетъ отъ вѣка незримый и беспощадный геній человѣчества. Законы его точны и неумолимы. И чѣмъ мудрѣе становится человѣчество, тѣмъ болѣе и глубже проникаетъ оно въ нихъ. И вотъ я увѣренъ, что по этимъ непреложнымъ законамъ все въ мѣръ рано или поздно приходитъ въ равновѣсіе. Если рабство длилось вѣка, то распаденіе его будетъ ужасно. Чѣмъ громаднѣе было насиліе, тѣмъ кровавѣе будетъ расправа. И я глубоко, я твердо увѣренъ, что настанетъ время, когда насъ, патентованныхъ красавцевъ, неотразимыхъ соблазнительей, великолѣпныхъ щеголей станутъ стыдиться женщины и, наконецъ, перестанутъ слушаться солдаты. И это будетъ не за то, что мы били въ кровь людей, лишенныхъ возможности защищаться, и не за то, что намъ, во имя чести мундира, проходило безнаказаннымъ оскорбленіе женщинъ, и не за то, что мы, опьянѣвъ, рубили въ кабакахъ въ окрошку всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. Конечно, и за то и за это, но есть у насъ болѣе страшная и уже теперь непоправимая вина. Это то, что мы слѣпы и глухи ко всему. Давно уже, гдѣ-то вдали отъ нашихъ грязныхъ, вонючихъ стоянокъ совершается огромная, новая, свѣтозарная жизнь. Появились новые, смѣлые, гордые люди, загораются въ умахъ пламенные свободныя мысли. Какъ въ послѣднемъ дѣйствиі мелодрамы, рушатся старыя башни и подземелья, и изъ-за нихъ уже видится ослѣпительное сіяніе. А мы, надувшись, какъ индѣйскіе пѣтухи, только хлопаемъ глазами и надменно болбочемъ: «Что? Гдѣ? Молчать! Бунтъ! Застрѣлю!» И вотъ этого-то индюшечьяго презрѣнія къ свободѣ человѣческаго духа намъ не простятъ во вѣки вѣковъ...

«Да, наступаетъ новое, чудное, великолѣпное время. Я вѣдь много прожилъ на свободѣ и много кой-чего

читаль, много испыталъ и видѣлъ. До этой поры старья вороны и галки вбивали въ насъ съ самой школьной скамьи: «Люби ближняго, какъ самого себя, и знай, что кротость, послушаніе и трепеть суть первыя достоинства человѣка». Болѣе честные, болѣе сильные, болѣе хищные говорили намъ: «возьмемся объ руку, пойдёмъ и погибнемъ, но будущимъ поколѣніямъ приготовимъ свѣтлую и легкую жизнь». Но я никогда не понималъ этого. Кто мнѣ докажетъ съ ясной убѣдительностью, — чѣмъ я связанъ съ этимъ, — чортъ бы его побралъ! — моимъ ближнимъ, съ подлымъ рабомъ, съ зараженнымъ, съ идиотомъ? О, изъ всѣхъ легендъ я болѣе всего ненавижу — всемъ сердцемъ, всей способностью къ презрѣнію — легенду объ Юліанѣ Милостивомъ. Прокаженный говоритъ: — «я дрожу, лягъ со мной въ постель рядомъ. Я озябъ, приблизь твои губы къ моему смрадному рту и дыши на меня». Ухъ, ненавижу! Ненавижу прокаженныхъ и не люблю ближнихъ. А затѣмъ, какой интересъ заставить меня разбивать свою голову ради счастья людей тридцать второго столѣтія? О, я знаю этотъ куриный бредъ о какой-то міровой душѣ, о священномъ долгѣ»...

...«Любовь къ человѣчеству выгорѣла и вычадилась изъ человѣческихъ сердець. На смѣну ей идетъ новая, божественная вѣра, которая пребудетъ безсмертной до конца міра. Это любовь къ себѣ, къ своему прекрасному тѣлу, къ своему всесильному уму, къ безконечному богатству своихъ чувствъ»... «Кто вамъ дороже и ближе себя? — Никто. Вы — царь міра, его гордость и украшеніе. Вы — богъ всего живущаго. Все, что вы видите, слышите, чувствуете, принадлежитъ вамъ. Дѣлайте, что хотите. Берите все, что вамъ нравится. Не страшитесь никого во всей вселенной, потому что надъ вами никого нѣтъ и никто не равенъ вамъ. Настанетъ время, и великая вѣра въ свое я осѣнитъ, какъ огненные языки Святого Духа, головы всѣхъ людей, и тогда уже не будетъ ни рабовъ, ни господъ, ни калѣкъ, ни жалости, ни пороковъ, ни злобы, ни зависти. Тогда люди станутъ богами. И поду-

майте, какъ осмѣлюсь я тогда оскорбить, толкнуть, обмануть челоѣка, въ которомъ я чувствую равнаго себѣ, свѣтлаго бога? Тогда жизнь будетъ прекрасна. По всей землѣ воздвигнутся легкія, свѣтлыя зданія, ничто вульгарное, пошлое не оскорбитъ нашихъ глазъ, жизнь станетъ сладкимъ трудомъ, свободной наукой, дивной музыкой, веселымъ, вѣчнымъ и легкимъ праздникомъ. Любовь, освобожденная отъ темныхъ путъ собственности, станетъ свѣтлой религіей міра, а не тайнымъ, позорнымъ грѣхомъ въ темномъ углу, съ оглядкой, съ отвращеніемъ. И самыя тѣла наши сдѣлаются свѣтлыми, сильными и красивыми, одѣтыми въ яркія, великолѣпныя одежды. Такъ же, какъ вѣрю въ это вечернее небо надо мной, такъ же твердо вѣрю я въ эту грядущую богоподобную жизнь!»...*)

Эти Ницшеанскія идеи, преломившіяся по Русски, написаны почти за двадцать лѣтъ до Великой войны. Онѣ были общи тогдашней Русской литературѣ и театру. Вы найдете такое же презрѣніе къ сѣрому «мѣщанству» обыденной жизни и такое же мечтательное устремленіе къ какой-то необычайной, свѣтлой, легкой жизни, которая должна наступить какъ-то сама собою черезъ сто, двѣсти лѣтъ, въ произведеніяхъ Леонида Андреева, Горькаго, Сологуба и особенно въ пьесахъ Чехова. Ими жило Русское образованное общество, на ихъ мечтательной, акварельной никчѣмности создавались новыя теченія театра.

Русское общество къ началу великой войны было точно чѣмъ-то утомлено, искало чего-то новаго, ожидало чего-то необычайнаго. Оно жило въ какихъ-то сумеркахъ. Оно не жаждало побѣдъ, оно готово было къ пораженіямъ, ожидая за ними свѣтлую новую жизнь. Эти мысли были ему внушены. Оно восприняло ихъ. Наша молодежь передвоеннаго времени ждала той бури, которую воспѣлъ М. Горькій въ стихотвореніи въ прозѣ: «Буревѣстникъ»...

*) А. Купринъ. Поединокъ. Московское книгоиздательство. Стр. 284—287.

...«Буря! Скоро грянетъ буря! Это смѣлый буре-вѣстникъ гордо рѣветъ между молній надъ ревушимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ пророкъ побѣды: — пусть сильнѣе грянетъ буря»...

Это ожиданіе бури, это желаніе бури, а не побѣды надъ врагомъ, постепенно, съ непостижимой силою и быстротою, охватывало Русское общество во время самой войны. Оно вѣяло съ газетныхъ листовъ, оно звучало съ трибуны Государственной Думы, оно смотрѣло съ экрана кинематографа, оно говорило со сцены театра, и общество постепенно обращалось въ психологическую толпу, импульсивную, невмѣняемую, легковѣрную, воспримчивую, то вѣрящую въ свои силы, то отчаявающуюся и легко падающую духомъ. Внушать такому обществу стало легко и чѣмъ невѣроятнѣе была внушаемая ложь, тѣмъ легче ей вѣрили. (Распутинъ, сепаратный миръ съ Германіей, измѣна генераловъ, шпиономанія и т. д.).

XV.

НАСТРОЕНІЯ АРМІИ ПЕРЕДЪ ВЕЛИКОЙ ВОЙНОЙ И ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Наша Армія, несмотря на неудачи Японской войны, а отчасти благодаря этимъ неудачамъ, къ началу великой войны была на высотѣ обученія и воспитанія и въ этомъ отношеніи была сильнѣе армій противника.

...«Наши перволинейныя войска въ отношеніи боевыхъ качествъ и тактической подготовки были на должной высотѣ», — пишетъ генераль Головинъ въ своей книгѣ «Изъ исторіи кампаніи 1914 года на Русскомъ фронтѣ». — «Неудачи Японской войны не поколебали традицій старыхъ частей, знамена которыхъ участвовали во многихъ побѣдахъ прежнихъ временъ. Цѣною крови на поляхъ Манчжуріи противъ первокласснаго непріятели былъ купленъ боевой опытъ новой тактики. Въ 1914 году въ рядахъ нашихъ войскъ находилось большое число командировъ, офицеровъ

и унтеръ-офицеровъ, прошедшихъ лучшую военную школу — школу войны.

«Пѣхота въ значительной мѣрѣ отрѣшилась отъ пережитковъ въ видѣ массивныхъ цѣпей и стремились обосновать свои боевыя дѣйствія на работѣ звеньевъ. Стрѣлковое дѣло было поставлено выше, чѣмъ въ любой арміи міра. Въ этихъ отношеніяхъ Русскія перволинейныя войска оказались лучше подготовленными, нежели противники...

«Наша полевая артиллерія въ смыслѣ умѣнья использовать свойства современной скорострѣльной пушки превосходила не только артиллерию противника, но и французскую, всегда занимавшую почетное первое мѣсто...

...«Мы считаемъ себя вправѣ утверждать, что въ 1914 году кадры Русскихъ войскъ должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ, какъ по сравненію съ нашими союзниками, такъ и съ противниками».*)

Духовно армія стояла на громадной высотѣ. Офицеры типа Купринскаго Назанскаго были исключеніемъ. Армія была внѣ политики и далека отъ нея. Цѣлодневныя, очень тяжелыя занятія воспитаніемъ и обученіемъ солдатъ не давали возможности офицеру особенно углубляться въ газетную и иную литературу. Офицеры читали преимущественно военные журналы и газеты и потому зловѣщіе крики «буревѣстниковъ» ихъ мало коснулись. Они вышли на войну, чуждые того гипноза, который охватывалъ Русское общество, и готовые исполнить свой долгъ до конца.

Директива Русскимъ арміямъ была поставлена замѣчательно правильно, вѣрно и ясно.

— «Я приказалъ Великому Князю Николаю Николаевичу», — сказалъ Государь Императоръ французскому посланнику Палеологу, — «возможно скорѣе и во что бы то ни стало открыть путь на Берлинъ. Я придаю нашимъ операціямъ въ Австріи лишь второ-

*) Генераль Н. Н. Головинъ. Изъ исторіи кампаніи 1914-го года на Русскомъ фронтѣ. Стр. 28, 29, 30.

степенное значеніе. То, что мы должны достигнуть прежде всего, это уничтоженіе германской арміи»... *)

Почему же при такомъ прекрасномъ качествѣ Русской арміи, при столь ясной и опредѣленной директивѣ и при громадномъ военномъ талантѣ ея исполнителя Великаго Князя Николая Николаевича въ результатѣ мы разбросались, не исполнили твердаго приказа Государя, повели наступленіе по двумъ расходящимся операционнымъ направленіямъ и побочное предпочли главному?

Причинъ много. Онѣ подробно, ясно и вѣрно изложены въ капитальномъ трудѣ генерала Головина, мы же остановимся на одной, насъ по самому предмету нашему интересующей — психологической причинѣ.

Русскій Генеральный Штабъ, мозгъ арміи, — съ давнихъ временъ, со временъ Пфуля и Толя — благоговѣлъ передъ нѣмцами. Тактика Клаузевица и стратегія Мольтке были долгое время основаніемъ нашей тактики и стратегіи. Лишь въ послѣднее время появились тактика Драгомирова и стратегія Леера, лишь недавно на Русское военное искусство начали обращать вниманіе. Наши офицеры Генеральнаго Штаба въ громадномъ большинствѣ чувствовали себя учениками нѣмцевъ и отсюда въ оперативные планы сталъ невольно закрадываться страхъ передъ нѣмецкимъ могуществомъ. Этотъ страхъ сталъ незамѣтно вливаться и въ самую армію черезъ ея офицеровъ.

Австрійцевъ мы всегда били и презирали со временъ Суворова. Явилось два фронта — фронтъ германскій — страшный, грозный, съ серьезнымъ противникомъ, и фронтъ легкій, гдѣ сотнями тысячъ берутъ плѣнныхъ, — австрійскій.

Началось съ пустой кичливости однихъ войскъ передъ другими.

«Вы, моль, что, вы на австрійскомъ фронтѣ работали, а попробовали-бы на германскомъ!»

*) Тамъ-же. Стр. 96.

Такъ, шутя, изъ бахвальства, мы сами внушали своимъ войскамъ страхъ передъ нѣмцами.

Пока армія была арміей, пока были цѣлы кадровые командиры и офицеры, это мало на нее дѣйствовало. Были даже части, которыя стремились на германскій фронтъ, чтобы испытать «настоящаго» противника, чтобы помѣряться силами съ достойнымъ врагомъ. Но, когда кадровые офицеры и солдаты были въ большинствѣ выбиты или ранеными ушли изъ арміи, традиціи частей стали исчезать, въ армію вошли новые люди, — армія стала все больше пріобрѣтать психологию толпы и заражаться тѣми идеями, которыя владѣли обществомъ. Тогда явился великій соблазнъ идти по линіи наименьшаго сопротивленія, наносить удары тамъ, гдѣ это было легко, и избѣгать ударовъ на главномъ фронтѣ.

Командующіе Сѣвернымъ и Западнымъ фронтами перестали выполнять, отговариваясь разными причинами, поставляемые имъ директивы, стали топтаться на мѣстѣ и вся война измѣнилась подъ самимъ себѣ внушеннымъ гипнозомъ германской силы.

А, когда армія наполнилась людьми, не думающими о побѣдѣ, но проникнутыми ожиданіемъ какого-то чуда, какого-то такого времени, когда люди «станутъ богами» и когда жизнь станетъ прекрасной, она потеряла послѣднюю устойчивость и, какъ всякая толпа, стала легко воспріимчива къ самымъ невѣроятнымъ идеямъ, внушаемымъ ей со стороны.

Идеи были готовыя. Онѣ давно носились въ воздухѣ, онѣ только ждали момента, когда армія обратится въ психологическую толпу, чтобы со всею силою ею овладѣть.

XVI.

ЗНАЧЕНІЕ МОРАЛЬНОГО ВОСПИТАНІЯ НАРОДА.

При современныхъ короткихъ срокахъ службы и громаднхъ арміяхъ вся мужская молодежь государства проходитъ воинское воспитаніе. Армія является

народной школой. Армія должна воспитать и укрѣпить молодежь въ любви къ Родинѣ и въ гордости своимъ прошлымъ. Армія должна сдѣлать не только войско, но и народъ, то есть общество, храбрымъ, мужественнымъ, стойкимъ и волевымъ.

Мы знаемъ, какъ и какими науками развивать въ томъ или другомъ направленіи человѣческой умъ.

Мы все болѣе обращали вниманія на гимнастику, тренировку тѣла и спортъ, желая оздоровить тѣло народа — въ школахъ и его солдатъ — въ арміи.

Но мы всегда очень мало отдавали себѣ отчетъ въ томъ, какъ закалить душу солдата, какъ и чѣмъ на нее вліять, какъ научить людей такъ владѣть своею волею, чтобы легко умѣть направлять вниманіе на должное. Какъ поднять человѣческой духъ, сдѣлать его твердымъ волею и мощнымъ, способнымъ на героизмъ.

Какъ велики и широки эти задачи для арміи!

Внѣ работы всего общества во всей его совокупности — семьи, школы, литературы, газеты, театра, лекцій, радіо, кинематографа — значить, безъ помощи государства — армія не выполнитъ этой задачи. Какъ бы высоко ни стоялъ офицерскій корпусъ, онъ будетъ безсиленъ, ибо солдатъ, выходя изъ казармъ и попадая въ иную среду, возвращаясь въ городъ, въ деревню послѣ службы, будетъ забывать воспитаніе, внушенное ему офицеромъ.

Когда мы разбирали духовныя свойства единичнаго человѣка, мы отмѣтили то громадное значеніе, какое имѣеть вѣра въ Бога, Его милосердіе и загробную жизнь — то есть религія, — христіанская, магометанская, буддійская, все равно, — но религія высокой морали, имѣющая въ себѣ божественное начало.

Если это имѣеть такое значеніе для отдѣльнаго человѣка, то еще большее имѣеть оно значеніе для всего общества, для цѣлаго народа. Отсюда — Русская, тихая, не воинствующая, христіанская покорность смерти, православная мягкость Русскаго солдата. Отсюда — напористость и огонь воинствующаго католи-

цизма француза. Отсюда — мусульманскій фанатизмъ и буддійское равнодушіе къ смерти.

Конечно, еслибы когда-нибудь народное общество могло вырости въ сознаниі христіанской любви ближняго, способной на жертву собою, смыслъ войны былъ бы утерянъ. Не Лига Націй, но только христіанское воспитаніе народовъ могло бы дать длительный миръ.

Потому — жалко и ничтожно то правительство, которое рѣшается обходиться безъ религіи. Недостойна та церковь, которая покидаетъ народъ, угождая невѣрующему правительству.

Но какъ же Франція, давно отказавшаяся отъ церкви?

Но какъ же Германія и Турція, пошедшія на отрывъ отъ церкви?

Какъ же, наконецъ, сатанинскій союзъ совѣтскихъ республикъ, вступившій въ борьбу съ церковью и начавшій неслыханное съ первыхъ вѣковъ христіанства гоненіе на церковь?

Франція гибнетъ морально. Если она не погибла въ эту войну, то лишь потому, что Франція въ лицѣ своего социалистическаго правительства отказалась отъ церкви, но сами французы, ея народъ, не отказались отъ нея.

Въ Германіи и Турціи, несмотря на отказъ отъ церкви правительства, народъ ей вѣренъ. Идетъ невидимая борьба за церковь въ семьѣ, и гибель и процвѣтаніе этихъ странъ зависятъ отъ того, кто окажется побѣдителемъ, — правительство, равнодушное къ церкви, или народъ, къ церкви не равнодушный, радѣющій о церкви.

Сатанинскій союзъ совѣтскихъ республикъ въ своемъ гоненіи на церковь встрѣтилъ жестокое сопротивленіе въ народѣ, — и онъ губитъ государство по мѣрѣ того, какъ сламываетъ это сопротивленіе. Только сломить-ли?

Въ государствѣ, какъ мирномъ сожителствѣ людей, не можетъ быть двойкой морали.

Не можетъ быть, чтобы одни, какъ герой Купринской повѣсти Назанскій, открыто исповѣдывали, про-

повѣдывали и проводили въ жизнь новую «божественную» вѣру: — «любовь къ себѣ, къ своему прекрасному тѣлу, къ своему всесильному уму, къ безконечному богатству чувствъ», а другіе исповѣдывали заповѣдь Христову о любви къ ближнему, способной душу свою отдать за этого ближняго.

Невозможно, чтобъ одни говорили: — «Кто вамъ дороже и ближе себя? Никто. Вы — царь міра, его гордость и украшеніе. Вы — богъ всего живущаго. Все, что вы видите, слышите, чувствуете, принадлежитъ вамъ. Дѣлайте, что хотите. Берите все, что вамъ нравится», — а другіе, рядомъ съ ними, называли себя рабами Господа и были готовы служить Богу и людямъ.

Невозможно, чтобъ одни «октябрили» дѣтей и давали имъ клички «Совнаркомъ» или «Ленина», а другіе тутъ же крестили ихъ святымъ крещеніемъ, давая имъ имена угодниковъ Божіихъ.

Такое государство, такое общество неминуемо погибнуть въ ненависти, злобѣ, враждѣ и чудовищномъ развратѣ. Порочные инстинкты возьмутъ верхъ и начнется неслыханное истребленіе во имя своего «я» всѣхъ иначе мыслящихъ.

Только моральное, божественное ученіе, проповѣданное Христомъ, Магометомъ или Буддою, способно внести тѣ сдерживающія начала, которыя дѣлаютъ мыслимымъ человѣческое общежитіе, даютъ возможность работать и воспитывать общество и въ немъ создавать боеспособную армію.

Въ Россіи такую силою до послѣдняго времени была вѣра въ Единого Бога: — христіанская православная вѣра, покровительствуемая Императорскимъ правительствомъ у Русскихъ, магометанская, не менѣе покровительствуемая тѣмъ же правительствомъ, у Рускоподданныхъ магометанъ и буддійская — у буддистовъ. Въ столицѣ Россіи были храмы православные, старообрядческіе, католическіе, лютеранскіе, протестантскіе, магометанскія мечети и буддійскія кумирни. Ибо Богъ былъ одинъ и высока была его мораль.

Гр. Л. Н. Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ» описываетъ, какъ передъ Бородинскимъ сраженіемъ, на полѣ, гдѣ солдаты и ополченцы устраиваются для боя, служатъ молебень передъ иконой Смоленской Божіей Матери.

...«Изъ-подъ горы отъ Бородина поднималось церковное шествіе. Впереди всѣхъ по пыльной дорогѣ стройно шла пѣхота съ снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пѣхоты слышалось церковное пѣніе.

«Обгоняя Пьера, безъ шапокъ бѣжали навстрѣчу идущимъ солдаты и ополченцы.

— «Матушку несутъ! Заступницу!.. Иверскую.

— «Смоленскую матушку, — поправиль другой.

«Ополченцы, и тѣ, которые были въ деревнѣ, и тѣ, которые работали на батареѣ, побросавъ лопаты, побѣжали навстрѣчу церковному шествію. За батальономъ, шедшимъ по пыльной дорогѣ, шли въ ризахъ священники, — одинъ старичокъ въ клобукѣ съ причтомъ и пѣвчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, съ чернымъ ликомъ, въ окладѣ, икону. Это была икона, вывезенная изъ Смоленска и съ того времени возимая за арміей. За иконой — кругомъ ея, впереди ея, со всѣхъ сторонъ — шли, бѣжали и кланялись въ землю съ обнаженными головами толпы военныхъ.

«Взойдя на гору, икона остановилась; державшіе на полотенцахъ икону люди перемѣнились, дьячки зажгли вновь кадила, и начался молебень. Жаркіе лучи солнца били отвѣсно сверху; слабый свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона; пѣніе негромко раздавалось подъ открытымъ небомъ. Огромная толпа, съ открытыми головами, офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала икону. Позади священника и дьячка на очищенномъ мѣстѣ стояли чиновные люди. Одинъ плѣшивый генераль съ Георгіемъ на шеѣ стоялъ прямо за спиной священника и, не крестясь (очевидно, нѣмецъ), терпѣливо дожидался конца молебна, который онъ считалъ нужнымъ выслушать, вѣроятно, для возбужденія патріотизма русскаго народа. Другой генераль стоялъ

въ воинственной позѣ и потряхиваль рукой передъ грудью, оглядываясь вокругъ себя. Между этимъ чиновнымъ кружкомъ Пьеръ, стоявшій въ толпѣ мужиковъ, узналъ нѣкоторыхъ знакомыхъ; но онъ не смотрѣлъ на нихъ: все вниманіе его было поглощено серьезнымъ выраженіемъ лицъ солдатъ и ополченцевъ, однообразно жадно смотрѣвшихъ на икону. Какъ только уставшіе дьячки (пѣвшіе двадцатый молебень) начинали лѣниво и привычно пѣть: «спаси отъ бѣды рабы Твоя, Богородице», и священникъ и дьяконъ подхватывали: — «яко вси по Бозѣ къ Тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимѣй стѣнѣ и предстательству» — на всѣхъ лицахъ вспыхивало опять то же выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты, которое онъ видѣлъ подъ горой, въ Можайскѣ и урывками на многихъ и многихъ лицахъ, встрѣченныхъ имъ въ это утро; и чаще опускались головы, встряхивались волосы и слышались вздохи и удары крестовъ по грудямъ»...^{*)})

Во время Мукденскаго сраженія въ Японскую войну, въ февралѣ 1905 года нѣкоторыя наши части были при отступленіи совершенно окружены японцами.

Масса людей и обозовъ сбилась въ оврагѣ, но выйти изъ него не могла, такъ какъ у выхода въ деревнѣ засѣли японцы. Тутъ же была группа со знаменемъ. Люди совершенно пали духомъ и лежали безучастно, укрываясь скатами оврага отъ пуль. Было нѣсколько разрозненныхъ попытокъ, но всѣ онѣ разбивались объ огонь японцевъ. Никакія убѣжденія и команды не дѣйствовали. Но вотъ кто-то, кажется, унтеръ-офицеръ, выскочилъ быстро навверхъ.

Въ рукахъ его мелькалъ блестящій большой крестъ. Откуда взялся этотъ крестъ, трудно сказать. Върояно, онъ принадлежалъ походной церкви.

Унтеръ-офицеръ этотъ кричалъ: — «братцы, пойдемъ за крестомъ! За знаменемъ!»

Кто-то крикнулъ:

— Знамя! Выручай! Знамя пропадаетъ!

*) Гр. Л. Н. Толстой. «Война и Миръ». Изд. Ладыжникова. Томъ III. Стр. 268—269.

И случилось что-то необычайное: множество людей сняли папачи и, перекрестясь, быстро ринулись наверхъ, увлекая всѣхъ за собою.

Безъ криковъ ура, молча, масса кинулась на заборы и валы, занятые японцами. Слышенъ былъ лишь топотъ бѣгущей толпы да ея тяжелое дыханіе.

Японцы оторопѣли и, прекративъ стрѣльбу, бросились назадъ. Говорили, что наши въ изступленіи изломали японскіе пулеметы руками.

Черезъ минуту огромная колонна безпрепятственно ползла изъ рокового оврага.*)

Что же сдѣлало нашихъ солдатъ и ополченцевъ 1812 года такими, что наканунѣ смертнаго боя при пѣннн молебна на ихъ лицахъ «вспыхивало выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты» и что всѣ они «серьезно, однообразно жадно смотрѣли на чудотворную икону?»

Что сдѣлало нашихъ солдатъ 1905 года такими, что, когда никакія увѣщанія и команды на нихъ не дѣйствовали, показали имъ крестъ, крикнули: — «братцы! пойдемъ за крестомъ, за знаменемъ!» — они рванули на бой и на смерть, какъ одинъ человекъ?

Не уроки Закона Божьяго, ибо большинство ихъ не знало. Не изученіе религіи въ религіозно-философскихъ обществахъ, ибо ихъ тогда не было, да, если-бъ и были, народъ тамъ не бываетъ, но привитіе вѣры всѣмъ бытомъ нашей Русской жизни.

Эта глубокая, страстная вѣра возникла еще тогда, когда безсознательными младенцами лежали они въ колыбели и надъ ними молилась ихъ мать, когда въ первый разъ изъ темной, дымной хаты попали они въ храмъ, въ сіяніе золота иконъ и въ блескъ свѣчей. Они восприняли эту вѣру съ молитвой, съ крестнымъ знаменіемъ, съ молебнымъ пѣніемъ, съ постами и розговѣнами, съ исповѣдью и причащеніемъ, съ утихшей тоской у могилы близкаго человека. Они впитывали эту вѣру, какъ губка влагу, въ тысячѣ мелкихъ, часто незамѣтныхъ подробностей жизни. Какъ тѣло гимна-

*) Прошевъ. «Нѣчто о духовномъ элементѣ».

стикой, такъ они душу свою воспитали и развили въ этой вѣрѣ.

Эту работу нашихъ предковъ, эту болѣе чѣмъ тысячелѣтнюю правду нашей, нашими дѣдами созданной, несказанной красоты Православной церкви мы должны отстаивать, не щадя жизни, продолжать и развивать: — это нашъ первый Русскій долгъ.

Насаждая въ арміи религиозное чувство въ ея солдатахъ, мы должны параллельно развивать въ нихъ патриотизмъ, любовь къ отечеству и народную гордость. Мы должны доводить въ нихъ исполненіе ихъ долга до высшаго напряженія — до готовности отдать все: — и карьеру, и имущество, и самую жизнь во имя долга. Мы должны развивать въ нихъ величайшія воинскія доблести — храбрость и мужество!

И это развитіе въ солдатѣ солдатской добродѣтели должно идти не только словеснымъ обученіемъ, но такъ же, какъ религиозное воспитаніе челоуѣка, — всею жизнью, всѣмъ бытомъ, всѣмъ ритуаломъ военной службы, безъ котораго, одними уроками, однимъ обученіемъ мы никогда не создадимъ храбраго, доблестнаго воина.

XVII.

ВОСПИТАНІЕ СОЛДАТА.

Темный корридоръ старой бревенчатой казармы. Поздній вечеръ. Барабанъ только что пробилъ вечернюю зорю. Масляныя чадящія лампы едва разгоняютъ сумракъ. Въ ихъ свѣтѣ тяжелыми и грубыми кажутся шеренги вытянувшихся на перекличку солдатъ. Тускло мерцаютъ мѣдныя Екатерининскія каски. Тамъ намѣтится плечо кафтана, тамъ край тяжелаго сапога. Люди устали за день экзерцицій, муштровки и караула, люди промерзли на Русскомъ морозѣ. Вѣско, медленно и тяжело, точно удары молота по наковальнѣ, бьютъ слова, упаядая на душу чеканящими ударами. Ихъ вычитываетъ офицеръ по Суворовскому наказу. Капраль

держитъ ночникъ надъ листкомъ съ приказомъ. Эти слова вычитываютъ послѣ всякаго большого ученья, послѣ всякаго маневра и ночью передъ общей молитвой:

— Субординація... экзерциція... дисциплина... Чистота... здоровье... опрятность... Бодрость... смѣлость... храбрость... Побѣда... Слава! Слава! Слава!..

Такъ вколачивалось въ солдатскіе мозги основаніе воинской службы и становилось крѣпкимъ, какъ молитва.

Субординація... дисциплина... Не только уставы: — внутренней службы съ его параграфами о начальникахъ и старшихъ, объ отданіи чести и внутреннемъ воинскомъ порядкѣ, дисциплинарный уставъ съ его воинскими проступками и наказаніями и уставъ караульной службы,—не мелочное ихъ изученіе, но мелочное ихъ исполненіе дѣйствуютъ на человѣческую душу и воспитываютъ изъ человѣка — солдата.

Субординація... Въ современную армію съ партіей новобранцевъ приходятъ разные люди. Придутъ простые, честные и вѣрующіе люди. Но придутъ и социалисты, и доморощенные политики, и недоучки, нахватавшіеся изъ газетъ и грошовыхъ брошюръ грошовой мудрости. Толкуй такому объ обязанностяхъ солдата, о его воинскомъ долгѣ! У него своя наука на умѣ. Онъ думаетъ, что онъ все знаетъ, и онъ привыкъ за словомъ въ карманъ не лазить. Попробуйте начать объяснять и убѣждать, — онъ самъ васъ иной разъ такъ разъяснитъ, что не сразу найдете, какъ отвѣтить. Тутъ на помощь и является воинскій порядокъ, та субординація, которая заставляетъ даже окружающую толпу притихнуть.

Команда: — смирно!.. Смолкли разговоры. Люди стали въ струнку... Вытянулись неподвижно.

— Равняйсь!..

Шеренги приняли красивую стройность. Ихъ мелко выравниваетъ унтеръ-офицеръ. Опять команда: — смирно! Равненіе направо!

Головы подняты, повернуты направо. Лѣвое ухо ниже, подбородки кверху. Всѣ глаза на начальника.

Что это? Отданіе чести офицеру? Возвеличеніе молодого «его благородія» передъ «сѣрой скотинкой»?

Нѣтъ... Это начало той субординаціи, которая постепенно войдетъ въ солдатскую душу. На однихъ это произведетъ впечатлѣніе бѣготы, огорошитъ ихъ, собьетъ ихъ съ ихъ горделивой позиціи, гдѣ они чувствовали себя «богами», которымъ все позволено, другихъ заставить серьезно взглянуть въ свое, можетъ быть, слишкомъ приниженное «я», а всѣхъ вмѣстѣ заставить почувствовать себя уже не самими собою, а какимъ-то коллективнымъ «я», — «взводомъ», ощутить въ себѣ общую, сильную душу, податливую на внушеніе начальника, познать себя солдатами.

Чѣмъ выше начальникъ — тѣмъ впечатлѣніе, производимое имъ на строй должно быть сильнѣе. Музыканты и барабанщики приготовили и продули инструменты. Все встрепенулось. Команды слѣдуютъ за командами. Люди выравниваются, тянутся, стараются. Строгіе подпоручики и поручики обращаются въ песчинки, которыя то подають на полъ-носки впередъ, то осаживаютъ чуть-чуть назадъ. Грозные ротные замерли на своихъ мѣстахъ. Старшій штабъ-офицеръ волнуется. Наконецъ — послѣдняя команда:

— Господа офицеры!

Плавню грянуль оркестръ полковой маршъ и передъ полкомъ появляется командиръ полка.

Это не просто человѣкъ. Не Егоръ Степановичъ, котораго вы вчера обыграли въ бриджъ, не толстый старый человѣкъ, которому деньщикъ дома снимаетъ сапоги, ибо у него ноги не гнутся, не баринъ, не буржуй, не «врагъ трудового народа», но: — командиръ полка. Человѣкъ, который со всей этой массой можетъ сдѣлать все, что угодно. Можетъ повести на смерть, можетъ загонять на плацу до седьмого пота, можетъ наградить, накормить, напоить и можетъ заставить терпѣть холодъ и голодъ.

Это сознаніе подчиненности командиру сливается со звуками полкового марша, съ торжественнымъ рапортомъ штабъ-офицера, съ дружнымъ отвѣтомъ на привѣтствіе перваго батальона. Это обрядъ, это ри-

туаль, который поднимает, волнует, возбуждает какія-то чувства, а въ общемъ внушаетъ толпѣ вѣру въ начальника, начальнику же увѣренность въ людяхъ. Уберите эти мелочи, упростите обрядъ, — и уже не тотъ станетъ командиръ и не тотъ полкъ. Суворовъ былъ врагомъ излишней муштры и парада. Суворовъ былъ сторонникъ простоты обученія. Однако, какъ тонко понималъ онъ этотъ ритуальъ появленія начальника передъ солдатами! Тутъ онъ обдумывалъ все:— свой костюмъ, аллюръ лошади, что и какъ кому сказать, — самый звукъ своего голоса.

Въ Италію на подкрѣпленіе арміи Суворова въ 1799 году прибыли пополненія. Суворовъ назначилъ имъ смотръ у города Пьяченцы. Вотъ какъ описываетъ этотъ смотръ и свои чувства очевидецъ:

... — «Всѣ ожидали непобѣдимаго и съ нетерпѣніемъ смотрѣли въ ту сторону, откуда онъ долженъ былъ ѣхать. Стѣны города Пьяченцы покрыты были сплошною толпою горожанъ и раненыхъ французовъ.

«И вотъ: — пыль столбомъ по пути, и вотъ онъ, отецъ нашъ Александръ Васильевичъ! Онъ прямо и широко ѣхалъ къ намъ верхомъ на лошади, окруженный многочисленною свитою. Если бы не святая дисциплина, удержавшая въ рядахъ строя ратниковъ, — то все войско кинулось бы къ нему навстрѣчу! И вотъ онъ подъѣхалъ къ серединѣ корпуса, остановился, взглянулъ своимъ орлинымъ взоромъ, — громко сказалъ: «здравствуйте, братцы! — чудо богатыри! — старые товарищи!—здравствуйте!!..» И отвѣтъ ратниковъ, какъ сильная буря, вырвавшись изъ ущелья горъ, какъ раскатъ грома, огласилъ окрестности:—«здравія желаемъ, отецъ батюшка!» — Наконецъ, голосъ ратниковъ «ура!» покрылъ все. Александръ Васильевичъ широко проѣхалъ по линіи войскъ, привѣтствуя ихъ: — «здравствуйте, чудо богатыри! Русскіе! Братцы! Здравствуйте!» И тогда-то приказалъ начать примѣрное сраженіе по методѣ его.

«Примѣръ сраженія продолжался не болѣе часа, натискъ и ударъ въ штыки. Затѣмъ войска остановились въ колоннахъ. Александръ Васильевичъ пріѣхалъ

къ нимъ. Всѣ полки и батальоны сомкнулись густо и сблизились къ мѣсту, гдѣ былъ непобѣдимый. Говорилъ рѣчь войскамъ о побѣдахъ надъ французами, и рѣчь его была коротка; помянулъ о побѣдахъ, давно бывшихъ надъ врагами, и въ заключеніе сказалъ: «побьемъ французовъ безбожниковъ! Въ Парижѣ возстановимъ по прежнему вѣру въ Бога милостиваго; очистимъ беззаконіе! Сослужимъ службу Царскую — и намъ честь, и намъ слава!.. Братцы! Вы богатыри!.. Непрiятель отъ васъ дрожитъ!.. Вы Русскіе!..» И крики десятковъ тысячъ ратниковъ: «рады стараться! Веди насъ, отецъ нашъ, готовы радостно!.. веди, веди, веди! Ура!!» — огласили окрестности Пяченцы.

«Александръ Васильевичъ поѣхалъ отъ насъ, и вслѣдъ за нимъ начальники полковъ и батальоновъ повели старыхъ его знакомыхъ ратниковъ. О какъ радостны возвратились къ намъ наши старики, чего они не говорили намъ! Ихъ было человекъ около полусотни, и почти всѣхъ по именамъ зналъ Александръ Васильевичъ; и всѣ съ нимъ были въ Крыму, на Кубани, на Прутѣ, при Римникѣ, на Дунаѣ и въ Польшѣ; и со всѣми онъ говорилъ, и всякому далъ свое слово ласковое. Послѣ того онъ сказать изволилъ: «прощайте, братцы, покудова! Увидимся!.. Кланяйтесь отъ меня всѣмъ, всѣмъ чудо-богатырямъ! Помилуй Богъ!.. Мы — Русскіе!..»

И сколько приѣзжало потомъ къ русской солдатской толпѣ вождей на красныхъ лимузинахъ и Панкардахъ, украшенныхъ красными флагами, и вожди, стоя на подушкахъ, говорили длинныя рѣчи, обращаясь къ «самой свободной въ мірѣ арміи», а зажечь толпы не умѣли. И, расходясь, говорили солдаты самой свободной арміи:

— На чорта мнѣ земля и свобода, если меня убьютъ и я ничего этого не увижу? Нѣтъ, шалишь, повоевали и будя!..

Въ чемъ же была сила стараго вождя и начальника, Александра Васильевича Суворова?

Конечно, прежде всего въ томъ, что онъ былъ для всѣхъ, кто его ожидалъ,—«непобѣдимый». Оба-

яніе его имени было такъ велико, что тотъ, кто пишетъ, называетъ его просто — «отецъ нашъ», «Александръ Васильевичъ» — ибо кто не зналъ въ тогдашней Павловской Россіи, кто такой Александръ Васильевичъ?

Суворовъ зналъ, что удивить толпу — это ее побѣдить. Онъ ѣдетъ верхомъ и «шибко», — а ему тогда было шестьдесятъ девять лѣтъ и ему это было нелегко. Онъ окруженъ большою свитою. Суворовъ былъ небольшого роста, сухъ и некрасивъ. Онъ не появлялся никогда на большой голштинской лошади. — Зналъ, что на ней онъ будетъ смѣшонъ. Онъ ѣздилъ на небольшой и шустрой казачьей лошади съ пріемомъ лихого наѣздника. И одѣвался онъ оригинально, по своему. Съ лентою на шеѣ и большимъ Мальтійскимъ крестомъ на груди, онъ сразу поражалъ вниманіе. Большіе глаза его блистали вдохновеніемъ. Отъ него какъ бы шелъ токъ къ его солдатамъ. Современникъ пишетъ о немъ: «взглянулъ своимъ орлинымъ взоромъ, громко сказалъ: здравствуйте братцы»...У Суворова на полѣ передъ солдатами былъ свой силуэтъ. Такой же свой, собственный силуэтъ, образъ, вліяющій на толпу, имѣли и всѣ великіе полководцы.

Наполеонъ былъ малаго роста, такого малаго, что, когда смотришь въ музеяхъ и во дворцахъ Франціи его постель и ванну, не вѣришь, что это вещи взрослого человѣка. Но онъ былъ «великій» и онъ зналъ, что онъ и казаться долженъ такимъ. Треугольная большая, особая, Наполеоновская, незабываемая шляпа, всегда одинъ и тотъ же скромный артиллерійскій мундиръ и сѣрый походный сюртукъ. Прекрасная, но маленькая, подъ ростъ, арабская лошадь.

Его маршалы переняли отъ него это значеніе внѣшняго вида. Одѣвался въ страусовыя перья, носилъ пестрый, золотомъ расшитый ментикъ король Неаполитанскій Мюратъ, былъ тяжело скромень рослый Даву. Самыя званія и титулы, данныя маршаламъ Наполеономъ, поражали войска. Все короли и герцоги!.. Все величества и свѣтлости!..

Скобелевъ понималъ, что бѣлый китель, бѣлая лошадь, иногда въ холодъ распахнутое на груди пальто съ алыми генеральскими лацканами — внушаютъ солдатской толпѣ мысль о его безстрашии, влекутъ солдата за нимъ. Онъ былъ — «бѣлый генераль!»

Начальникъ 10-й кавалерійской дивизіи въ Великую войну, графъ Келлеръ, на росломъ конѣ, подъ своимъ сине-желтымъ значкомъ, съ сіяющимъ свѣтлымъ лицомъ вѣзжалъ въ стрѣлковыя цѣпи и ласково говорилъ солдатамъ два, три слова.

«Заговорѣнный» — говорили солдаты.

Въ самомъ словѣ было уваженіе къ нему, готовность идти за нимъ.

Суворовъ говоритъ немного. Онъ не обѣщаетъ ни земли, ни воли, онъ не сулитъ ни крестовъ, ни наградъ. Онъ знаетъ цѣну земнымъ наградамъ: — «все суета суетъ». Онъ говоритъ о невѣсомомъ, духовномъ и безсмертномъ. — «Побьемъ французовъ-безбожниковъ! Въ Парижѣ возстановимъ по прежнему вѣру въ Бога милостиваго; очистимъ беззаконіе! Сослужимъ службу царскую — и намъ честь! И намъ слава! Братцы! Вы богатыри!.. Непрiятель отъ васъ дрожить! Вы Русскіе!»...

Судьба отняла отъ насъ все нажитое. Она лишила насъ имущества, сорвала безжалостною рукою офицерскіе погоны, загнала въ мастерскія заводовъ, къ рулю такси, въ подземныя угольныя шахты. Она изгнала насъ изъ Родины. Но развѣ могла она лишить насъ нашего офицерскаго званія? Сознанія, что мы — офицеры? Развѣ лишила она нашихъ прошлыхъ побѣдъ, нашей чести и славы? И этого никто, никогда отнять не можетъ, — это есть то вѣчное, о чемъ всегда говорилъ и повторялъ Суворовъ, что внушалъ ежедневно, послѣ каждаго ученія, передъ вечерней переключкой и утромъ, когда люди только что встали.

— Слава... Слава... Слава...

П Р И К А З Ъ.

Войска видѣли вождя. Зрительное впечатлѣніе отразилось въ ихъ душахъ. Надо, чтобы образъ вождя запечатлѣлся дальше, проникъ въ ихъ разумъ и покорилъ его. Убѣжденное, страстное слово вождя, его приказъ должны сдѣлать это и покорить и тѣхъ, кто почему-нибудь его не видѣлъ, не разсмотрѣлъ, кто его не слышалъ. Это слово дойдетъ до солдатской души только тогда, когда говорящій самъ будетъ проникнуть глубокой вѣрою въ то, что онъ говоритъ.

Генераль Вонналъ въ своей книгѣ «Военная психологія Наполеона» пишетъ: — Чтобы возбудить другихъ, нужно самому горѣть тѣмъ же священнымъ огнемъ. Никогда ни одинъ военный начальникъ не умѣлъ такъ гальванизировать свои войска, какъ генераль, ставшій императоромъ и котораго солдаты называли фамильярно «бритымъ»...*)).

Слова и манеру короткихъ, отрывистыхъ, почти истерическихъ фразъ Наполеона старался повторить Керенскій. Онъ ничего не достигъ. Наполеонъ имѣлъ вѣру такую въ свои слова, которая и горами движетъ. Керенскій говорилъ на вѣтеръ, для себя, самъ ни во что не вѣря.

Какою златокованною, мудрою, великою силою звучать слова знаменитаго приказа Петра Великаго передъ Полтавскимъ сраженіемъ, долженствовавшимъ рѣшить судьбы Россіи.

... «Воины!» — писалъ Петръ, — «пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбы отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ смущать слава непобѣдимости непріятели, которой ложь вы доказали не разъ своими побѣдами. Имѣйте

*) General Bonnal. „La psychologie militaire de Napoleon“. La Revue hebdomadaire. № 8. Fevrier 1908. Page 433.

въ сраженіи передь собой правду и Бога, Защитника вашего, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія во славу и благоденствіи для благосостоянія вашего».

Три царскія пули, о которыхъ поетъ солдатская пѣсня —

Было дѣло подь Полтавой...

Сотни лѣтъ еще пройдутъ.

Эти царскія три пули

Въ сердцахъ Русскихъ не умрутъ —

показали солдатамъ, что Петръ, когда писалъ свой приказъ, горѣлъ страстною, все забывающею и все презирающею вѣрою въ побѣду и эту вѣру могъ и умѣлъ внушить своимъ солдатамъ — побѣдителямъ подь Полтавой.

Воспитанные Суворовымъ офицеры умѣли отдавать приказы такъ, что они вели солдатъ къ побѣдѣ.

Въ приказѣ Азовскому мушкатерскому полку о штурмѣ Праги 24-го октября 1794-го года значится:

... «Его Сіятельство графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ приказалъ: —

«1. — Взять штурмомъ Прагскій ретраншаментъ.

«И для того: —

«2. — На мѣстѣ полкъ устроится въ колонну по-ротно. Охотники со своими начальниками стануть впереди колонны, а съ ними рабочіе. Они понесутъ плетни для закрытія волчьихъ ямъ передь вражескимъ укрѣпленіемъ, фашинникъ для закидки рва и лѣстницы, чтобы лѣзть изъ рва черезъ валъ. Людямъ съ шанцевымъ инструментомъ быть подь началомъ особаго офицера и стать на правомъ флангѣ колонны. У рабочихъ ружья черезъ плечо на погонномъ ремнѣ. Съ нами егеря Бѣлоруссы и Лифляндцы. Они у насъ направо.

«3. Когда пойдемъ, воинамъ идти въ тишинѣ, не говорить ни слова, не стрѣлять.

«4. Подошелъ къ укрѣпленію, кинуться впередь быстро, по приказу кричать «ура»!

«5. Подошли ко рву, — ни секунды не медля, бросай въ него фашинникъ, спускайся въ него, и ставь къ валу лѣстницы; охотинки стрѣлай врага по головамъ — шибко, скоро, пара за парой лѣзь. Коротка лѣстница? Штыкъ въ валъ — лѣзь по немъ, другой, третій. Товарищъ товарища обороняй. Ставши на валъ, опрокидывай штыкомъ непріятеля и мгновенно стройся за валомъ.

«6. Стрѣльбой не заниматься; безъ нужды не стрѣлять; бить и гнать врага штыкомъ; работать быстро, споро, храбро — по Русски. Держаться своихъ, въ середину; отъ начальниковъ не отставать. Вездѣ фронтъ.

«7. Въ дома не забѣгать; непріятеля, просящаго пощады — щадить; безоружныхъ не убивать; съ бабами не воевать; малолѣтковъ не трогать.

«8. Кого изъ насъ убьютъ, — Царство Небесное; живымъ — слава, слава, слава!» *).

Приказъ былъ разосланъ по ротамъ въ 7 часовъ вечера наканунѣ штурма. Его читали передъ строемъ «для вразумительности» три раза.

Въ немъ все ясно, все безъ колебанія, безъ сомнѣнія.

«Суворовъ приказалъ взять штурмомъ Прагу». — Внушена мысль — и возьмутъ. Есть сомнѣнія: — коротка лѣстница? — «штыкъ въ валъ. Лѣзь по немъ». Драться какъ? — «храбро — по Русски!» Награда за подвигъ? — «мертвымъ Царство Небесное, живымъ — слава!»

Все невѣсомое, все душевное, все высокое, духъ поднимающее!!

Суворовъ говорилъ солдатамъ: «Русскіе не могутъ отступать. Непріятель отъ васъ дрожитъ». — Внушеніе мощи, силы, сознанія непобѣдимости.

Донской герой Баклановъ писалъ казакамъ: — «Покажи врагамъ, что думка твоя не о жизни, а о славѣ и чести донского казачества».

*) Генераль Головинъ. Тактика въ задачахъ. Стр. 98—99.

Скобелевъ обратился къ батальону, который онъ посылалъ въ атаку: — «Братцы, я посылаю васъ на смерть. Видите позицію? Взять ее нельзя. Да я брать ее и не думаю. Но нужно, чтобы турки перебро-сили туда всѣ свои силы, а я тѣмъ временемъ ударю имъ въ центръ. Вы дадите Россіи побѣду. Смерть ваша будетъ честной, славной смертью!»

Бодрымъ, могучимъ «ура» — отвѣтилъ батальонъ, посылаемый на смерть, и бросился въ атаку.

Теперь приказанія часто отдають по телеграфу и телефону. Но и на телеграфной лентѣ и въ дрожаніи телефонной мембраны не можетъ и не должно быть колебанія. Офицерамъ изъ цѣпи придется говорить до-несенія по телефону. Ихъ слышитъ телефонистъ, ихъ слышатъ солдаты, каждое слово, тонъ голоса вліяетъ на нихъ и внушаетъ имъ или чувства страха, или чувства непобѣдимости.

Когда въ Великую войну я командовалъ полкомъ, я находился въ бою, или въ цѣпяхъ, или при сотенныхъ поддержкахъ. Начальникъ штаба дивизіи спрашивалъ меня по телефону — «какова обстановка?»

— Великолѣпно, — неизмѣнно отвѣчалъ я, когда до великолѣпія часто было далеко. Но это слово — вычурное и блестящее, я видѣлъ, отражалось на лицахъ телефонистовъ и ординарцевъ.

Старая Россія звала солдатъ на подвигъ: — «За вѣ-ру, царя и отечество!»

Эти лозунги были изображены на знаменахъ. На старыхъ побѣдныхъ знаменахъ не стояло ни «земля и воля», ни «миръ хижинамъ — война дворцамъ». Съ нихъ смотрѣли нерукотворный ликъ Спасителя или Божія Матерь съ младенцемъ. На нихъ былъ крестъ — эмблема мученической кончины и прообразъ вос-кресенія, на нихъ чернѣлъ пестрыми шелками расши-тый двуглавый орелъ и сверкалъ Государевъ вензель. Съ этими великими лозунгами наши полки побывали въ Берлинѣ и въ Парижѣ, стояли въ Миланѣ и въ Вѣ-нѣ, взяли приступомъ Варшаву, Измаиль, Карсъ и Ге-окъ-Тепе, стояли грозными побѣдителями у стѣнъ Кон-стантинополя.

З Н А М Я.

Но, можетъ быть, все это уже отжило? Можетъ быть, на смѣну духовнымъ, патріотическимъ лозунгамъ пришли иные призывы, обѣщанія матеріальныхъ благъ? Быть можетъ, современный безбожный и безвѣрный народъ надо звать на бой и къ побѣдѣ другими словами? Можетъ быть, теперь и самое знамя стало смѣшнымъ и ненужнымъ пережиткомъ старины и ему мѣсто въ музей, а не передъ строемъ полка? Посмотримъ, что такое знамя въ сегодняшней республиканской Франціи, полной антимилицаристовъ, социалистовъ и безбожниковъ.

Полковникъ Lebaud, въ только что вышедшей (въ 1927 году) книгѣ «Education morale du Soldat de Demail» пишетъ о знамени:

«Знамя — полотнище, сшитое изъ трехъ кусковъ матеріи, національныхъ цвѣтовъ Франціи, прикрѣпленное къ древку. Знамя высокой символъ—символь Родины. Тамъ, гдѣ оно развѣвается, — тамъ Франція. Въ колоніяхъ, за границей, на морѣ — оно воплощаетъ родную землю, ея равнины и горы, ея пастбища и лѣса, ея рѣки... ея славную исторію, ея идеалы права и правосудія.

«Знамя — эмблема чести полка. Знамя — эмблема чести тѣхъ, кто собрался подъ нимъ. Самое прекрасное выявленіе чести — защита Родины. Защита Родины, не только жертвуя ей свою жизнь, — это еще не такъ трудно, — но постоянно работая и дѣйствуя для ея процвѣтанія, для ея величія, что еще труднѣе.

«Честь и Родина — два слова, двѣ тѣсно связанныхъ между собою идеи, начертаны золотыми буквами на знамени. Этими идеями должны руководствоваться солдатъ, служащій въ арміи и всякій гражданинъ, служа своей Родинѣ.

«Значеніе знамени громадно. Въ нашей, такой низкой и прозаической жизни, гдѣ, кажется, все направлено только къ удовлетворенію матеріальныхъ

потребностей, знамя существуетъ для того, чтобы поднять нашу душу своею отвлеченною красотой. Знамя — душа полка. Знамя душа того общества, которое его имѣетъ. Знамя поддерживаетъ людей въ исполненіи ихъ долга, знамя заставляетъ ихъ стремиться къ идеалу. Какой же солдатъ, или будущій солдатъ не имѣетъ вѣры въ свое знамя?..» «Кто любитъ Родину, въ комъ не заглохло понятіе о чести, тотъ не остановится только на томъ, что изображено на знамени. Знамя побудитъ его къ возвышеннымъ мыслямъ, знамя заставитъ его дѣлать благородные поступки. Понявъ любовь ко всей Родинѣ, человѣкъ научится любить и каждаго гражданина этой Родины. Онъ не будетъ платонически говорить объ этой любви, но примѣнитъ ее на дѣлѣ. Привыкнувъ поступать честно, онъ и во всей своей жизни будетъ вести себя достойно человѣка и гражданина. Такимъ образомъ знамя приучаетъ всѣхъ тѣхъ, кто понимаетъ его высокое значеніе, вести высоко-нравственную жизнь.

«Отсюда понятно, что этотъ «кусочекъ матеріи» долженъ быть почитаемъ священнымъ и подлинно неприкосновеннымъ. Сдача знамени — безчестіе для полка. Каждый человѣкъ долженъ жертвовать своею жизнью на защиту знамени. Его охрана составляетъ изъ самыхъ храбрыхъ солдатъ полка. Мы же должны всѣми средствами стараться овладѣть знаменемъ противника, потому что это внесетъ упадокъ духа въ его ряды. Взятіе знамени у противника — блестящій подвигъ солдата, взявшаго знамя. Лучи его славы падаютъ на весь полкъ. Знамя такого полка украшается за геройство его солдата. За отличное поведеніе солдата въ бою на знамя вѣшается разноцвѣтный шнуръ, подобный аксельбанту. Спортивные общества вѣшаютъ на свои знамена медали и ордена, полученные ихъ членами на состязаніяхъ.

«Знаменамъ оказываютъ особыя почести. Какое сильное впечатлѣніе производитъ на всѣхъ появленіе знамени, сопровождаемаго почетнымъ взводомъ! Полкъ ждетъ его неподвижно. Когда полковникъ салютуетъ знамени, трепеть патриотизма охватываетъ

всѣхъ присутствующихъ. Самые пресыщенные люди, присутствующіе на этой церемоніи сотни разъ, всегда бываютъ растроганы не менѣе молодыхъ конскриптовъ.

«Есть ли такой интернаціоналистъ, у котораго не забилось бы сердце при видѣ «Salut aux couleurs» на морѣ или въ чужой сторонѣ?

«Солдаты обязаны отдавать воинскую честь проходящему знамени и мало кто изъ гражданъ не сниметъ передъ нимъ шляпы. Почитаніе знамени вкоренилось въ нашей странѣ.

«Роль знамени — связать настоящее съ прошлымъ и сдѣлать будущее достойнымъ нашей славной исторіи.

«Изображеніе на знамени именъ прошлыхъ побѣдъ имѣетъ цѣлью внушить молодымъ поколѣніямъ желаніе слѣдовать примѣру предковъ. «Пуалю» великой войны доказали, что они воспользовались этимъ урокомъ»... *).

Такъ прекрасно и вдохновенно въ наши дни пишетъ о знамени французъ, полковникъ Лебо. Онъ смѣшиваетъ въ одно три разныхъ по нашему понятію предмета: — знамя, національный флагъ и значекъ спортивного или цѣхового общества. Мы эти предметы въ прошломъ различали. Въ опредѣленіи знамени мы не расходимся съ французами. «Знамя», — учили мы солдатъ въ старой Императорской арміи, — «есть священная воинская хоругвь, подъ которою собираются всѣ вѣрные своему долгу воины и съ которою они слѣдуютъ въ бой со врагомъ. Знамя должно напоминать солдату, что онъ присягалъ служить Государю и Родинѣ до потери самой жизни. Величайшій позоръ для части — потерять свое знамя. Такая часть подвергается расформированію, а люди, которымъ непосредственно была ввѣрена охрана знамени, предаются смертной казни черезъ разстрѣліаніе».

Знамя встрѣчалось у насъ съ большими почестями. Полкъ бралъ «на караулъ», офицеры салютовали, му-

*) Colonel Lebaud. Education moral du „Soldat de Demain“. Pages 72-75

зыка играла и барабанщики били «походъ». Въ Туркестанскомъ военномъ округѣ со временъ Скобелева знамя встрѣчали громовыми криками ура! Это сильно дѣйствовало на туземцевъ. И у насъ встрѣчному знамени всѣ военнотружашіе становились во фронтъ, и у насъ рѣдко кто (особенно простые люди) не обнажалъ головы передъ знаменемъ. Я шесть лѣтъ былъ полковымъ адъютантомъ Л. Гв. Атаманскаго полка. Нашъ штандартъ стоялъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Сколько разъ мнѣ приходилось брать его оттуда на парады и церемоніи. И всякій разъ какое-то необъяснимое волненіе охватывало меня, когда я снималъ съ него кожаный, тяжелый чехоль, раскутывалъ замшевую покрывку и изъ-подъ нея показывались истлѣвающіе куски тяжелой парчи, расшитой шелками и серебромъ. Точно живой организмъ появлялся передо мною и говорилъ что-то страшное и безсмертное, говорилъ о смерти и воскресеніи.

«Бородино... Феръ-Шампенуазъ... Парижъ... Варшава... 1775—1875 г.г.» Что же испытывали тѣ, на кого съ истлѣвающей парчи смотрѣли изъ глубины вѣковъ — Нарва, Лѣсной, Полтава, Берлинъ, Измаиль, Варшава, Плевна, Адрианополь, передъ кѣмъ развертывалась слава, уходящая въ глубину трехъ, четырехъ вѣковъ!? Слава десятка поколѣній!

И позже, командуя полкомъ, сколько разъ ночью я просыпался въ тѣсной галиційской хатѣ или въ землянкѣ и видѣлъ надъ своею головою въ углу черный чехоль, копье съ Русскимъ двуглавымъ орломъ внутри и георгіевскій крестъ подъ нимъ. Живымъ и дарующимъ какую-то особую силу казалось оно мнѣ съ его именами славныхъ побѣдъ подъ Краономъ и Лаономъ полка Мельникова 10-го...

Я требовалъ, чтобы при первой просвиставшей пулѣ, при первомъ пушечномъ ударѣ, какъ только рвалась таинственная завѣса между «нами» и «имъ» — хорунжий при знамени со знаменнымъ урядникомъ снимали чехоль, и покрывку и распускали наше темносинее знамя съ изображеніемъ Нерукотворнаго Спаса. Я никогда не раскаявался въ этомъ своемъ приказаніи.

Мы пережили со знаменами тяжелое время.

Это время Японской войны. Были части, малодушно вознившія свои знамена при обозѣ: — эти части ранѣе внушали своимъ солдатамъ мысль о возможности пораженья. Въ военной литературѣ того времени мы найдемъ не мало малодушныхъ «пораженческихъ» статей, говорившихъ о необходимости отмѣны знаменъ, какъ излишней «обузы», требующей для своей охраны лишнихъ людей. Плохіе психологи были эти писатели.

Национальный флагъ у насъ до послѣдняго времени не имѣлъ такого священнаго значенія, какъ знамя. Вѣрнѣе, мы этого значенія не понимали. Мы трепали его по улицамъ въ табельные дни, вѣшали надъ балаганами и кабаками. Впервые я понялъ значеніе Русскаго флага, когда въ 1901 году оказался надолго въ Маньчжурской глуши, когда ѣздилъ верхомъ по лѣсамъ и горамъ съ этапа на этапъ. Тогда послѣ пятидесяти-верстнаго перехода, послѣ безмолвія «лѣсовъ Императорской охоты» на хребтахъ Джан-Гуань-Цайлин, когда увидишь вдали китайскую деревушку и надъ крайней фанзой въ сумеркахъ догорающаго чужого дня трепещущій бѣло-сине-красный флажокъ, когда почувствуешь, что тамъ свои, Русскіе, — до боли забьется сердце нѣжною привязанностью къ скромному символу великой Россіи.

Теперь мы всѣ это знаемъ. Теперь мы жадно и страстно ждемъ, когда взовьются Русскіе цвѣта надъ нашей страждущей, поработанной Родиной. Сколько изъ насъ отдало жизнь за эту свѣтлую мечту и сколько живетъ теперь единою мыслью, единымъ желаніемъ вернуть этому Русскому флагу его былую славу и значеніе.

Знамя—душа арміи. Знамя — великій символъ безсмертной идеи защиты Родины. Какъ много людей съ опасностью для жизни сохранили и вывезли свои знамена изъ кроваваго кошмара, охватившаго Россію! Иныя знамена вывозились по частямъ. Нужно-ли послѣ этого яркаго примѣра дѣйственнаго пониманія духовнаго значенія знамени говорить о томъ, какое громад-

ное значеніе оно имѣетъ для психологической толпы, каковою является армія?

Нужно-ли говорить, что не умерли, но живы тѣ полки, чьи знамена скромно ждуть въ Бѣлградскомъ храмѣ и въ другихъ мѣстахъ, когда «вѣрные своему долгу воины» соберутся подъ ними? Нужно-ли говорить о томъ, что тѣло наше могутъ убить, замучить на работахъ, унижить, заставить голодать, но безсмертной души, но сознанія вѣрности Родинѣ и любви къ ней, но сѣдыхъ полковыхъ знаменъ и штандартовъ — никто уничтожить не можетъ?

XX.

СОМКНУТЫЙ СТРОЙ.

«Нога ногу подкрѣпляетъ, рука руку усиляетъ» — учили Суворовъ.

Въ этихъ шести словахъ все значеніе сомкнутого строя въ прежнія времена, когда атаковали развернутымъ строемъ батальоновъ, когда встрѣчали атаки въ полковыхъ тяжелыхъ колоннахъ. Теперь, когда строи стали жидкими и цѣпи рѣдкими, когда вся боевая работа какъ будто ушла въ звено, нужны ли ротныя, батальонныя и полковыя ученья, сомкнутый строй, отбитая нога, барабанные бои и музыка церемоніальныхъ маршей?

Люди, одѣтые въ военную форму и поставленные въ строй, до известной черты будутъ оставаться со своими мыслями, со своими убѣжденіями, каждый будетъ имѣть свою душу и они не сольются въ одну общую полковую душу до тѣхъ поръ, пока не произойдутъ какія-то явленія, которыя уменьшаютъ ихъ рассудочныя, обособляющія способности, пока ихъ мысли и чувства не будутъ въ одну сторону ориентированы, пока ихъ воспримчивость ко внушенію не достигнетъ высшей степени.

Иными словами, строй есть толпа, которую надо сдѣлать психологической толпой, послушной волѣ на-

чальника. Сомкнутый строй, хождение въ ногу подь барабанъ или музыку, стройное движеніе колонны съ пѣснями, церемоніальный маршъ подь полковой оркестръ, — это все средства приучить людей отрѣшиться отъ себя и воспріять коллективную полковую душу. Послѣ такого общаго, волнующаго движенія люди разойдутся по звеньямъ, рассыплются въ цѣпи, уйдуть совсѣмъ изъ строя, распущенные по баракамъ или палаткамъ, но еще долго ихъ личная душа будетъ отсутствовать, долго еще будетъ оставаться горделивое сознание принадлежности къ мощному организму — своему полку.

И потому ученья въ сомкнутыхъ строяхъ, нога, барабанный бой, щегольской ружейный пріемъ, маршевая пѣсня и музыка имѣють значеніе и теперь, ибо они повышаютъ чувства бодрости, храбрости, помогаютъ одолевать животный страхъ.

Часть, обученная общему пріему, привыкшая къ сомкнутому строю, въ минуту робости и разстройства, тогда, когда вотъ-вотъ готова начаться паника, этими привычными командами, этимъ «чувствомъ локтя» приводится въ порядокъ. Видъ сомкнутаго строя, видъ толпы, повинующейся начальнику и съ нимъ единомышленной, вліяетъ и на противника, внушая ему уваженіе и страхъ передъ такою частью.

Скобелевъ, когда онъ видѣлъ, что идущая въ бой часть разстроена, что лица блѣдны и въ ней являются отсталые, останавливалъ такую часть и командовалъ ружейные пріемы или пропускалъ церемоніальнымъ маршемъ. Коллективная душа возвращалась къ полку и часть успокаивалась.

«18-го іюля 1877 года», — пишетъ С. Гершельманъ, — «подь Плевной одинъ изъ батальоновъ былъ приведенъ въ порядокъ производствомъ ученья ружейныхъ пріемовъ. Когда непріятель былъ не далѣе 45 шаговъ, батальонъ держалъ на караулъ. Турки не выдержали и повернули» *).

*) Гершельманъ. Нравственный элементъ въ рукахъ Скобелева.

1-го ноября 1917-го года, когда я былъ окруженъ матросами и красногвардейцами въ Гатчинѣ и фактически находился уже въ плѣну у большевиковъ, я былъ вызванъ на расправу на дворъ Гатчинскаго дворца.

Громадная, въ нѣсколько тысячъ человекъ, толпа красногвардейцевъ и матросовъ сплошь покрывала дворъ. У самаго входа, затурканные и ошалѣлые, стояли около четырехсотъ казаковъ 9-го Донскаго казачьяго полка. При моемъ появленіи на дворъ временно командующій полкомъ, Войсковой Старшина Лаврухинъ скомандовалъ:

— «Смирно! Господа офицеры!»

Я поздоровался, какъ всегда:

— Здорово, молодцы 9-й полкъ.

Полкъ дрогнулъ и дружно и громко отвѣтилъ по старому:

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

Этотъ отвѣтъ спасъ мнѣ тогда жизнь и отсрочилъ на цѣлыя сутки мой арестъ и увозъ въ Смольный институтъ.

Герой романа Куприна «Поединокъ», подпоручикъ Ромашовъ, жалкій слабовольный юноша, не любящій строя и не понимающій военной службы, плохой фронтовикъ, на неудачномъ, утомительномъ смотрѣ командующаго войсками округа попадаетъ въ строй всего полка, всѣхъ его шестнадцати ротъ, двухъ тысячъ человекъ, вдругъ получившихъ одну лѣвшу, и испытываетъ слѣдующія, душу возвышающія чувства:

... «Вторая полурота прямо! — услыхалъ Ромашовъ высокой бабій голосъ Арчаковскаго.

«И другая линія штыковъ, уходя, заколебалась. Звукъ барабановъ становился все тупѣе и тише, точно онъ опускался внизъ, подъ землю, и вдругъ на него налетѣла, смявъ и поваливъ его, веселая, сіяющая, рѣзко красивая волна оркестра. Это подхватила темпъ полковая музыка, и весь полкъ сразу ожилъ и подтянулся: головы поднялись выше, выпрямились стройнѣе тѣла, прояснились сѣрыя, усталыя лица...

... «Капитанъ Слива вышелъ впередъ — сгорбленный, обрюзгшій, оглядывая строй водянистыми выпу-

ченными глазами, длиннорукій, похожій на большую, старую, скучную обезьяну.

— «П-первая полурота... п-прямо!

«Легкимъ и лихимъ шагомъ выходитъ Ромашовъ передъ серединой своей полуроты. Что-то блаженное, красивое и гордое растеть въ его душѣ. Быстро скользить онъ глазами по лицамъ первой шеренги. «Старый рубака обвелъ своихъ ветерановъ соколинымъ взоромъ», мелькаетъ у него въ головѣ пышная фраза, въ то время, когда онъ самъ тянетъ лихо, нараспѣвъ: — Вторая полу-рот-а...

«Разъ, два!» — считаетъ Ромашовъ мысленно и держитъ тактъ одними носками сапогъ. «Нужно подъ лѣвую ногу. Лѣвой, правой?» И съ счастливымъ лицомъ, забросивъ назадъ голову, онъ выкрикиваетъ высокимъ, звенящимъ на все поле теноромъ: —

«Прямо!

«И, уже повернувшись, точно на пружинѣ, на одной ногѣ, онъ, не оборачиваясь назадъ, добавляетъ пѣвуче и двумя тонами ниже: —

— «Ра-авненіе направа-а!

«Красота момента опьяняетъ его. На секунду ему кажется, что это музыка обдаеть его волнами такого жгучаго, ослѣпительнаго свѣта и что мѣдныя, ликующіе крики падаютъ сверху, съ неба, изъ солнца. Какъ и давеча, при встрѣчѣ, — сладкій, дрожащій холодъ бѣжитъ по его тѣлу и дѣлаеть кожу жесткой, и подымаетъ и шевелить волосы на головѣ.

«Дружно, въ тактъ музыкѣ, закричала пятая рота, отвѣчая на похвалу генерала. Освобожденные отъ живой преграды изъ человѣческихъ тѣлъ, точно радуясь свободѣ, громче и веселѣе побѣжали навстрѣчу Ромашову яркіе звуки марша. Теперь подпоручикъ совсѣмъ отчетливо видитъ впереди и справа отъ себя грозную фигуру генерала на сѣрой лошади, неподвижную свиту сзади него, а еще дальше разноцвѣтную группу дамскихъ платьевъ, которыя въ ослѣпительномъ полуденномъ свѣтѣ кажутся какими-то сказочными, горящими цвѣтами. А слѣва блестятъ золотыя, поющія трубы оркестра, и Ромашовъ чувствуетъ, что между генера-

ломъ и музыкой протянулась невидимая волшебная нить, которую и радостно и жутко перейти.

«Но первая полурота уже вступила въ эту черту. — Хорошо ребята! — слышится довольный голосъ корпуснаго командира. — А-а-а-а! — подхватываютъ солдаты высокими, счастливыми голосами. Еще громче вырываются впередъ звуки музыки. «О, милый!» — съ умилениемъ думаетъ Ромашовъ о генералѣ. — «Умница!»

«Теперь Ромашовъ одинъ. Плавно и упорно, едва касаясь ногами земли, приближается онъ къ завѣтной чертѣ. Голова его дерзко закинута назадъ и съ гордымъ вызовомъ обращена влѣво. Во всемъ тѣлѣ у него такое ощущение легкости и свободы, точно онъ получилъ неожиданную способность летать. И, сознавая себя предметомъ общаго восхищенія, прекраснымъ центромъ всего міра, онъ говоритъ самъ себѣ въ какомъ то радужномъ восторженномъ снѣ:

«Посмотрите, посмотрите — это идетъ Ромашовъ». «Глаза дамъ сверкали восторгомъ». Разъ, два, лѣвой!.. «Впереди полуроты граціозной походкой шель красивый, молодой подпоручикъ». Лѣвой, правой!.. «Полковникъ Шульговичъ, вашъ Ромашовъ одна прелесть, — сказалъ корпусный командиръ: — я бы хотѣлъ имѣть его своимъ адъютантомъ».. Лѣвой!..

«Еще секунда, еще мгновение — и Ромашовъ пересѣкаетъ очарованную нить. Музыка звучитъ безумнымъ, героическимъ, огненнымъ торжествомъ. «Сейчасъ похвалить», — думаетъ Ромашовъ, и душа его полна праздничнымъ сіяніемъ»..

XXI.

ПОЛКОВОЙ МУНДИРЬ.

Сомкнутый строй, команда, общій ружейный приемъ, торжественно принесенное къ строю знамя, барабанный бой и музыка дѣлаютъ толпу людей единомышленной, собираютъ ихъ чувства, ихъ душевное «я»

въ одну большую коллективную единицу. Въ ней всѣ эти герои Купринскаго «Поедишка», — старый, длиннорукий, «похожій на скучную обезьяну» капитанъ Слива, неврастепникъ Ромашовъ и лихой, бравый молодчикъ Арчаковскій — живутъ однимъ чувствомъ, одною мыслью: — какъ лучше, лише пройти на церемониальномъ маршѣ, все забывая, думая только о полкѣ и составляя одно цѣлое: — нашъ полкъ.

Это чувство слiянности людей, это чувство особой коллективной единицы, столь важное на войнѣ и для войны, усиливается, увеличивается, усугубляется одинаковою одеждою, одинаковымъ номеромъ, общимъ названіемъ — полковымъ мундиромъ.

Мы пережили увлеченіе яркими, бьющими въ глаза формами одежды, тяжелыми киверами, султанами, шитьемъ, этишкетами, лацканами и ментишкетами, и пережили обратное увлеченіе защитнымъ цвѣтомъ, небрежно нашитыми обще-сѣрыми погонами съ номеромъ полка, наведеннымъ химическимъ карандашомъ. Наконецъ, мы видѣли безпогонную и вовсе не обмундированную армію.

Мы можемъ сдѣлать выводы изъ видѣннаго нами.

Возьмите людей и одѣньте ихъ въ сѣрые, грязные мѣшки, всѣмъ одинаковые, безъ всякихъ отличій. Они будутъ прекрасно примѣнены къ мѣстности, и въ нихъ очень трудно будетъ попасть, но они не покажутъ въ бою особенно высокой доблести. Отмѣтимъ величину ихъ доблести знакомъ «Х». Одѣнемъ этихъ людей съ нѣкоторыми отличіями, придадимъ этимъ отличіямъ особое духовное значеніе, выдѣлимъ этимъ отличіемъ ихъ передъ другими частями и этотъ «Х» станетъ съ коэффициентомъ 2, 3, 4 и т. д... Если мы станемъ одѣвать людей уже настолько ярко, что они будутъ рѣзко видны на мѣстности и вслѣдствіе своей одежды начнутъ сильно терпѣть отъ огня, — этотъ «Х» станетъ понижаться, будетъ подъ знакомъ дѣленія на 2, 3, 4 и т.д. Есть какая-то мѣра, которую организаторъ арміи — психологъ не долженъ переходить ни въ ту, ни въ другую сторону.

Разумъ говоритъ, что надо одѣться въ защитное платье, самое лицо вымазать въ грязи, сѣрыхъ лошадей выкрасить въ защитный цвѣтъ — а чувство, а духъ жаждутъ своего отличія и, поборая страхъ, пестрятъ одежду.

Въ минувшую войну офицерамъ было приказано одѣть погоны защитнаго цвѣта, однако, многіе офицеры неохотно разставались со своими металлическими погонами и долгое время носили ихъ.

Имя полка, шефъ полка, отличіе — возвышали духъ солдатъ въ бою.

Въ сраженіи на рѣкѣ Нидѣ, въ бою подѣ Новымъ Корчинымъ, въ началѣ декабря 1914 года, гдѣ участвовали 35-ая и 37-ая пѣхотныя дивизіи, были взяты многіе плѣнные австрійцы. Они единогласно показали, что наибольшія потери они понесли и наиболѣе смѣло ихъ атакуютъ полкъ съ погонами «съ лапками». Такъ называли они непонятный имъ вензель Императора Александра III — славянское А и III подѣ нимъ. Это былъ 145-й пѣхотный Новочеркасскій Императора Александра III полкъ. То, что онъ имѣлъ Шефа, — былъ наружно отличенъ передѣ другими полками — въ бою подняло духъ солдатъ, сдѣлало ихъ храбрѣе.

Кубанскіе и Терскіе казаки въ многихъ полкахъ во всю войну не разставались съ алыми и бѣлыми тумакми на черныхъ папахъ и съ цвѣтными башлыками. Традиціи части они ставили выше удобствъ защитнаго цвѣта.

Въ сраженіи на рѣкѣ Стоходѣ, весною 1916 года, 1-му Линейному казачьему генерала Вельяминова полку было приказано увлечь замывшуюся пѣхоту и заставить ее переправиться черезъ рѣку Стоходѣ. Линейцы, 2 сотни, подѣ командою Войскового Старшины Улагая, съ пулеметной командой есаула Тутова, въ черныхъ шапкахъ съ алыми тумакми, въ алыхъ развѣвающихся за спиною башлыкахъ, съ командиромъ сотни, есауломъ Лесевицкимъ, на бѣломъ конѣ во главѣ бросились въ конномъ строю лавами въ рѣку. Германцы ошалѣли отъ этого зрѣлища, наша пѣхота, прочно залегшая, встала и пошла за казаками. Казаки подѣ об-

рывомъ спѣшились, все такую же яркою, пестрою цѣпью пѣшкомъ подошли на триста шаговъ къ германскимъ окопамъ и пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ очистили дорогу кинувшейся въ штыки зачарованной ихъ алыми башлыками пѣхотѣ.

Каждый по себѣ знаетъ, какъ хорошо сшитое платье придаетъ человѣку самоувѣренность и какъ, наоборотъ, сознание, что онъ дурно или несоответственно случаю одѣтъ, дѣлаетъ даже самоувѣреннаго робкимъ и застѣнчивымъ.

Полковой мундиръ, являясь вывѣской на человѣкѣ, опредѣляя всѣмъ, кто онъ, связываетъ носителя мундира и заставляетъ человѣка вести себя такъ, чтобы не замарать мундира.

Въ журналѣ «Нива» за 1916 годъ былъ напечатанъ, не помню чей, рассказъ подъ названіемъ «Мундиръ безстыдства». Въ немъ описывалось, какъ офицеръ, случайно попавшій въ Петербургъ въ штатскомъ платьѣ почувствовалъ себя далекимъ отъ полка, отъ арміи, почувствовалъ, что многое изъ того, чего онъ не могъ сдѣлать въ мундирѣ, теперь ему позволено. Многие, что было стыдно дѣлать поручику такого-то полка, совсѣмъ не стыдно, если онъ «никто въ сѣромъ».

Уланъ, идущій въ отпускъ, надѣвалъ шапку съ султаномъ, мундиръ, продѣвалъ этикетку, цѣплялъ тяжелую брэнчащую саблю на кожаную портупею. Онъ не напьется, онъ не позволитъ себѣ дурного поступка, потому что вся эта красная форма напоминаетъ ему вездѣ, что онъ — уланъ Ея Величества. И тотъ же уланъ въ защитной рубахѣ съ защитными погонями въ сѣрой шапкѣ, слившійся съ толпою, не чувствуетъ этого сдерживающаго и возвышающаго значенія формы. Ему ничего не стыдно.

Съ полковымъ мундиромъ почти всегда связаны и полковья традиціи. Полковья традиціи — это неписанный уставъ части, это никѣмъ не утвержденное дополнение къ форменной одеждѣ, являющееся духовнымъ мостомъ къ славному подвигу дѣдовъ, къ былой походно-боевой жизни, къ торжественному сіянію прош-

лаго. Это то, что возвышаетъ душу человѣка и въ рѣшительный смертельный часъ помогаетъ ему побѣдить страхъ смерти.

Поютъ Елизаветградскіе великой княжны Ольги Николаевны гусары: —

Такъ держите имя Ольги,
Бѣлый ментикъ и штандартъ!

Отъ традицій надо отличать моду. Если традиции части надо всячески поддерживать и сохранять, то съ модою надо бороться. Мода, — эти фуражки прусскаго образца, эти англійскіе френчи при Русскихъ шароварахъ, эти похожія на юбки бриджи и галлифэ, — создается шапочниками и портными, культивируются героями тыла, паркетными шаркунами, бѣгающими строя. Мода можетъ, по истинѣ, стать «нравственной заразой» въ полку и гарнизонѣ. Традиція соединяетъ людей части въ дружное братство, мода разъединяетъ людей, вызывая зависть и насмѣшки. Лучшее средство бороться съ модой — дать войскамъ форму одежды и удобную и красивую, которая сама по себѣ такъ хороша, что не вызываетъ желанія вносить въ нее исправленія и измѣненія.

XXII.

ВОСПИТАНІЕ АРМІИ ВЪ АТЕИСТИЧЕСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ. ВОСПИТАНІЕ «КРАСНОЙ» АРМІИ.

Чѣмъ выше идеалы, за которые борется армія, тѣмъ доблестнѣе ведетъ она себя на войнѣ. Изъ примѣровъ великихъ Русскихъ полководцевъ, Петра и Суворова, изъ всего быта старой Императорской Арміи мы видѣли, что она боролась за великіе невѣсомые лозунги, лозунги души, а не тѣла: — «за вѣру, царя и отечество».

Какъ и чѣмъ побудить солдата побѣдить страхъ смерти государство, отказавшееся отъ Бога, государство, состоящее изъ людей, невѣрующихъ ни въ Бога, ни въ вѣчную загробную жизнь? Такому государству

остается лишь опереться на любовь къ Родинѣ и на необходимость жертвовать собою во имя ея. Такъ во Франціи — «honneur et patrie» — «честь и отечество», — стоящія на французскихъ знаменахъ, являются главными возбудителями чувства воинскаго долга.

Но, когда началась великая война, когда передъ милліонами призванныхъ на защиту Родины и ея чести запасныхъ всталъ страшный призракъ смерти, заглушіе, забытые и запыленные храмы наполнились. Люди на напертяхъ стояли на колѣняхъ, ожидая благословенія священника. Люди, съ дѣтства не бывшіе въ церкви, жаждали исповѣди и причастія. Аббаты и кюрэ, призванные въ ряды арміи рядовыми солдатами, по требованію полковъ исполняли обряды надъ умирающими, хоронили умершихъ, а для живыхъ служили мессы. Сама жизнь внесла поправку въ то, что было упущено. Люди, готовившіеся къ смерти, жаждали услышать великое слово о томъ, что смерти нѣтъ и что смерть тѣла за Родину даетъ безсмертіе души. Въ эти годы войны не говорили, что быть священникомъ — *sale métier* — грязное ремесло. Но, напротивъ, жаждали молитвы и утѣшенія...

Въ государствѣ, отрицающемъ не только Бога, но и идею Родины, какимъ является Совѣтская республика, совсѣмъ не остается моральныхъ средствъ вліять на солдата. Вотъ, что пишетъ въ іюлѣ 1927 года, чело-вѣкъ, близко наблюдавшій жизнь красной арміи:

«Дисциплина есть, но она поддерживается не любовью къ службѣ, не гордостью защитниковъ революціи и демократіи съ прибавленіемъ всей мало понятной красной словесности, а только страхомъ передъ репрессіями и ссылкой, которая теперь часто примѣняется. Полная индифферентность къ своимъ обязанностямъ, а подчасъ и предательское къ нимъ отношеніе съ точки зрѣнія служебныхъ требованій царятъ среди рядовыхъ красноармейцевъ и ясно, что никакая опредѣленно коммунистическая идея за или противъ войны не расшевелитъ ихъ на активность».

Красноармейская памятка учитъ:

— «Долой любовь къ ближнему, намъ нужна ненависть. Мы должны умѣть ненавидѣть. Только этой цѣной мы завоюемъ вселенную».

— «Религія и коммунизмъ несовмѣстимы ни въ теоріи, ни на практикѣ».

— «Мы ненавидимъ христіанъ. Даже лучшіе изъ нихъ должны разсматриваться, какъ наши худшіе враги. Они проповѣдуютъ любовь къ ближнему и милосердіе, что противъ нашихъ коммунистическихъ принциповъ. Христіанская любовь есть помѣха развитію революціи».

— «Мы покончили съ земными царями, займемся теперь царями небесъ»...

Эти призывы не новы. Они заимствованы изъ еврейскаго Талмуда.

— «Не жалѣй ихъ (христіанъ)», — значитъ въ книгѣ раввина Маймонида, Гильхошъ Акумъ X. 1. — «Написано: не жалѣй ихъ. Такъ, видя, что акумъ (христіанинъ) погибаетъ, — тонетъ, напримѣръ, — не подавай ему помощи. Если ему угрожаетъ смерть — не спасай».

Въ книгѣ Мехильта, въ главѣ Бешаляхъ написано:

— «Лучшаго изъ гоевъ (христіанъ) умертви, лучшей изъ змѣй раздроби мозгъ».

Въ книгѣ Софоримъ сказано: — «справедливѣйшаго изъ невѣрныхъ лиши жизни».

Это ученіе ненависти плохо прививается красноармейцамъ, особенно вышедшимъ изъ крестьянской семьи, гдѣ въ теченіе тысячи лѣтъ звучала проповѣдь любви къ ближнему. Поэтому красноармейцу внушается страхъ самыхъ ужасныхъ для него послѣдствій пораженія. Ему говорятъ, что всякій, кто побѣдитъ красную армію, будь то бѣлая армія или иностранная войска, круто повернетъ все къ «старому режиму». Этотъ «старый режимъ» рисуется самыми мрачными чертами. Отъ крестьянъ де отнимутъ землю, сдѣлаютъ ихъ крѣпостными, рабами помѣщика, рабочихъ закабалятъ на фабрикахъ, голодомъ и побоями заставятъ работать болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки. Эту мысль коммунисты внушаютъ обществу съ неумолимою

последовательностью и жестокостью. Не такъ давно въ красноармейской казармѣ былъ такой случай. Красноармеецъ въ присутствіи политическаго комиссара сказалъ:

— Раньше-то лучше было!

Комиссаръ выхватилъ револьверъ и со словами:

— Тебѣ прежде больше нравилось, такъ вотъ тебѣ!

— уложилъ его на мѣстѣ.

Все духовное запрещено для красноармейца. У него нѣтъ ни воспоминанія о славномъ прошломъ, ни надежды на свѣтлое будущее. Жизнь — это сегодняшній день. Живи и радуйся имъ. Если тебя погонять на войну или въ карательную экспедицію, тамъ тебѣ все позволено. Бери, грабь, насилуй женщинъ, обжирайся, упивайся виномъ, — ты побѣдитель, тебѣ все можно. Въ этомъ смыслъ войны. За это ты платишь страданіями и жизнью. Если повернешь — комиссаръ тебя пристрѣлитъ. Если побѣдишь — свои пулеметы по тебѣ хватаютъ. О будущей жизни не думай: — ея нѣтъ.

Въ Петербургѣ устроенъ крематорій. Красноармейцевъ водятъ туда, чтобы показать, какъ сгораетъ человѣческое тѣло и ничего не остается. Значитъ, и души нѣтъ. Широко публикуются опыты скрещиванія человѣка съ обезьяной, вовсе не въ научныхъ цѣляхъ, а только для того, чтобы сокрушить библейское сказаніе о сотвореніи міра, чтобы вытравить понятіе о Богѣ и душѣ.

Все это достаточно глупо, но на психологическую толпу глупость дѣйствуетъ всего сильнѣе.

Коммунистическая власть устраиваетъ передъ многолюдной толпой, толпой въ нѣсколько десятковъ тысячъ человекъ, показательные маневры. Пускаютъ газы, мечутся люди въ противогазовыхъ маскахъ, скрипя и гремя движутся танки, въ небѣ рѣютъ аэропланы, крадутся въ дымовой завѣсѣ цѣпи, скачетъ конница, тянутъ громадныя пушки. Все это такъ нелѣпо поставлено, что съ военной точки зрѣнія это недостой-

ный балаганъ. Но балаганъ этотъ дѣйствуетъ на толпу, онъ внушаетъ ей представленіе о совѣтской мощи и о непобѣдимости красной арміи.

Въ толпѣ говорятъ: — «Развѣ при царяхъ намъ это показывали? Развѣ при царяхъ мы такое видали?»

Коммунисты — большіе знатоки психологій толпы.

Они неустанно внушаютъ обществу поработенной ими Россіи, что они непобѣдимы, что ихъ армія великолѣпна, что, если-бы они были побѣждены, то всѣ тѣ, кто теперь имѣетъ землю, потеряютъ ее, понесутъ наказаніе за все совершенное, и этотъ внушаемый массѣ страхъ отвѣтственности и еще худшаго будущаго заставляетъ ее терпѣливо сносить всѣ ужасы настоящаго.

Красноармеецъ воспитывается исключительно страхомъ. Это не Фридриховское — «надо чтобы солдатъ боялся палки капрала больше, чѣмъ пули непріятеля». Это — поставленіе красноармейца передъ выборомъ: — «Пойдешь впередъ — можетъ быть, смерть, а можетъ быть и вывернешься какъ -нибудь. Не пойдешь — смерть навѣрняка».

Мы не можемъ себѣ представить, какой страшный, безпросвѣтный мракъ, какой неистовый ужасъ царятъ въ красноармейской душѣ. Это такая пустота, которую не зальешь никакимъ самогономъ, не заглушишь никакими насиліями надъ женщинами, никакою гульбою. Ихъ новыя пѣсни грубы и дики, ихъ развлечения низменны, впереди у нихъ ничего. Будущаго нѣтъ. Ихъ слава — темная, кровавая слава, безъ лучезарнаго сліянія со свѣтлой славой ихъ предковъ, безъ оправданія въ будущемъ. Въ этомъ кроется мужество многихъ изъ нихъ и ихъ военная сила. Это мужество отчаянія, это сила страшнаго своей пустотой сознанія: — «ничего больше не остается дѣлать, какъ сражаться и умирать». Это состояніе духа красноармейской массы отлично, рѣзко и точно изображено въ книгѣ совѣтскаго писателя Бабея — «Кон-армія».

ПРИЕМЫ ВОСПИТАНІЯ ВЪ КРАСНОЙ АРМІИ.

Въ самыхъ пріемахъ военнаго воспитанія коммунисты не придумали новаго. Они использовали старые способы вліянія на человѣческую душу: Религію, патріотизмъ, знамя, лозунги, форменную одежду, сомкнутый строй, музыку, пѣніе, внѣшность начальника.

Ихъ религія — «Ленинизмъ». Завѣты «Ильича» — ихъ заповѣди.

Въ старой Русской казармѣ въ каждомъ помѣщеніи роты, эскадрона, сотни, батареи и команды, въ красномъ почетномъ углу былъ болѣе или менѣе богато украшенный образъ святого, покровителя роты. Передъ нимъ горѣла лампадка, стояло паникадило и солдаты возжигали по праздникамъ свѣчи. Когда солдаты старой Императорской Арміи получали свое скудное жалованье, они бросали мѣдяки на поставленную фельдфебелемъ тарелку: — «на ротный образъ». Вечеромъ къ нему лицомъ обращалась рота и передъ нимъ пѣли «Отче нашъ» и «Спаси Господи люди Твоя». Двѣ трогательныя молитвы. Безъ нихъ было бы тяжело солдату проститься съ тяжелымъ трудовымъ днемъ.

Теперь въ каждомъ помѣщеніи красноармейской казармы есть свой «Ленинскій уголокъ». Онъ задрапированъ краснымъ кумачемъ, тамъ стоитъ бюстъ Ленина или виситъ его портретъ, лежатъ коммунистическія брошюры, висятъ плакаты съ «завѣтами Ильича». Тамъ собираютъ Русскихъ крестьянъ и рабочихъ, учатъ пѣть Интернаціональ и молиться новому богу злости и ненависти — Ленину. А попробуй кто не помолиться? Эти уголки видали кровавыя расправы и трупы, лежащіе передъ изображеніемъ «апостоловъ коммунизма».

Вмѣсто патріотизма: — обще міровой рабоче-крестьянскій союзъ съ алымъ знаменемъ и двумя символами сокрушительной работы — серпомъ, снимающимъ другими посѣянный урожай, и молотомъ, сокру-

шающимъ и раздробляющимъ другими построенныя зданія.

Все въ красноармейскомъ ритуалѣ направлено къ тому, чтобы поразить умъ, парализовать волю и завладѣть чувствомъ красноармейца.

Политическій комиссаръ... Откуда только набираютъ большевики эти отвратительныя, большей частью нерусскія хари со сбритыми усами и со всеми признаками вырожденія, для внушенія страха красноармейцамъ? Въ кожаной шапкѣ «комисаркѣ» съ алой звѣздой, въ кожаной курткѣ, въ кожаныхъ штанахъ, съ двумя, тремя тяжелыми револьверами на поясѣ и за поясомъ — Маузерами, Парабеллумами или Ноганами — онъ однимъ своимъ видомъ, одною своею громадною властью подавляетъ воображеніе красноармейца и доводитъ его до гипноза. Этотъ «политкомъ» вліяетъ не только на сѣрую массу призывныхъ, но и на молодыхъ краскомовъ и на самихъ начальниковъ.

За нимъ стоитъ таинственная сила коммунистической ячейки и вся система сыска и доносовъ...

Это такая страшная психологія, что, кто ея не пережилъ, тотъ ея не пойметъ.

Франтоватые, въ рубашкахъ съ косыми, подъ стрѣлецкія нашивками, въ красныхъ галиффе краскомы, расшитые по воротнику и рукавамъ золотыми и алыми звѣздами, квадратами и ромбами, грубые и фатоватые — «товарищи командиры», съ которыми красноармеецъ никогда не знаетъ, гдѣ кончается панибратство, когда можно ходить «въ обнимку» съ товарищемъ командиромъ, и гдѣ наступаетъ страшное «молчать — не разсуждать», каждую минуту могущее кончиться смертью, — загадочны, непонятны и страшны красноармейцу.

Мы не ошибаемся, если скажемъ, что красная армія живетъ какъ бы въ гипнозѣ вѣчнаго страха передъ своимъ начальникомъ.

Въ этомъ гипнозѣ она готова исполнять малѣйшее желаніе своихъ вождей. Ее сбиваютъ на митинги. На этихъ митингахъ она выноситъ самыя бессмысленныя постановленія. Она жжетъ чучела, изображающія Чер-

чилля и Чемберлена, жалуеть званіемъ «почетнаго краснаго рулевого» рабочаго металлиста Ворошилова, избираеть почетнымъ казакомъ Оренбургскаго казачьяго войска Лейбу Бронштейна.

Какъ зачарованная дьявольскимъ внушеніемъ толпы, красная армія невмѣняема и податлива ко внушенію. Когда кончится это внушеніе, когда распалутся эти чары, она сама ужаснется тому, что она надѣлала, она будетъ жадно искать пути къ исправленію и этотъ путь уже смутно тамъ намѣчается: — путь національной Русскоѣ Россіи.

Тамъ, въ этой отрезвѣвшей красноармейской толпѣ потребуются весь разумъ офицера, весь запасъ знанія, вся сила воли, все самое страстное чувство вѣры въ Бога и любви къ Родинѣ, чтобы перевоспитать эту толпу и создать изъ нея опять славную Россійскую Армію.

Въ эти страдныя, но и великія дни во весь ростъ, во всю высоту и величіе встанеть значеніе офицера, какъ вождя, начальника и воспитателя.

XXIV.

ВОСПИТАНІЕ ОФИЦЕРА.

Въ современной арміи съ ея короткими сроками службы, съ ея контингентами, составленными изъ людей самыхъ различныхъ убѣжденій, настроеній и вѣрованій, въ громадномъ большинствѣ съ атрофированной вѣрой въ Бога и съ неяснымъ чувствомъ любви къ Родинѣ, въ этой арміи, не желающей воевать, не любящей военной службы, смотрящей на нее, какъ на тяжелую, нудную и ненужную повинность, какъ на отрывъ отъ своего дѣла и личнаго благополучія, — на офицера и сверхсрочнаго унтеръ-офицера ложится тяжелый трудъ перевоспитать всѣхъ тѣхъ, кого еще можно перевоспитать, и заставить повиноваться тѣхъ, кого перевоспитать невозможно.

Страхъ наказанія за неисполненіе приказанія, наказанія, быстро слѣдующаго за проступкомъ, налагаемаго безъ суда, властью начальника, — иными словами, продуманно составленный дисциплинарный уставъ ложится въ основаніе воинскаго воспитанія всѣхъ армій. Но, какъ бы строгъ ни былъ дисциплинарный уставъ, вездѣ дающій право начальнику употребить оружіе для побужденія не повинующихся въ исключительныхъ случаяхъ, онъ безсиленъ, если съ одной стороны офицеръ не будетъ поставленъ въ такія условія, чтобы самая мысль о неисполненіи его приказанія не могла возникнуть въ головѣ солдата, а съ другой самъ онъ не будетъ умѣть такъ держаться, чтобы однимъ своимъ видомъ внушать солдату повиновеніе.

Въ грозные часы боя офицеръ долженъ умѣть владѣть собою, подавить въ себѣ чувство страха и внушить своимъ подчиненнымъ вѣру въ себя.

Это дастъ ему прежде всего глубокая, искренняя вѣра въ Бога и въ будущую жизнь. Тотъ офицеръ, который умѣетъ такъ вѣрить и внушить такую вѣру своимъ солдатамъ, всегда будетъ образцомъ доблести на любомъ посту, великомъ или маломъ. Такимъ былъ Суворовъ — такими были на послѣдней войнѣ доблестные герои Ахтырцы, братья Панаевы...

Офицеръ долженъ быть военно-образованнымъ человекомъ. Знаніе свойствъ всѣхъ видовъ оружія и современной техники и знаніе дѣйствій на войнѣ и свойствъ всѣхъ родовъ войскъ, — иными словами, знаніе всей сложной военной техники, артиллеріи, тактики и стратегіи помогутъ офицеру разбираться въ обстановкѣ. Для него не будетъ ничего неожиданнаго и непонятнаго, а слѣдовательно и страшнаго. Знаніе военнаго дѣла поможетъ ему въ бою толково работать, занять себя и своихъ людей, а слѣдовательно убрать докучную мысль о раненіи и смерти. Знаніе дастъ ему увѣренность въ себѣ, то есть повыситъ его душевную напряженность, дастъ ему энергію для дѣйствія и укрѣпитъ вѣру въ него его людей.

Образованный, знающій офицеръ, какъ въ бою, такъ и въ періодъ мирнаго обученія, будетъ вліять на своихъ солдатъ, будетъ авторитетомъ для нихъ и это облегчитъ ему овладѣніе коллективной душой своей части, поможетъ ему внушить ей высокіе идеалы мужества и храбрости.

Безъ образованія, безъ знанія не можетъ быть офицера. Одной храбрости мало.

Офицеръ никогда не товарищъ солдату, но всегда его начальникъ.

Онъ можетъ быть братомъ солдату, питать къ нему чувство любви, какое питаль, на примѣръ, полковникъ Л. Гв. Гренадерскаго полка Моравскій, ночью ходившій въ секреты, чтобы своимъ присутствіемъ ободрить и успокоить солдата, лежащаго ночью въ томительной неизвѣстности и вблизи отъ непріятели. Онъ можетъ и долженъ братски дѣлиться съ солдатомъ всѣмъ и помогать ему совѣтомъ и словомъ ободренія. Онъ долженъ, какъ отецъ, заботиться о подчиненномъ, непрестанно о немъ думая и опекая его, но онъ никогда не можетъ и не долженъ становиться съ нимъ въ товарищескія, панибратскія отношенія.

На этомъ и споткнулась красная армія. Она, объявившая, что краскомъ является товарищемъ красноармейцу внѣ службы, десятый годъ не можетъ наладить ни внутренняго порядка въ частяхъ, ни настоящей дисциплины. Если вечеромъ въ кинематографъ или танцуюлькѣ краскомъ ходитъ, обнявшись съ красноармейцемъ, и ухаживаетъ за тѣми же дѣвицами, то днемъ въ казармѣ онъ слышитъ на замѣчаніе: «почему не подметена казарма?» отвѣтъ: — «самъ подмети». А въ бою ему приходится стрѣлять въ спины, чтобы заставить идти впередъ. Въ красной арміи это уже учитываютъ и воен-мор-комиссаръ Ворошиловъ свое благодарственное письмо командѣ лин-кора «Маратъ» подписалъ уже не «съ товарищескимъ привѣтомъ» и не «съ коммунистическимъ привѣтомъ», но «съ братскимъ привѣтомъ».

Генераль Ольховскій въ своей прекрасной брошюрѣ «Воинское воспитаніе» рассказываетъ слѣдующій поучительный случай.

Командующій войсками Кіевскаго военного округа генераль Александръ Романовичъ Дрентельнъ производилъ смотръ полку. Послѣ смотра полку, онъ принялъ приглашеніе на завтракъ въ офицерское собраніе. Командиръ полка провозгласилъ тостъ за здоровье «Его Высокопревосходительства Командующаго войсками генераль-адъютанта Дрентельна». Въ концѣ завтрака какой-то подпоручикъ, находившійся въ размягченномъ душевномъ состояніи, подобномъ тому, въ какомъ находился Купринскій Ромашовъ во время церемоніальнаго марша, подъ влияніемъ смотра, ласковыхъ словъ начальника, музыки, рѣчей и вина всталъ и воскликнулъ: — «Господа, выпьемъ еще разъ за здоровье Александра Романовича!» — «Позвольте, позвольте!» — остановилъ его Дрентельнъ. — «Тутъ нѣтъ Александра Романовича. Я и въ банѣ командующій войсками!»*).

То, что офицеръ всегда есть начальникъ, накладываетъ прежде всего тяжелую узду на самого офицера. Онъ никогда, вотъ ужъ именно, даже и въ банѣ, не долженъ забывать своего офицерскаго достоинства.

Нашъ старый уставъ, титуловавшій офицера «ваше благородіе», «ваше высокоблагородіе» — постоянно напоминалъ этимъ и подчеркивалъ моральное превосходство офицера и его обязанность благородно себя вести, благородно поступать, быть рыцаремъ.

Въ силу этой же моральной обязанности офицера вести себя «по благородному» въ нашъ старый дисциплинарный уставъ былъ введенъ кодексъ объ офицерскомъ судѣ чести, допускавшій узаконенныя дуэли. Этимъ способомъ и солдатамъ и офицерамъ указывалось, что для офицера честь (невѣсомое) дороже жизни (матерьяльнаго, вѣсомаго).

*) П. Ольховскій. «Воинское воспитаніе». Бѣлградъ. Стр. 23.

Отсюда одинъ шагъ къ очень сложному и острому вопросу — о ношеніи форменной одежды, мундира, виѣ службы.

Защитники ношенія штатскаго платья виѣ службы обыкновенно говорятъ, что это дешевле. Неправда. Прилично одѣваться въ штатское платье стоитъ много дороже, чѣмъ быть хорошо одѣтымъ въ военномъ платьѣ. Кромѣ того, надо умѣть носить штатское платье, надо слѣдовать модѣ, а на это у офицера нѣтъ ни времени, ни средствъ.

Причина ношенія штатскаго платья офицерами другая. Это грозная, страшная, неохотно признаваемая причина, заключающаяся въ желаніи оградить офицера отъ возможныхъ эксцессовъ со стороны лицъ, враждебно настроенныхъ къ государственной власти.

Психологически это очень скверно. Заранѣе, еще до войны, до того момента, когда подъ вліяніемъ страха за свою цѣлость и жизнь, общество обратится въ психологическую толпу, массѣ уже незамѣтно внушается мысль, что она что-то можетъ сдѣлать съ офицеромъ, что офицеру лучше не показываться среди нея въ своей формѣ. Равно и офицеру тѣмъ самымъ внушается страхъ передъ тѣми людьми, которыми ему придется командовать. Создается очень нездоровая атмосфера, развращающая толпу и дурно вліяющая на офицеровъ. Мнѣ лично пришлось видѣть, какъ въ Парижѣ на улицѣ Rivoli кондукторъ автобуса ударилъ и вытолкалъ съ площадки лейтенанта въ формѣ. Публика была на сторонѣ кондуктора и было непередаваемо тяжело видѣть побитаго офицера, уходящаго подъ смѣхъ толпы. Въ день похоронъ Жореса военному министру Франціи пришлось бѣгомъ спастись въ Палату депутатовъ отъ криковъ, брани и угрозъ толпы. За это во дни войны придется нѣкогда платить большою кровью, какъ уже пришлось заплатить Франціи передъ страшными Марнскими днями.

Правильнѣе поступить то государство, которое, обязавъ офицера носить форму всегда и вездѣ, воспитаетъ свое общество въ уваженіи къ военному мундиру, оградитъ суровыми законами неприкосновенность

мундира и дастъ право офицеру оружіемъ защищать свою честь, въ свою очередь обезопасивъ общество отъ злоупотребленій съ обратной стороны.

Мундиръ, отданіе чести, «ты» при обращеніи къ нижнему чину, — все это, такъ легко отмененное въ дни революціи, какъ ненужныя цапки, какъ «игра въ солдатики», унижающая человѣческое достоинство, — все это оказалось потомъ не такимъ простымъ, ибо во всемъ этомъ было то незамѣтное воспитаніе духа, безъ котораго нельзя создать солдата.

Когда такъ просто и легко сердечное «ты» мы замѣнили холоднымъ «вы», слѣдуя требованіямъ невмѣняемой толпы, — мы незамѣтно сдѣлали офицера только начальникомъ, но уже не братомъ или отцомъ.

Я не буду долго касаться этого вопроса. Но я представляю себѣ покойнаго героя полковника Моравскаго. Ночью въ осеннюю стужу онъ прокрался къ своимъ часовымъ, лежащимъ въ пятистахъ шагахъ отъ непріятельской цѣпи. Тамъ охотники Иванчукъ и Сировой, его фельдфебель и горнисть. Какъ лучше сказать ему?

— Иванчукъ, вамъ холодно? Вамъ страшно... Ничего... Я съ вами.
или:

— Иванчукъ, тебѣ холодно... Потерпи, дорогой. Вмѣстѣ потерпимъ...

XXV.

СТАРШІЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Положеніе старшаго начальника въ современномъ бою нелегко. Бой раскинулся на многія версты. Старшій начальникъ находится далеко отъ поля сраженія.

Въ былое время начальникъ къ моменту атаки лично велъ резервы къ линіи боя. Они шли съ барабаннымъ боемъ, съ музыкой, съ распущенными знаменами. У Наполеона крики: «Vive l'Empereur!», несшіеся по всѣмъ

линіямъ, поднимали духъ французской арміи и понижали духъ арміи противника.

Теперь это невозможно.

Но начальникъ - психологъ и въ современномъ бою прибережетъ къ моменту атаки нѣсколько тяжелыхъ и легкихъ батарей, нѣсколько десятковъ танковъ и броневиковъ, и въ нужную минуту грозная музыка вдругъ загремѣвшихъ новыхъ батарей подыметъ духъ его войскъ и понизитъ духъ противника не хуже, чѣмъ крики «Vive l'Empereur» поднимали духъ Наполеоновскихъ войскъ. Ползущіе, переваливаясь по окопамъ, наши танки, ихъ выстрѣлы, шумъ пропеллеровъ нашихъ самолетовъ въ воздухѣ, трескъ пулеметовъ на скрипящихъ цѣпяхъ броневикахъ, — вотъ та музыка, тотъ оркестръ современнаго начальника, который онъ пошлетъ вмѣстѣ съ резервами въ бой. Умѣющій разбираться въ духовной сторонѣ жизни человѣка и толпы начальникъ сохранить этотъ запасъ для послѣдней минуты и пошлетъ въ рѣшительный моментъ сраженія.

Теперь старшему начальнику рѣдко удастся, какъ Скобелеву, на сѣромъ конѣ, въ распахнутомъ пальто кинуться съ атакующими цѣпями. Старшій начальникъ принужденъ беречь себя, ибо смерть или раненіе его тяжело отзываются на подчиненныхъ войскахъ. Однако, есть моменты, когда и старшему начальнику нужно для поднятія духа арміи умѣть рисковать собою.

Психологически — удаленіе штабовъ должно быть минимальнымъ. Для штаба полка — это линія дальняго ружейнаго огня, 2 версты отъ непріятеля. Для штаба дивизіи — не далѣе 4-хъ верствъ, для штаба корпуса — не далѣе 8 верствъ. Болѣе далекое разстяніе уже скверно вліяетъ на войска. Въ предвидѣннй боя начальникъ долженъ появиться на отвѣтственныхъ участкахъ позиціи и показать себя войскамъ. Онъ долженъ разстаться съ автомобилемъ, сѣсть на коня, а, гдѣ нужно, — пройти пѣшкомъ. Надо, чтобы люди видѣли его, разсматривающимъ не издали, а вблизи, тотъ путь, по которому они пойдутъ. Начальникъ, пріѣхавшій на позицію во время артиллерійскаго обстрѣла, не можетъ

уѣхать до окончанія обстрѣла. Спокойно долженъ онъ стоять или ходить по окопамъ, шутить съ солдатами, не кланяться разрывамя, смотрѣть въ бинокль, держа его не дрожащей рукой. Во время газовой атаки онъ долженъ въ противогазѣ быть на виду у своихъ людей, на пораженномъ участкѣ. Тутъ нѣтъ вопроса — разумно это, или нѣтъ. Это поднимаетъ духъ, это создастъ о баяніе вождя. И когда скажетъ такой вождь по телефону или даже по аппарату Юза: «впередъ», — его приказаніе исполнять.

Флюиды вѣтры въ себя, такъ же, какъ и флюиды колебаній и сомнѣній, излучаются и съ ленты Морза или Юза, и отъ беспроводнаго телеграфа. Когда начальникъ подходитъ къ аппарату, чтобы начать диктовать дежурному телеграфисту приказаніе или донесеніе, онъ долженъ обдумать каждое слово, чтобы ни лишнія слова, ни промежутки на лентѣ не выдали его колебаній. Самыя слова должны быть спокойныя, твердыя, увѣренныя, подобныя тѣмъ, какія были нѣкогда сказаны въ приказѣ Азовскому пѣхотному полку о штурмѣ Праги. Въ приказаніи не должно быть никакихъ «если», никакихъ «можетъ быть», никакихъ «попробуйте». Вездѣ повелительное наклоненіе, но это повелительное наклоненіе должно быть взвѣшено, продумано и возможно къ исполненію. Надо требовать минимумъ того, что части могутъ дать, но требовать исполненія этого минимума безповоротнo и блестяще. Такъ воспитанныя войска, когда нужно, дадутъ и максимумъ.

Не всегда же придется работать въ нездоровой обстановкѣ войны, воспитывая солдатъ въ бояхъ, какъ то пришлось дѣлать Добровольческой Арміи. Это исключеніе. Правило же говоритъ намъ, что передъ войною у насъ долгіе годы воспитанія и обученія и чѣмъ лучше мы обучимъ и воспитаемъ армію, тѣмъ вѣрнѣе мы обезпечимъ себѣ миръ.

При воспитаніи арміи начальникъ долженъ помнить, что въ боевой обстановкѣ будетъ исполнено лишь то, что привыкли исполнять въ мирныхъ условіяхъ.

Начальникъ долженъ знать, что страхъ неизбежно овладѣтъ его солдатами. Когда овладѣтъ ими страхъ, они будутъ дѣлать машинально, рефлекторно лишь то, что они привыкли дѣлать. Исполнять команды, разсыпаться въ цѣпи, примѣняться къ мѣстности, окапываться, ставить прицѣлы. Чѣмъ выше обученіе, чѣмъ болѣе натасканы солдаты, тѣмъ скорѣе они овладѣютъ собою.

На войнѣ неизбежны лишенія. Не доставятъ во время провіанта — голодай! На войнѣ придется переносить холодъ и страдать отъ грязи, отъ дождя и снѣга. Промокшее, иззябшее тѣло понижаетъ душевную стойкость, способствуетъ страху. Надо разчлѣнить и никогда не отмѣняемыми изъ-за погоды или усталости ученіями и маневрами закалить солдата, памятуя Суворовское правило: — «тяжело на ученіи — легко на походѣ».

Начальникъ еще въ мирное время долженъ выработать въ себѣ волю и умѣнье владѣть собою. Онъ долженъ принять опредѣленную военную доктрину и увѣровать въ нее, то есть твердо знать, что нужно и чего не нужно, что важно и что мелочи, безъ которыхъ можно обойтись.

Грядущая война будетъ безпощадна. Никакая Лига Націй ее не остановитъ и не предотвратитъ. Идея вѣчнаго мира и арбитража — сладкая, вредная и опасная утопія. Будущая война не будетъ считаться ни съ какими конвенціями и не будетъ щадить ни мирныхъ жителей, ни женщинъ, ни дѣтей. Достиженія техники стали огромны и врагъ, конечно, прежде всего попытается разстроить эту технику. Налеты аэроплановъ на столицы и фабрично-заводскіе центры, разрушеніе въ нихъ такихъ министерствъ, какъ министерства путей сообщенія, продовольствія, финансовъ, торговли, взрывы банковъ и фабрикъ, физическое уничтоженіе или внесеніе паники среди сложнаго бюрократическаго аппарата чиновниковъ, газетныхъ дѣятелей и рабочихъ, сѣяніе среди нихъ смуты, «пораженчества», агитація среди низшихъ служащихъ, призывъ ихъ къ неповиновенію, забастовки, терроръ, — вотъ что пой-

детъ въ ходъ въ будущей войнѣ наряду съ великолѣпной техникой и благодаря ей.

Большая доля сраженій перенесется въ тылъ, всегда шаткій и слабый.

При такой войнѣ еще большее, чѣмъ прежде, значеніе имѣетъ духъ всего народа, сопротивляемость не только арміи, но и общества, его моральная сила. Война пойдетъ на истощеніе нервовъ. У кого нервы окажутся крѣпче, тотъ и выдержитъ.

Въ настоящее время на офицера ложится громадная работа оздоровленія расшатанной атеизмомъ, социализмомъ и матеріализмомъ, этими гнилыми ученіями нашего вѣка, народной души. Офицеръ долженъ быть всегда на своемъ посту — пламеннымъ проповѣдникомъ, защитникомъ Родины и ея чести, въ казармѣ среди солдатъ, въ людской толпѣ на улицѣ, среди гражданъ, среди чужихъ людей. Вездѣ онъ долженъ быть образцомъ доблести, благородства и чести, какими явили себя Русскіе офицеры-моряки Средиземноморской эскадры во время Мессинскаго землетрясенія.

Гдѣ же найдетъ офицеръ отправныя точки для всѣхъ своихъ поступковъ?

Онъ найдетъ ихъ въ короткихъ поученіяхъ Русскаго героя, вождя чудо-богатырей — Александра Васильевича Суворова... **Не побѣдимаго!**

... «Все начинай съ благословенія Божія и до издыханія будь вѣренъ Государю и Отечеству.

«Богъ насъ водить: Онъ намъ генераль.

«Святыи храмъ — твердыня доблестямъ неодолима. Что дерево безъ корня, то почитаніе ко власти земной безъ почитанія ко власти Божіей: воздай честь Небу, потомъ Землѣ.

«Духъ укрѣпляй въ вѣрѣ отеческой православной: **безвѣрное войско учить — что желѣзо перегорѣлое точить.** Тонка щетина, да не переломить; такъ чудо богатыри —

покой, опора и слава отечества; съ нами Богъ!

«И великія дѣла криводушныхъ гаснуть.

«Побѣди себя — будешь непобѣдимъ...

.....
«Субординація.. экзерциція.. дисциплина.. Чистота.. здоровье.. опрятность.. Бодрость.. смѣлость.. храбрость..

«Побѣда!

«Слава!.. Слава!.. Слава!»

П. Красновъ.

Юль-Августъ. 1927.

Сантени.

Франція.

МАТЕРЬЯЛЫ.

- Герасимовъ, Ген.-М.* Опытъ военной психологіи. Руководство для военнаго училища и офицерской школы. Новочеркасскъ. 1918 г.
- Головинъ, Н. Н. Генералъ.* Изъ исторіи кампаніи 1914 года на Русскомъ фронтѣ. Прага.
- Головинъ, Н. Н.* Изслѣдованіе дѣятельности и свойствъ чловѣка, какъ бойца. С.-Петербургъ. 1907 г.
- Головинъ, Н. Н.* Мысли объ устройствѣ будущей Россійской вооруженной силы. Бѣлградъ. 1927 г.
- Головинъ, Н. Н. Генералъ.* Тактика въ задачахъ. Берлинъ. Книгоиздательство «Градъ Китежъ». 1923 г.
- Калининъ, И.* Русская Вандея. Государственное издательство. 1926 г.
- Красновъ, П. Н.* Картины былого тихаго Дона.
- Купринъ, А.* Поединокъ. Московское книгоиздательство
- Мандражи, К.* Дядя Саша. Газ. «Возрожденіе».
- Ольховскій, П.* Воинское воспитаніе. Военный Сборникъ № 7.
- Поповъ, К.* Воспоминанія Кавказскаго гренадера. Бѣлградъ. 1925 г.
- Р. П.* — Суворовскій духъ.
- Толстой, Л. Н., гр.* Война и Миръ. Берлинъ. 1920 г.
-
- Bonnal, général.* La psychologie militaire de Napoleon.
- Lebaud, colonel.* L'éducation du soldat de demain.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Предисловіе	5
Душа Арміи	27
I. Необходимость изученія военной психологіи	28
II. Чувство страха въ бою у рядового бойца, командира полка и старшаго начальника	33
III. Психическія явленія въ жизни человѣка	48
IV. Храбрость	53
V. Ужасы войны	61
VI. Поддерживающая и морализующая роль религіи	65
VII. Механическія средства воздѣйствія на душу человѣка	70
VIII. Толпа. Психологическая толпа	74
IX. Мода. Нравственная зараза	79
X. Войско, какъ психологическая толпа	81
XI. Начальникъ въ послѣдній моментъ боя	83
XII. Паника	89
XIII. Обработка общественнаго мнѣнія въ предвидѣніи войны. Русское общество въ эпоху Отечественной войны 1812-14 г.г.	93
XIV. Русское общество передъ Великой войной 1914-17 г.г.	99
XV. Настроенія арміи передъ Великой войной и во время войны	104
XVI. Значеніе моральнаго воспитанія народа	107
XVII. Воспитаніе солдата	114
XVIII. Приказъ	121
XIX. Знамя	125
XX. Сомкнутый строй	130
XXI. Полковой мундиръ	134

XXII. Воспитаніе арміи въ атеистическомъ государствѣ. Воспитаніе „красной“ арміи	138
XXIII. Приемы воспитанія въ красной арміи	143
XXIV. Воспитаніе офицера	145
XXV. Старшій начальникъ	150
Матерьялы	156

РУССКОЕ НАЦІОНАЛЬНОЕ
К-во „МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ“
(ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ С. А. КРЕЧЕТОВА)
„MEDNY WSSADNIK“ VERLAG
BERLIN

ИЗДАНІЯ:

- Кн. Сергѣй Волконскій.** „Мои воспоминанія“. Книга первая („Лавры. Странства“).
— „Мои воспоминанія“. Книга вторая („Родина“).
— „Быть и Бытіе“.
— „Послѣдній день“. Романъ-хроника.
- П. Н. Красновъ.** „Опавшіе листья“. Романъ.
— „Понять — Простить“. Романъ.
— „Единая-Недѣлимая“. Романъ.
— „Все проходитъ“. Историческая повѣсть въ 2-хъ книгахъ.
- Сергѣй Кречетовъ.** „Желѣзный перстень“. Книга стиховъ.
- Иванъ Лунашъ.** „Домъ усопшихъ“. Романъ.
— „Бѣль-Цвѣтъ“. Романъ.
- Р. Минцловъ.** „Царь Берендѣй“. Романъ.
- Любовь Столица.** „Елена Дѣева“. Романъ въ стихахъ.
- Альманахъ Мѣдный Всадникъ.**
- Левъ Урванцовъ.** „Завтра утромъ“. Романъ.
- И. Бѣлогорскій.** „Марсова маска“. Романъ.
- М. Первухинъ.** „Пугачевъ-Побѣдитель“. Историко-фантастическій романъ съ предисл. С. Кречетова.
- Е. Наградская.** „Рѣка временъ“. Историческій романъ.
— „Сумерки“ (вторая книга трилогіи „Рѣка временъ“).
— „Вечерняя зоря“ (третья книга трилогіи „Рѣка временъ“).

- Е. Черкесь.** „Жемчугъ слезъ“. Романъ. Съ предисловіемъ С. Кречетова.
- Д. Мережковскій.** „Александръ I и Декабристы“. Романъ. Съ предисловіемъ автора.
- А. И. Деникинъ.** „Очерки русской смуты“. Томъ V. „Бѣлое Дѣло“ (Лѣтопись бѣлой борьбы). Подъ редакціей А. А. фонъ-Лампе. Книга I, книга II, книга III.
- В. Шульгинъ.** „Три столицы“. (Путешествіе въ красную Россію).
- П. Н. Красновъ.** „Съ нами Богъ!“ Историч. двухтомный романъ изъ временъ Отечественной войны.
- Николай Громовъ.** Передъ разсвѣтомъ. (Путевые очерки соврем. совѣтской Россіи).
- Н. А. Павловъ.** „Земля и Воля“. Романъ.
- П. Н. Крупенскій.** „Тайна Императора“ (Александръ I и Федоръ Козьмичъ).
-

Складъ изданій: Книжный магазинъ
„GRAD KITESCH“
BERLIN W 62, KLEISTSTRASSE 21

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

U22.3
.K65
1927

Printed in Germany

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
„GRAD KITESCH“
Berlin W 62, Kleiststr. 21